

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 9 (633)

Август

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогольская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2022

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2022

© Редакция журнала «США & Канада»

(составитель), 2022

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 9 (633)

August

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 9 (633)

Приходько О.Б. Санкционная политика США против России: исторический опыт и современность.....	5
Лукин В.В. Россия и США в Антарктике: общие интересы и проекты.....	23
Кочегуров Д.А. Формирование антикитайского консенсуса «мозговых центров» США: от Д. Трампа до Дж. Байдена.....	43
Точка зрения	
Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.).....	65
Ретроспектива	
Воробьев Д.Н. От истоков к современным отношениям афроамериканского сообщества и Республиканской партии.....	79
Наука и технологии	
Сеянин Я.В. Система организации НИОКР в США на примере работ в области ИИ.....	95
Культура	
Гаврилов А.В. Отражение эволюции расовых отношений в США в Голливудском кинематографе 1930–1950-х годов.....	114
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 9 (633)

Prikhodko, O.V. U.S. Sanctions Policy against Russia: Historical Experience and Contemporary Landscape.....	5
Lukin, V.V Russia and the USA in the Antarctic: Common Interests and Projects.....	23
Kochegurov D.A. The Development of the Anti-Chinese Consensus among US Think Tanks: from D. Trump to J. Biden.....	43
 Opinion	
Sindeev, A.A. Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981).....	65
 Retrospection	
Vorobyev, D.N. From the Origins to Modern Relationships between the African American Community and the Republican Party.....	79
 Science and Technology	
Selyanin, Ya.V. R&D Management System in the U.S.: the Case of AI-Related Projects.....	95
 Culture	
Gavrilov, A.S. Reflection of Evolution of Race Relations in the USA in Hollywood Cinema of the 1930s-1950s.....	114

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673022090012

EDN: GUPLYH

Санкционная политика США против России: исторический опыт и современность

О.В. Приходько

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

РИНЦ ID: 626112

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Резюме: Экономическое принуждение уже многие десятилетия является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. Санкции, торговые эмбарго, ограничения в сфере финансов и технологий давно используются США как инструмент давления на государства, которые не подчиняются американскому диктату. Оставшись единственной сверхдержавой после окончания холодной войны, Соединённые Штаты расширили практику применения санкционных мер. Американская санкционная политика имеет ряд уникальных особенностей, благодаря которым в сфере её действия оказываются вовлечёнными практически все государства западного сообщества. Беспрецедентный характер нынешних американских санкций против РФ во многом объясняется тем, что российская политика воспринимается Вашингтоном как системный вызов доминированию США, требующий решительного отпора.

Ключевые слова: Россия, США, санкции

Для цитирования: Приходько О.В. Санкционная политика США против России: исторический опыт и современность. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (9): 5-22. DOI: 10.31857/S2686673022090012 EDN: GUPLYH

U.S. Sanctions Policy against Russia: Historical Experience and Contemporary Landscape

Oleg V. Prikhodko

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khebny per., Moscow, 121069 Russian Federation

РИНЦ ID: 626112

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Abstract: Economic coercion is a distinctive feature of the U.S. global strategy. During the Cold War and later on the United States practiced a wide array of sanctions, including trade embargoes, financial and economic restrictions, visa bans, as well as other punitive measures against countries in Europe (USSR/Russia, Belarus, Serbia), Asia (China, Burma), the Middle East (Iran, Iraq, Libya, Syria, Afghanistan), Central America (Panama, Nicaragua), Africa (South Africa, Zimbabwe, Sudan) and elsewhere (Cuba, Venezuela, etc.). The U.S. sanctions policy has unique specifics due to which the Western world turns out to be involved in its im-

plementation. February 2022 marked a milestone in the U.S. sanctions policy against Russia – the Biden administration embarked on a process of putting in place massive, crippling and even illegal measures such as a freeze of state assets of the Russian Federation in the U.S. banks. The unprecedented scale and toughness of the U.S. sanctions derive from the perception of the current Russian policy as a major challenge to the U.S. global power.

Keywords: Russia, United States, sanctions

For citation: Prikhodko O.V. U.S. Sanctions Policy against Russia: Historical Experience and Contemporary Landscape. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (9): 5-22. DOI: 10.31857/S2686673022090012 EDN: GUPLYH

ВВЕДЕНИЕ

История международных отношений свидетельствует, что государства применяют санкции в своей внешней политике уже многие века. Со времён Древней Греции они используют экономические рычаги, чтобы влиять на поведение соперников, оказывать на них давление, дестабилизировать и подтачивать силы государств, которые считают враждебными. Афины установили бойкот портового города Мегара, выступавшего на стороне Спарты, что способствовало провоцированию Пелопоннесской войны в V веке до н.э. Великие торговые империи, которыми на протяжении столетий были Венецианская Республика, Португалия, Нидерланды, Великобритания, активно использовали методы экономической войны для сдерживания экспансии своих противников.

Идея применения мер экономического принуждения для регулирования международных отношений восходит в американской политике к президенту В. Вильсону (1913–1921 гг.), который верил в эффективность санкций, рассматривая их как альтернативу военно-силовому способу поддержания миропорядка. Подобный подход нашёл отражение в ст. 16 Устава Лиги Наций, разработанного комиссией под его председательством [Kerr Ph., 1930: 289]. После Второй мировой войны санкции стали неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. Пользуясь своим особым положением в сфере международных финансов и торговли, Вашингтон активно применяет различные инструменты санкционного давления – от торгового эмбарго и ограничений в технологиях до блокировки ликвидных активов и замораживания собственности иностранных государств и компаний на территории США. Американские политологи констатируют: «Ни одна страна в мире не использует экономические санкции чаще чем Соединённые Штаты» [Early B., Preble K., 2020: 159].

История отношений США с государствами, чья политика их не устраивает, изобилует примерами использования американскими властями методов экономического принуждения. Во время холодной войны Вашингтон стремился всячески подорвать экономику СССР и стран, которые оказывались по другую сторону баррикад. В 1950–1960-е годы он вводил ограничения и замораживал активы Китая, КНДР, Камбоджи, Лаоса, Северного Вьетнама, Кубы. С 1980-х годов Соединённые Штаты широко применяли такую меру, как арест валютных активов в качестве инструмента давления на Россию, Сербию, Иран, Ирак, Ливию,

Сирию, Панаму, Никарагуа, Венесуэлу. От экстерриториальных санкций страдали третьи страны, в том числе и союзники США. Американские финансовые власти штрафовали европейские банки и компании на внушительные суммы за нарушение режима санкций.

Накапливавшиеся с 1990-х годов геополитические противоречия между Россией и Западом достигли кульминации на украинском направлении во втором десятилетии XXI века, где конфликт между ними приобрёл форму открытого противостояния, обозначив наступление новой эпохи в международных отношениях. В этом конфликте США и американские союзники прибегают к массированному применению против РФ широкого спектра санкций, масштабы которых равносильны ведению экономической войны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США

Исследования, посвящённые санкциям, начали появляться в США ещё в 1940-х годах, но наибольший всплеск интереса заокеанских теоретиков к санкционной теме наблюдался в два последних десятилетия XX века. Это было связано с расширением практики применения Вашингтоном санкционных инструментов в кризисных ситуациях того времени (захват американского посольства в Тегеране, ввод советских войск в Афганистан, вторжение Ирака в Кувейт, войны на Балканах в результате распада СФРЮ).

В обобщённом виде санкции представляют собой инструмент экономического принуждения для достижения политических целей. Американский аналитик Д. Дрезнер определяет экономическое принуждение «как угрозу или реальное действие государства или коалиции государств <...> с целью нарушения внешнеэкономических связей санкционируемой страны до тех пор, пока она не согласится принять предъявленные ей политические требования» [Drezner D., 1999: 2]. Изучая санкционный опыт США, американские теоретики Г. Хуфбауэр, Дж. Скотт, К. Эллиот, Э. Роджерс, Б. Поллинс стремились установить, от чего зависит результативность санкций, выяснить возможности их использования вместо военной силы для достижения политических целей. В зависимости от конкретной ситуации, когда цели санкционной политики сравнительно ограничены, меры экономического принуждения могут быть предпочтительной альтернативой в сравнении с вооружённым вмешательством по критерию эффективности затрат. В то же время многие американские эксперты ставили под сомнение полезность санкций – в их числе такие авторитетные политики, как Дж. Кеннан и Дж. Шульц, известный экономист Милтон Фридман, политологи Р. Джилпин, А. Чейс, Р. Пейп, М. Докси.

На разработку санкционных мер влияют различные факторы. Прежде всего это острота конфликта с санкционируемой страной и её ключевые характеристики – экономический потенциал, степень интеграции в мировую экономику, надёжность системы госуправления, стрессоустойчивость финансовой системы. Немаловажную роль в выборе применяемых мер играют внутривнутриполитические мотивы, связанные с политико-экономической ситуацией и накалом межпартий-

ной борьбы в самих США. Более чувствительным к настроению общественного мнения и склонным к более жёстким санкциям американское правительство становится в год выборов, особенно когда рейтинг президента низкий, как это имеет место сегодня в Соединённых Штатах. Администрация Байдена боится выглядеть слабой в реагировании на военную спецоперацию России на Украине. Она взяла курс на усиление прессинга на РФ, чтобы не позволить республиканцам разыграть эту карту на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2022 года.

Проведённые американскими экспертами исследования, опирающиеся на анализ большого массива статистических данных за несколько десятилетий, показывают, что степень воздействия санкций США на иностранные компании и банки сравнительно высока. Экстерриториальность санкционного законодательства Соединённых Штатов вынуждает компании и финансовые организации из третьих стран делать выбор между американским рынком и рынком санкционируемой страны, который в подавляющем большинстве случаев является для них гораздо менее прибыльным. Назначая внушительные штрафы нарушителям введённого режима и угрожая отлучением от американского рынка, финансовые власти США рассчитывают на «воспитательный» эффект: сталкиваясь с риском колоссальных финансовых потерь, компании и банки заинтересованы принять меры, чтобы обезопасить себя от подобной участи.

Эффективность санкций была низкой, когда США использовали их, пытаясь добиться смены режима или радикального изменения политики иностранных государств. Если санкционные меры преследовали ограниченные цели, их результативность была статистически более высокой. Замораживание администрации Дж. Картера в ноябре 1979 г. имущественных и золотовалютных активов Ирана в объёме более 14 млрд долл. (из них 8 млрд принадлежали Центробанку) *не только в США, но и в зарубежных юрисдикциях* (европейских филиалах американских банков), является примером успешного санкционного давления Соединённых Штатов [Alerassool M., 1993: 3, 168]. В этом же ряду стоят санкции, применявшиеся Вашингтоном в Конго и Судане, где их целью было содействие прекращению локальных военных конфликтов.

Статус доллара как ведущей мировой валюты предоставляет США уникальные возможности в данной сфере, поскольку любая трансграничная транзакция в этой валюте предполагает обязательное участие американского банка в качестве посредника – она проходит через американскую систему расчётов, что делает её уязвимой для санкций. Американский юрист Дж. Зоффер замечает, что «до тех пор, пока государства и субъекты коммерческой деятельности делают выбор в пользу участия в финансовой системе, основанной на долларе (или пока они не имеют реальной альтернативы этому выбору), Соединённые Штаты могут использовать свои финансовые рычаги давления в одностороннем порядке», вводить разорительные санкции, отказывая в доступе к долларам объекту санкций – государству, компании или физлицу [Zoffer J., 2019: 152, 154].

Даже в 1990-е годы, когда казалось, что монополярному положению США ничто не угрожает, заокеанские аналитики констатировали: «экономические санкции всё больше выдвигаются в центр американской внешней политики» [Haass R.,

1997: 74]. Санкционная практика Вашингтона подтверждает тезис представителей реалистской школы (в частности Дж. Миершаймера и Ч. Купчана) о том, что движущие мотивы, которые лежат в основе соперничества великих держав, способны перекрыть любые рациональные экономические доводы.

В XXI веке глобализация с её трансрегиональными логистическими и производственными цепочками, с одной стороны, расширила санкционные возможности Вашингтона, учитывая ведущую роль доллара в мировых финансах и американских патентов в разработке ключевых технологий, с другой – сделала их самих более уязвимыми для последствий от применения санкций против таких держав, как Россия и Китай, чьё ощутимое влияние на мировых рынках некоторых видов товаров, включая энергоресурсы, металлы и продовольствие, не может быть аннулировано директивой Минфина США.

В своей санкционной политике Вашингтон исходит из того, что экономика и финансы являются центральным полем битвы в современной войне [1]. Этот подход идёт вразрез с либеральными постулатами, которые лежат в основе глобализации. У многих политиков и экспертов сложилось убеждение: выстроенные в XXI веке глобальные сети тесно связали между собой государства цепочками поставок и финансовыми узами, многократно усилили их взаимозависимость, что сделало войну устаревшим способом разрешения конфликтов. Однако, как справедливо отмечают экономисты Г. Фаррелл и А. Ньюман, сама международная экономика превратилась в поле боя [2].

США традиционно рассматривают санкции как важный элемент механизма проецирования силы и влияния. Политологи Дж. Гудзовска и Дж. Прендергаст замечают, что «как и любой другой инструмент внешней политики, целевые санкции не работают сами по себе <...> Наоборот, они наилучшим образом действуют как часть более широкой многосторонней стратегии» [Gudzowska J., Prendergast J., 2022: 192]. Д. Дрезнер проводит схожую мысль и подчёркивает, что санкции, когда они правильно применяются, являются мощным средством внешней политики США в XXI веке [Drezner D., 2022: 192]. Вместе с тем, он указывает на то, что Соединённые Штаты, чрезмерно полагаясь на санкции, часто не учитывают всех обстоятельств, которые ведут к снижению их эффективности и вызывают негативные гуманитарные последствия, примером чему является ситуация в Афганистане.

АМЕРИКАНСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ СССР/РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В годы холодной войны США применяли санкции двух типов: меры экономического наказания как реакция на действия властей иностранных государств и рестрикции, которые были составной частью долгосрочной стратегии сдерживания СССР и Китая *без увязки с выдвиганием конкретного требования*, – это в первую очередь ограничения по экспорту высоких технологий и определённых видов товаров, как правило, двойного или военного назначения.

Первые санкции против СССР американские власти ввели в 1948 г. с целью затормозить наращивание советского военного потенциала. Впоследствии они неоднократно прибегали к различного рода ограничительным мерам в связи с теми или иными событиями. В декабре 1979 г. США в ответ на ввод контингента советских войск в Афганистан объявили зерновое эмбарго против СССР. Администрация Дж. Картера (1977–1981) отменила поставки в Советский Союз 17 млн метрических т зерна из 25 млн т, предусмотренных двусторонним соглашением 1975 г. Запрет не распространялся на первые 8 млн т зерна, по которым уже были подписаны контракты, так как Вашингтон не хотел создавать прецедент нарушения контрактных обязательств. В отличие от нынешних американских властей администрация Дж. Картера всё-таки сохраняла уважение к международному коммерческому праву, хотя в то время происходила эскалация противоборства между СССР и США.

Президент Дж. Картер и госсекретарь С. Вэнс полагали, судя по их мемуарам, что зерновое эмбарго больше чем какая-либо другая мера было способно повлиять на советскую экономику, подрывая продовольственную безопасность СССР. Вашингтон считал важным продемонстрировать готовность пойти на ощутимые экономические издержки ради того, чтобы навязать Москве высокую цену за ввод войск в Афганистан. Выбор зернового эмбарго в качестве санкции должен был показать жёсткость американской позиции, что было важно для Вашингтона в контексте ожидавшихся новых геополитических конфликтов с Москвой по ситуациям в Эфиопии, Южном Йемене и других регионах, где нарастало соперничество двух сверхдержав.

Объявляя в январе 1980 г. зерновое эмбарго, администрация Дж. Картера рассчитывала, что Советский Союз пострадает от этой меры гораздо больше, чем США. Однако она просчиталась в оценке тяжести последствий для советской экономики прекращения американских поставок. Вашингтон не ожидал, что другие экспортёры зерна смогут быстро заменить американских поставщиков. Зависимость от зернового экспорта была одним из наиболее уязвимых мест советской экономики, но международная конъюнктура позволила смягчить удар. Ведущие экспортёры зерна – Австралия, Канада, ЕЭС и Аргентина – обещали Вашингтону не использовать к своей выгоде американское эмбарго, однако довольно быстро забыли об этом обещании.

Закупленное американским правительством для экспорта в СССР зерно удалось лишь частично реализовать на мировом рынке. Тогдашний кандидат в президенты Р. Рейган назвал сумму прямых американских потерь в 1 млрд долл. По оценкам Минсельхоза США, падение доходов фермерских хозяйств в 1980 г. составило 40%. Соперник Дж. Картера на партийных праймериз сенатор-демократ Э. Кеннеди заявил тогда, что санкции бьют по американскому фермеру и налогоплательщику больше, чем по СССР. Уже спустя три месяца после своей инаугурации президент Р. Рейган (1981–1989) отменил зерновое эмбарго против СССР, и больше США не прибегали к этой мере. В 1980 г. потери СССР от *всех* американских экономических санкций оценивались в сумму более 500 млн долларов.

Зерновое эмбарго США против СССР, по оценке многих западных экспертов, является примером того, когда санкционер понёс большие издержки, чем объект его санкций. В этом смысле нынешние санкции США и Евросоюза, касающиеся запрета на импорт российских энергоресурсов, повторяют ситуацию с американским зерновым эмбарго 42-летней давности.

Сегодня, как и в 1980-е годы, одна из целей санкционной политики США заключается в отсечении Европы от российских энергоресурсов. Под влиянием нефтяного эмбарго ОПЕК, которое стало следствием арабо-израильской войны 1973 г., европейские державы решили диверсифицировать импорт углеводородного сырья, чтобы сократить свою энергетическую зависимость от Ближнего Востока. Они сделали ставку на закупку газа с месторождений Западной Сибири. Администрация Р. Рейгана пыталась воспрепятствовать соглашению ряда европейских государств с СССР о строительстве трансконтинентального газопровода, предложив им как альтернативу поставки американского угля вместо советского газа, но европейские союзники отказались от неравноценного обмена. На саммите НАТО в Оттаве в июле 1981 г. американский президент призвал западноевропейские страны отказаться от газопроводного проекта с СССР – не поставлять оборудование для компрессорных станций и трубы большого диаметра. Он повторил свой призыв о введении трубопроводного эмбарго на экономическом саммите в Версале в июне 1982 г., но европейские лидеры вновь проигнорировали американское обращение.

18 июня 1982 г. США объявили о расширении ранее введённого запрета на поставки нефтегазового оборудования в СССР: отныне эта мера была распространена на дочерние компании американских корпораций за рубежом (включая Европу), а также на иностранные фирмы, использующие американские технологии в производстве этой продукции. Она имела обратную силу – действовала в отношении уже ранее выданных лицензий на использование американских технологий. За нарушение запрета американское законодательство предусматривало 10-летний тюремный срок для руководителей компаний, штраф в 100 тыс. долл. за каждый случай нарушения, а также лишение привилегий в торговле с США. Штрафным санкциям подверглись компании ФРГ, Франции, Италии, Великобритании, которые осуществляли поставки нефтегазового оборудования в СССР.

Европейские союзники не признали экстерриториальность и ретроспективность американского санкционного режима. ЕЭС выпустило официальный протест против санкций. Даже Великобритания, ближайший союзник США, модернизировала национальное законодательство, чтобы защитить свои компании, которые не подчинились американскому эмбарго, – в марте 1980 г. британский парламент принял закон «О защите торговых интересов» (*Protection of Trading Interests Act 1980*). Сегодня подобное поведение американских союзников трудно себе представить.

Европейские державы отказались подчиняться американским требованиям. В августе 1981 г. ФРГ подписала рамочное соглашение с Москвой о финансировании газопроводного мегапроекта. В сентябре были заключены контракты между советским правительством и компаниями из стран ЕЭС на строительство трубопровода протяжённостью 5 тыс. км на общую сумму в 3,47 млрд долл. (почти 12 млрд в ценах 2022 г.). Осенью ФРГ и Италия заключили соглашение с

СССР о поставках газа из Западной Сибири. В январе 1982 г. аналогичный документ подписала Франция. В соответствии с этими контрактами доля советского газа в энергобалансе Западной Германии, Италии и Франции составила 30%. Западные европейские державы не хотели жертвовать своими долгосрочными экономическими интересами, продолжали отстаивать свою позицию, несмотря на сильное дипломатическое давление Вашингтона.

США не получали никакой видимой пользы от санкций, которые причиняли экономический вред Западной Европе и вызывали трансатлантические трения в ситуации, требовавшей единения перед лицом «евроракетного кризиса». В итоге Вашингтон пошёл на попятную. В ноябре 1982 г. Р. Рейган объявил, что все санкции против компаний из Западной Европы будут отменены. Он объяснил изменение американской позиции тем, что США и союзники достигли соглашения по вопросу экспорта в СССР, которое предусматривало повышение учётной ставки по экспортным кредитам, ужесточение ограничений на продажу высоких технологий и координацию усилий по пресечению «советского промышленного шпионажа». После отмены американских санкций в течение полугодия европейские компании подписали новые контракты с СССР в нефтегазовой сфере на сумму более 1,5 млрд долларов.

Прошло более четырёх десятилетий с тех событий. Сегодня ЕС заявляет о стремлении свернуть в 2022 г. закупки российского угля и нефти, а в 2027 г. – газа, рассчитывая на поставки нефти и СПГ из США, Катара и ряда других стран. При этом он обходит молчанием то, что в результате использования более дорогих энергоресурсов Европа столкнётся с увеличением производственных издержек и снижением конкурентоспособности энергоёмких видов европейских товаров на мировых рынках по сравнению с американской и китайской продукцией, что будет тормозить развитие её экономики.

Конец 1970-х – начало 1980-х годов был одним из пиковых периодов конфронтации между СССР и Западом: «евроракетный кризис» между СССР и НАТО, противостояние по Афганистану, объявление военного положения в Польше, бойкот Олимпиады-80 в Москве. *Накал противоборства между двумя сверхдержавами предполагал ужесточение требований к блоковой дисциплине для союзников. Однако по проблеме энергетического сотрудничества с СССР европейские державы продемонстрировали такой уровень самостоятельности, такую степень сопротивляемости американскому давлению, которая не вписывается в логику ситуации того времени и которая немислима для их поведения в нынешней кризисной ситуации 2022 года.*

После окончания холодной войны Вашингтон рассматривал интеграцию РФ в глобальную экономику как способ подчинения бывшей сверхдержавы американским правилам игры. Однако введённые в 2014 г. секторальные санкции США и ЕС обозначили поворот Запада к стратегии активного экономического противодействия России. С этого времени происходит последовательное расширение санкционного режима в отношении РФ. В дополнение к ранее принятым мерам против отдельных российских физлиц и компаний американские финансовые власти вместе с ЕС и партнёрами по Группе семи (G7) стали вводить целевые ограничения против финансового, энергетического и военно-

промышленного секторов российской экономики. Новые правила устанавливали запреты и рестрикции на определённые формы сотрудничества с РФ в нефтегазовой и финансовой сферах. Американские меры носили более жёсткий характер, чем ограничения ЕС. Однако, по словам бывшего посла Великобритании в Белоруссии Н. Гулд-Дейвиса, эти санкции не преследовали цель вызвать шоковый эффект или изолировать Россию, а были направлены на то, чтобы оказывать всё возрастающее давление главным образом путём ограничения доступа к технологиям и финансам [Gould-Davies N., 2020: 22].

Принятый Конгрессом США в 2017 г. закон «О противодействии врагам Америки посредством санкций» (CAATSA) предусматривает вторичные рестрикции против нарушителей американского санкционного режима, которые находятся в иностранных юрисдикциях. Таким образом, он распространял действие антироссийских санкций по всему миру. Закон собрал в себе практически все американские претензии к России – от «подавления свободных СМИ» до нарушения соглашений по контролю над вооружениями. Он обязывает Минфин регулярно предоставлять Конгрессу доклады о воздействии санкций на РФ и возможности введения новых ограничений. *Таким образом, курс на эскалацию санкционного давления на РФ был законодательно запрограммирован задолго до российской военной спецоперации на Украине.*

Новой вехой в санкционной политике США против РФ стало введение 6 апреля 2018 г. ограничений в отношении 24 российских физлиц, которые были наказаны американскими властями за действия российского государства, хотя не входили в госаппарат. Это решение свидетельствовало также о намерении Соединённых Штатов посредством санкций влиять на структуру собственности и управление крупными частными российскими компаниями. Правда, не все последствия своих действий они могли просчитать: Минфин США был вынужден смягчить ограничения для компании «Русал», чтобы не блокировать поставки российского алюминия американским союзникам.

НОВАЯ САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Подход администрации Дж. Байдена (вступил в должность президента США 20 января 2021 г.) к использованию санкций сформулирован в ряде официальных документов, включая Обзорный доклад американского Минфина о санкционной политике США, который был обнародован в октябре 2021 г. В этом документе заместитель министра финансов У. Адейемо подчёркивает, что «санкции являются принципиально важным инструментом продвижения интересов американской национальной безопасности <...> Мы стремимся работать с партнёрами и союзниками над модернизацией и усилением этого важнейшего инструмента» [3].

После начала российской военной спецоперации на Украине в феврале 2022 г. США и их союзники развернули против РФ самое масштабное наступление в истории экономических войн. По сообщению некоторых западных изданий, Вашингтон начал планирование разрушительных санкций ещё в ноябре

прошлого года. Эту деятельность курировали У. Адейемо и заместитель помощника президента США по национальной безопасности Д. Сингх (оба работали ещё в администрации Б. Обамы).

США возглавили список государств, которые ввели наибольшее количество санкций против РФ: с 2014 г. они приняли 1983 антироссийские ограничительные меры, далее идут Канада (1402), Швейцария (1361), Великобритания (1360) и ЕС (1199) [4]. Сегодня Россия подвергается самому мощному санкционному прессингу со стороны Вашингтона, хотя ещё осенью прошлого года она делила пятое-шестое место с Венесуэлой, уступая Ирану и ряду других стран по количеству действующих против неё ограничительных мер, что следует из упомянутого Обзорного доклада Минфина США [3]. О беспрецедентном масштабе американских санкций говорит не только впечатляющая статистика, но и расширяющийся диапазон секторальных ограничений, который охватывает финансово-банковскую сферу, внешнюю торговлю, ключевые отрасли тяжёлой промышленности и машиностроения, энергетику, транспорт, логистику, высокие технологии, оборонпром, авиа- и судостроение, космонавтику.

Экономические санкции США, введённые против России с конца февраля, действуют по нескольким ключевым направлениям: замораживание валютных резервов ЦБ РФ, отключение российских банков от американской финансовой системы и международного механизма межбанковских транзакций *SWIFT*; эмбарго на импорт российского углеводородного сырья и металлопродукции; запрет на экспорт высоких технологий; блокирование доступа РФ к принадлежащим ей валютным средствам в МВФ и Всемирном банке; отмена режима наибольшего благоприятствования в торговле (что означает повышение тарифной нагрузки на разрешённый российский экспорт); ограничения в отношении российского суверенного долга.

Слабость двусторонних торгово-экономических связей между Россией и США, американское влияние в сферах мировых финансов, технологий и торговли, союзническая поддержка в Европе и Азии – всё это даёт Соединённым Штатам возможность широкого выбора санкционных мер против РФ. Общий объём российско-американского товарооборота составляет весьма скромную величину в 36,1 млрд долл.: в 2021 г. США экспортировали в РФ товаров на 6,4 млрд, а импортировали – на 29,7 млрд долл. [5]. По данным бюро экономического анализа Минторга США, в марте американские компании фактически свернули экспорт в Россию автотранспортной техники и запчастей к ней (легковых автомобилей было продано на 3 млн долл.); в целом американский экспорт в Россию резко сократился – до 101,1 млн долл. (последний раз он был меньше в феврале 1999 г.). *Россия находится в пятом десятке торговых партнёров США по объёму американского экспорта и в третьем десятке – по размеру импорта* [6].

Согласно данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2021 г. основными статьями российского экспорта в США были: минеральное топливо, нефтепродукты и дистилляты стоимостью около 9 млрд долл.; промышленные драгметаллы, драгоценные и полудрагоценные камни – 2,4 млрд; сталелитейная и железорудная продукция – 1211,2 млрд; товары, не отнесённые к конкретной кате-

гории, – 1,1 млрд; удобрения – более 1 млрд долл. Российские компании закупали за океаном главным образом промышленные товары – машины и оборудование (2,6 млрд долл.), автотранспорт и запчасти к нему (2,1 млрд), фармацевтические товары (1,8 млрд), оптическую, измерительную и прецизионную технику (1,3 млрд), электрооборудование и его компоненты (0,8 млрд долл.). В последние годы США свернули экспорт высокотехнологичной продукции в РФ по многим направлениям, в частности были прекращены поставки двигателей и композитных материалов для российских самолётов.

Финансовая система РФ, включая её банковский сектор, является главным объектом американских санкций, так как её состояние во многом определяет устойчивость российской экономики. США, в отличие от ЕС, полностью отключили российские банки, в том числе Центральный банк, от своей финансовой системы. Они обязали американские банки и их зарубежные филиалы закрыть все корреспондентские счета российских кредитно-денежных учреждений и запретили открывать новые.

Остриё финансового удара направлено против золотовалютных резервов России, размещённых на счетах в западных банках. Введённые администрацией Дж. Байдена 28 февраля санкции охватывают примерно 80% валютных активов российских банков и частных компаний. Эти меры включают в себя замораживание резервов Центробанка, средств Минфина и ФНБ, размещённых в американских банках (по данным на 1 января 2022 г. в США хранилось 6,4% российских валютных резервов ЦБ РФ). Аналогичные действия предприняли Германия, Франция, Австрия, Великобритания, Канада и Япония – в результате общий объём замороженных за рубежом валютных госрезервов России составил около 310 млрд долл. (51,6% активов данной категории).

Ключевую роль в координации этой многосторонней акции играли министр финансов США Дж. Йеллен и тогдашний премьер-министр Италии М. Драги (ушёл в отставку 21 июля). Ещё до открытия международных финансовых площадок утром 28 февраля западные банки синхронно и быстро произвели блокировку российских валютных активов, лишая ЦБ РФ возможности перевести их в безопасные места хранения. Арестованные западными державами валютные запасы российского Центробанка по объёму во много раз превышают все суверенные активы государств, которые когда-либо были заморожены на Западе. *Эта вероломная акция явилась по существу объявлением финансовой войны против России.*

В последние годы ЦБ РФ последовательно сокращал долю валютных резервов, деноминированных в американских долларах, но в то же время увеличивал накопления в евро и фунтах стерлингах, видимо полагая, что в кризисной ситуации ЕС и Великобритания не примкнут к американским санкциям. Такая наивность может объясняться либо самонадеянностью российских финансовых властей, либо отсутствием у них доступа к качественной политической экспертизе: трудно представить себе обстоятельства, когда в кризисной ситуации Брюссель и Лондон не стали бы теснейшим образом сотрудничать с американской администрацией по данному вопросу.

Новым проявлением курса на экономическое удушение России стали санкции США, ЕС и Великобритании против золотых резервов ЦБ РФ. Прибегая к этой мере, Вашингтон, Брюссель и Лондон исходят из того, что данный запрет ограничит возможности России использовать эти запасы, так как наиболее активно международная торговля золотом осуществляется на биржах Нью-Йорка и Лондона. К тому же покупателей золота гораздо меньше, чем покупателей долларовых активов.

Одним из приоритетных направлений американской санкционной политики является замедление технического прогресса и ограничение экспортного потенциала топливно-энергетического сектора российской экономики, учитывая их роль в экономическом развитии РФ и огромный вклад в бюджет страны. 8 марта администрация Дж. Байдена одобрила пакет санкций, который включает в себя эмбарго на импорт российской нефти, сжиженного газа и угля, запрет на американские инвестиции в российскую энергетику и на финансирование иностранных компаний, которые осуществляют капиталовложения в производство энергоресурсов на территории России.

США заблаговременно готовились к введению санкций против нефтегазовой промышленности России. За весь прошлый, 2021, год в Соединённые Штаты было поставлено более 245 млн баррелей российской нефти. Однако в декабре американские компании закупили её заметно меньше по сравнению с ноябрем – около 2,8 млн баррелей на 216,6 млн, тогда как их суммарный импорт за этот месяц составил 192,4 млн баррелей на сумму 13,5 млрд долл. [7]. Из статистических данных видно, что *доля России в американском нефтяном импорте снизилась до мизерного значения – около 1,5%, что делает введённое через два месяца нефтяное эмбарго сравнительно безболезненной мерой для США.*

В январе нынешнего, 2022, года США прекратили импортировать российскую нефть, увеличив закупки сырья в Мексике, Анголе, Гане, Ливии, Кувейте. В феврале американские компании возобновили импорт российской нефти, закупив 741 тыс. баррелей и ещё больше в марте – 3,5 млн баррелей [6] для снабжения американских НПЗ, которые работают с тяжёлыми сортами нефти. Альтернативные источники поставок таких сортов нефти сложно найти на мировом рынке. Рост нефтяных цен, спровоцированный антироссийскими санкциями, привёл к повышению стоимости бензина и других нефтепродуктов в США. Администрация Дж. Байдена была вынуждена выдать компании «Шеврон» (Chevron) разрешение на ведение переговоров с властями Венесуэлы о закупках нефти для американских НПЗ, которые специализировались на её переработке, чтобы остановить рост цен на топливо в преддверии приближающихся промежуточных выборов в Конгресс. Вводя в 1980 г. санкции против энергетического сектора советской экономики, США призывали Западную Европу (ЕЭС) отказаться от закупок газа в СССР, предлагая в качестве альтернативы поставки американского угля. Прошло больше четырёх десятилетий, а история повторяется. Только теперь Вашингтон предлагает ЕС взамен российского газа поставки американского СПГ и нефти.

Ограничения на экспорт высоких технологий и наукоёмких товаров являются одной из базовых установок американской санкционной политики, которая

восходит к началу холодной войны. Санкции носят здесь широкомасштабный характер, так как распространяются на товары и компоненты, произведённые в критически важных секторах промышленности США, протестированные с использованием американских разработок и продаваемые третьими странами, в частности Китаем. В производстве практически всех видов компьютерных чипов используются либо патенты, либо технологии изготовления и тестирования, права на которые принадлежат разработчикам из Соединённых Штатов.

Экстерриториальность является одной из отличительных черт американской санкционной политики. Чтобы принудить зарубежные банки и компании к соблюдению американских санкций, Управление по контролю за иностранными активами Минфина США применяет штрафы и другие меры наказания в отношении нарушителей. Особенно сурово оно карает банки, которые играют заметную роль в сфере международных финансов и торговли. Устанавливая для них чрезвычайно высокие штрафы за несоблюдение санкционного режима, американские финансовые власти рассчитывают на психологическое воздействие подобных мер на потенциальных нарушителей. Подобные санкции применялись к таким крупным европейским банкам, как «Креди Сюис» (*Credit Suisse*), «Ай-эн-джи бэнк» (*ING Bank*), «Стэндард чартерд» (*Standard Chartered*), «Эйч-эс-би-си» (*HSBC*), «Би-эн-пи Парибас» (*BNP Paribas*).

Характерной чертой санкционной политики США является её «интернационализация» – создание максимально широкой коалиции государств в поддержку американских санкций. Исторический опыт показывает: «чтобы санкции могли оказать влияние, необходимо международное сотрудничество» [Drezner D., 1999: 15]. Это объясняет стремление администрации Дж. Байдена подключить к санкциям против России как можно больше государств. В нынешней санкционной кампании против РФ участвует около 40 стран, включая и те, которые де-факто отошли от традиций нейтралитета, в частности Швейцария. Координируя взаимодействие с союзниками, в том числе в рамках многосторонних структур – МВФ, ЕС, НАТО и *Группа семи*, Вашингтон стремится усилить синергетический эффект санкций и минимизировать нежелательные последствия для американской экономики от вводимых ограничений.

Курс на экономическое удушение России пользуется двухпартийной поддержкой в США. О том, что в этом вопросе сложился прочный консенсус, свидетельствуют опросы общественного мнения, которые показывают, что 88% демократов и 85% республиканцев одобряют жёсткие экономические санкции против РФ. Однако в западном экспертном сообществе звучат сомнения в способности экономических ограничений достичь заявленных целей, учитывая высокую мотивированность России, её готовность к сопротивлению, так как «особенно трудно принудить к подчинению тех, кто преследует <...> свои коренные интересы» [8].

Введение юридически сомнительных финансовых санкций против России и использование доллара в качестве оружия подрывает международное доверие к этой валюте, разрушает репутацию американских банков как надёжных партнёров. Западные аналитики ещё в 1980-1990-е годы предупреждали, что замораживание активов иностранных государств создаёт риски для американских интере-

сов. Сегодня они признают, что демонстрация администрацией Дж. Байдена экономической силы США только подталкивает Россию, Китай и других соперников к дедолларизации своих экономик, «созданию альтернативных финансовых институтов и структур, которые защитят их от санкций и создадут угрозу статусу американского доллара как главной мировой валюты» [9]. По мнению американского политолога китайского происхождения С. Лю, «непреднамеренным следствием западных карательных санкций может стать укрепление российско-китайского партнёрства по дедолларизации. Участие в таком партнёрстве может быть привлекательным и для Индии», проявлявшей интерес к совместным работам с Россией и Китаем над альтернативной системой, отличной от *SWIFT*, которая позволила бы ей вести торговлю со странами, находящимися под американскими санкциями [10]. С. Лю полагает, что соединённые в единую схему национальные системы межбанковских сообщений России, Индии и Китая стали бы привлекательной альтернативой для стран, которые уязвимы для санкций или недовольны доминированием доллара.

Россия, столкнувшись с жесточайшим финансовым прессингом Запада, вынуждена возглавить борьбу за избавление от ига американского доллара. Её подход созвучен интересам ведущих держав незападного мира. Хотя доллар остаётся основной мировой валютой, его позиции в сфере международных финансов постепенно сокращаются. Согласно данным МВФ, доля доллара в валютных резервах центральных банков уменьшилась с 71% в 1999 г. до 59% в 2021 г. [11]. Эта лишь одна из тенденций в формировании альтернатив американоцентричным механизмам глобального управления. Юань понемногу расширяет свои позиции в международной торговле. За последние два года он опередил японскую иену и канадский доллар, выйдя на четвёртое место в списке ведущих валют, уступая только валютам США, ЕС и Великобритании. Однако пока на юань приходится в стоимостном выражении лишь 2,29% мирового объёма платежей [12]. Он занимает ещё очень скромное место в резервах центральных банков, не считая России, которая является здесь явным лидером, намного опережая занимающие второе и третье места Бразилию и Швейцарию [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Санкционная политика США и в предыдущие годы отличалась агрессивностью, но в последнее время она превратила международные финансы и экономику в настоящее поле боя. Западная коалиция государств, развязав экономическую войну против России, обрушила большой сегмент глобальной системы мирохозяйственных связей. Стремление нанести как можно больший ущерб России оказалось для Запада важнее священных принципов, которые были положены в основу современной западной цивилизации – уважение частной собственности, верховенство закона, соблюдение международных норм и правил, исполнение взятых обязательств и т.д. Все эти принципы были принесены на алтарь крестового похода против РФ. Запад предполагал, что чем больший шо-

ковый эффект санкции произведут на Россию с самого начала конфликта, тем больших уступок можно будет добиться от неё.

Санкционные меры США и ЕС против РФ приобрели беспрецедентный характер именно потому, что российская политика воспринимается как системный вызов западной гегемонии в международных отношениях. Запад рассчитывает на то, что в эпоху глобальных сетей его санкционные возможности многократно возрастают. Однако никакой санкционный режим не является герметичным – всегда найдутся лазейки, как обойти те или иные ограничения. Для России может быть полезен опыт того, как вопреки американскому нефтяному эмбарго Иран продавал свою нефть Китаю и Турции через трансфертный ценовой механизм в обход традиционной системы взаиморасчётов, принятой в международной торговле.

Попытки США добиться изоляции России провалились. Китай, Индия, Пакистан, Турция, Египет, ЮАР, Бразилия, государства Юго-Восточной Азии (за исключением Сингапура), Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки не присоединились к западным санкциям. Они продолжают поддерживать политические и торгово-экономические связи с РФ. Рынки этих государств остаются открытыми для российского бизнеса.

Американские эксперты признают, что Запад своими санкциями изменил правила игры в сфере международных финансов. Они выражают опасение, что экономическая война против РФ может стать триггером дестабилизации и других деструктивных процессов в глобальной экономике, привести к разрушению международно-правовых основ её функционирования, превращая нормы коммерческого и контрактного права в заложников политической конъюнктуры. Развязанная Западом экономическая война против России опрокинула утвердившиеся с 1990-х годов представления о том, что глобализация, расширяющаяся взаимозависимость между бывшими противниками, будет подталкивать их к сотрудничеству, препятствуя возникновению конфликтов.

Одним из методов экономического принуждения, к которому прибегал Вашингтон, чтобы заставить неугодные страны подчиниться его требованиям, была блокировка их валютных активов. От этих непропорциональных действий американских властей в своё время пострадали Иран, Ирак, Ливия, Афганистан, КНДР, Куба, Панама, Никарагуа, Венесуэла. Богатый список подобных примеров должен был насторожить российские финансовые власти, заставить их задуматься об упреждающих мерах по выведению валютных резервов страны из-под возможных санкций США и их союзников.

Международные финансовые отношения играют центральную роль в функционировании мировой экономики. Политизация сферы международных финансов будет иметь далеко идущие последствия. Для стран незападного мира всё, что деноминировано в долларах, евро и других западных валютах, превратилось в потенциально токсичные активы. Эти государства теперь не могут не считаться с тем, что в кризисной ситуации США и их союзники могут, как в случае с Россией, самочинно лишить владельцев госактивов, размещённых в западных банках, возможности распоряжаться своими средствами.

История американской санкционной политики даёт основание предположить, что США могут подключить свою судебную-правовую систему, чтобы «узаконить» направление замороженных валютных активов России на удовлетворение исков американских компаний и граждан по поводу компенсации ущерба от российской военной спецоперации на Украине. В ответ РФ может использовать свои юридические ресурсы для возмещения ущерба от неисполнения американскими контрагентами обязательств в результате неправомерных санкционных действий властей США.

История американской политики финансово-экономического принуждения показывает, что устойчивость к санкциям США не зависит напрямую от масштабов страны, размера её экономики или военного потенциала. Замораживание активов и торговое эмбарго не помогли США добиться своих целей ни на Кубе, ни в Иране, ни в Ливии, ни в Сирии, ни в Венесуэле, где Вашингтон добивался смены политического режима. Тем не менее, санкции будут и дальше играть важную роль в американской внешней политике – во многих случаях военная интервенция несёт больше издержек для США, чем использование экономической силы.

Существующие политические и экономические теории не позволяют надёжно предсказать эффективность конкретных санкционных мер. Применение антироссийских экономических санкций связано со значительной неопределённостью для их инициаторов. Эта неопределённость выражается как в непредвиденных издержках и последствиях, с которыми уже столкнулся Запад, так и в его неспособности достоверно определить адаптационные возможности страны с таким большим и многомерным потенциалом, как Россия.

В противодействии американскому санкционному давлению следует учитывать, что иностранные средние и малые компании часто не имеют достаточных ресурсов, чтобы постоянно отслеживать, какие циркуляры издаёт Минфин США и как новые директивы этого ведомства меняют требования к соблюдению санкционного режима. Заслуживает внимания и то, что американским контролирующим органам удастся эффективнее выявлять крупные нарушения санкционного режима иностранными финансовыми институтами и гораздо сложнее им это делать в отношении небольших производственных компаний, о чём свидетельствует статистика. Чем дальше компания в своей операционной деятельности отстоит от американской финансовой системы, тем ей проще уклониться от санкционных требований США.

Целесообразно взглянуть по-новому на сотрудничество РФ со странами Запада в вопросах борьбы с отмыванием денег, которые обозначены в документах Группы двадцати (G-20) и других международных форумов, тем более что сами западные державы, в частности Великобритания, отказываются от обмена налоговой информацией с Россией. В этой ситуации встаёт вопрос: а не стоит ли, исходя из нынешней ситуации, пересмотреть надобность в таком сотрудничестве или хотя бы подходить к этому вопросу крайне избирательно, рассматривая каждый случай в отдельности?

Определённую пользу в противодействии западным санкциям могло бы принести увеличение неопределённости для противника, в том числе за счёт максимально воз-

возможного закрытия экономической и финансовой информации по России. В этом случае США будет сложнее оценивать эффективность санкций. Предложенная мера носит экстраординарный характер, но нынешняя ситуация диктует нестандартные решения. Вашингтон здесь не сможет ответить России симметрично, так как американское законодательство жёстко регулирует данный вопрос, не позволяя скрыть такого рода данные от Конгресса и общественности.

Нынешняя санкционная война Запада против России служит недвусмысленным предупреждением для Китая. Тесные экономические взаимосвязи РФ и интеграционной Европы, которые по ряду направлений имеют критическое значение для обеих сторон (энергоресурсы, транспортная логистика и т.д.), не помешали ЕС принять беспрецедентные санкции против Российской Федерации. Можно предположить с высокой степенью вероятности, что в случае обострения американо-китайской конфронтации США пойдут на введение не менее жёстких мер торгово-экономического и финансового давления на КНР, несмотря на высокую степень взаимозависимости двух крупнейших экономик мира.

ИСТОЧНИКИ

1. M. Klein, J. Schneider, and D. Talbot. Only a Financial NATO Can Win the Economic War. *Foreign Policy on-line*. March 23, 2022. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/03/23/economic-war-russia-sanctions-bailouts-west-g7-nato> (accessed 05.05.2022).

2. H. Farrell, A. Newman. The U.S. is the Only Sanctions Superpower. *The New York Times on-line*. March 16, 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/03/16/opinion/us-russia-sanctions-power-economy.html> (accessed 04.04.2022).

3. U.S. Department of the Treasury Releases Sanctions. Review. October 18, 2021. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0413> (accessed 22.02.2022).

4. Ch. Bown. Russia's war on Ukraine: A sanctions timeline. Available at: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/russias-war-ukraine-sanctions-timeline> (accessed 25.05.2022).

5. Trade in Goods with Russia. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c4621.html> (accessed 15.05.2022).

6. U.S. International Trade in Goods and Services. March 2022. Available at: <https://www.bea.gov/sites/default/files/2022-05/trad0322.pdf> (accessed 10.05.2022).

7. U.S. Imports of Crude Oil by Selected Countries and Areas. Available at: https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/2022pr/ft900_2201.pdf (accessed 13.03.2022).

8. Norrlöf C. The New Economic Containment. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-03-18/new-economic-containment> (accessed 20.04.2022).

9. Zongyuan Zoe Liu, M. Papa. The Anti-Dollar Axis. *Foreign Affairs on-line*. March 7, 2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2022-03-07/anti-dollar-axis> (accessed 24.04.2022).

10. Zongyuan Zoe Liu. Besides China, Putin Has Another Potential De-dollarization Partner in Asia. Available at: <https://www.cfr.org/blog/besides-china-putin-has-another-potential-de-dollarization-partner-asia> (accessed 25.05.2022).

11. S.Arslanalp, B. Eichengreen, Ch. Simpson-Bell. The Stealth Erosion of Dollar dominance: Active Diversifiers and the Rise of Nontraditional Reserve Currencies. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2022/English/wpia2022058-print-pdf.ashx> (accessed 04.04.2022).

12. Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency. February 2022. Available at: <https://www.swift.com/swift-resource/251761/download> (accessed 23.03.2022).

REFERENCES

Alerassool M. 1993. Freezing Assets: The USA and the Most Effective Economic Sanction. London: The Macmillan Press Ltd., XIII, 238 p.

Drezner D. 1999. The Sanctions Paradox. Cambridge: Cambridge University Press, XVI, 342 p.

Drezner D. 2022. Replies. Can Sanctions Be Smart? // *Foreign Affairs*. March-April. Vol. 101. No. 2. P. 192-193.

Early B., Preble K. 2020. Enforcing US Economic Sanctions: Why Whale Hunting Works // *The Washington Quarterly*. Vol.43. No. 1. P. 159-175.

Gould-Davies N. 2020. Russia, the West and Sanctions // *Survival*. Vol. 62. No. 1. P. 7-28.

Gudzowska J., Prendergast J. March-April 2022. Can Sanctions Be Smart? // *Foreign Affairs*. Vol. 101. No. 2. P. 189-192.

Haass R. November– December 1997. Sanctioning Madness // *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 6. P. 74-85.

Kerr Ph. May 1930. Europe and the United States: The Problem of Sanctions // *Journal of the Royal Institute of International Affairs*. Vol. 9. No. 3. P. 288-324.

Zoffer J. April 2019. The Dollar and the United States' Exorbitant Power to Sanction // *AJIL Unbound*. Vol. 113. P. 152-156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Oleg V. Prikhodko, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Статья поступила в редакцию / Received 27.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.06.2022.

УДК 327(470:73)+910.4(99)

DOI: 10.31857/S2686673022090024

EDN: GUSVZD

Россия и США в Антарктике: общие интересы и проекты

В.В. Лукин

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (АНИИ)

Российская Федерация 199397 Санкт-Петербург, ул. Беринга, 3.

РИИЦ ID: 552642

e-mail: lukin@aari.ru

Резюме. Многолетние российско/советско-/американские отношения носят весьма сложный характер, в котором продолжительные периоды острой конфронтации в политических, экономических и военных вопросах сменялись краткими временами сближения на почве общих интересов и смягчения уровня напряжённости. Начиная с 2008 г. тренд российско-американских межгосударственных отношений постоянно направлен в сторону усиления противостояния, что особенно проявилось после начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 года.

Особую роль во взаимодействии РФ и США занимают полярные регионы планеты. Если Арктика с начала холодной войны до сегодняшнего дня рассматривается как наиболее перспективный театр военных действий между этими странами, то Антарктика, расположенная на крайнем юге Земли, со второй половины 50-х годов XX века олицетворяется как регион мира, международного сотрудничества и науки. Российская Федерация и Соединённые Штаты Америки, являясь крупнейшими и наиболее активными полярными державами мира, уверенно заняли ведущие позиции в Антарктике, по праву став лидерами в вопросах политики, науки и логистических операций антарктического регионального сообщества. Оно было образовано после подписания по инициативе США и при активном участии СССР международного Договора об Антарктике 1959 г. Несмотря на сложный характер отношений между двумя государствами в период холодной войны, этот Договор неожиданно объединил советские и американские позиции в развитии международного правового режима управления Антарктикой. За более чем 60-летний период деятельности этого акта международного права обе страны неоднократно успешно проводили совместные научные исследования, логистические операции, мероприятия по охране окружающей среды и укрепления мер сдерживания в распространении ядерного оружия. Представляется важным, чтобы опыт межгосударственного понимания и взаимодействия на шестом континенте между РФ и США укреплялся и стал примером для использования в других сферах международной деятельности.

Ключевые слова: Россия, США, межгосударственные отношения, полярные регионы, Договор об Антарктике, наука, логистика, политика

Для цитирования: Лукин В.В. Россия и США в Антарктике: общие интересы и проекты. *США Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (9): 23-42.

DOI: 10.31857/S2686673022090024

EDN: GUSVZD

Russia and the USA in the Antarctic: Common Interests and Projects

Valery V. Lukin

*Arctic and Antarctic Research Institute (AARI)
38, Bering str., St. Petersburg, 199397 Russian Federation
РИИЦ ID: 552642 e-mail: Лукин В.В. <lukin@aari.ru>*

Abstract. Multiyear Russian/Soviet-American relations have quite a complicated character in which the prolonged periods of sharp confrontation in the political, economic and military problems were replaced by brief periods of converging of interests and mitigation of the level of tension. Beginning from 2008, the trend of our interstate relations was constantly directed towards strengthening confrontation, which became especially evident after the beginning of special military operation of Russia in the Ukraine on 24 February of 2022. The polar regions of the globe play a special role in interaction of our countries. While the Arctic from the beginning of “cold war” up to present is considered as the most perspective theater of military actions between Russia and the USA, the Antarctic situated in the southernmost area of the Earth, is represented from the second part of the 1950-s as the region of peace, international cooperation and science. Our countries being the largest and most active polar nations in the world, firmly occupied the leading positions in the Antarctic region becoming leaders by right in the issues of politics, science and logistical operations of this regional community. It was formed after establishment by the USA initiative and at active participation of the USSR of the international Antarctic Treaty of 1959. In spite of a complicated character of relations during the “cold war”, this Treaty unexpectedly combined the Soviet and American standpoints in the development of the international legal regime of the Antarctic governance. For the 60-year period of activity of this act of the international law, our countries many times carried out successfully joint scientific studies, logistical operations, undertook measures for environmental protection and containment of nuclear arms. One would like the experience of interstate understanding and mutual interaction between both countries on the sixth continent to be strengthened and become an example for use in the other spheres of international activity.

Keywords: Russia, the USA, interstate relations, polar regions, Antarctic Treaty, science, logistics, politics

For citation: Lukin V.V. Russia and the USA in the Antarctic: Common Interests and Projects. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (9):23-42.

DOI: 10.31857/S2686673022090024 EDN: GUSVZD

ВВЕДЕНИЕ

События, происходящие в Европе с 24 февраля 2022 г., продолжают оставаться в центре внимания большинства стран мира. Ход специальной военной операции России на Украине, стремительное развитие русофобии и многочисленные разнообразные политико-экономические санкции западного мира против России, серьёзные осложнения в экономике Европейского Союза после введения эмбарго на приобретение российских энергоносителей, новые шаги по расширению НАТО на северо-западных границах РФ ежедневно обсуждаются в политическом руководстве и в СМИ ведущих мировых держав. Главные роли в этих процессах принадлежат России и США.

Как и во второй половине XX века, отношения между ними во многом определяют сложившийся миропорядок и реальные угрозы мировой безопасности. Важное место в этом процессе занимают полярные регионы. Россия и США являются признанными лидерами в исследованиях и освоении Арктики и Антарктики. От государственных позиций обеих держав на Крайнем Севере и Юге Земли зависят характер развития этих регионов и их роль в глобальной безопасности человечества. Под последним обстоятельством понимаются не только вопросы сдерживания их военного противостояния, но и проблематика климатических изменений, освоения природных ресурсов и сохранения окружающей среды.

Уже более 80-ти лет политические позиции России и США находятся в центре внимания мирового сообщества. Две ядерные сверхдержавы, постоянные члены Совета Безопасности ООН большую часть этого исторического периода остро соперничали за распространение сфер своего влияния на различные регионы мира. Дважды это соперничество на грани острого противостояния ставило мир перед угрозой начала ядерной войны. Временами противостояние сменялось короткими периодами разрядки межгосударственной напряженности, и тогда правительства СССР (России) и США достигали различных соглашений и договоров, по принятой международно-правовой форме.

Особый интерес в плане российско-американских отношений имеет Антарктический регион, в котором обе державы с момента подписания в 1959 г. по инициативе США и при активном участии СССР международного Договора об Антарктике находят взаимопонимание. Несмотря на сложный характер их взаимоотношений в период холодной войны, этот Договор неожиданно объединил советские и американские позиции в развитии международного правового режима управления Антарктикой. За 60-летний период деятельности этого акта международного права обе страны неоднократно успешно проводили совместные научные исследования, логистические операции, мероприятия по охране окружающей среды и укрепления мер сдерживания в распространении ядерного оружия – достойный пример межгосударственного понимания и взаимодействия для использования и в других сферах международной деятельности.

Какие же мотивы объединяют государственные интересы России и США на крайнем юге Земли? Попытаемся найти ответ на этот вопрос в предлагаемой публикации.

РОССИЯ И США В ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ

В 2020–2022 гг. российско-американские отношения достигли своего критического состояния: американский истеблишмент захлестнула волна русофобии, началось взаимное закрытие консульских представительств и резкое сокращение дипломатических корпусов на территориях обоих государств. Попытки изменить сложившуюся ситуацию были предприняты дважды. 16 июля 2018 г. в Хельсинки состоялась встреча президентов РФ В.В. Путина и США Д. Трампа, в ходе которой не было достигнуто каких-либо важных решений по изменению характера российско-американских отношений. Стороны лишь согласились, что

необходимо предпринимать совместные усилия для их возвращения на прошлый уровень. 16 июня 2021 г. в Женеве прошёл новый саммит двух президентов – В.В. Путина и вступившего в должность в январе 2021 г. президента США Дж. Байдена, на котором они определили возможные сферы российско-американских переговоров. К ним были отнесены вопросы общей борьбы с международным терроризмом и киберпреступностью, а также обсуждение ситуации в Арктическом регионе. Как видно, полярная тематика является одним из первоочередных совместных государственных интересов России и США.

Что касается Северного полярного региона, то многолетнее военно-политическое противостояние двух держав в период холодной войны и в XXI веке не давало возможности проводить совместные акции и исследования и в Арктике. После распада СССР были закрыты многие воинские подразделения России на Арктическом побережье и островах Евразии, резко сокращён корабельный состав российского Северного флота, значительно сократилось количество боевого патрулирования российских атомных подводных крейсеров, вооружённых стратегическими БР. В 1990-е годы в акваториях морей Сибирского шельфа стали активно работать различные научные и природоохранные экспедиции, организованные европейскими странами, США, Китаем, Республикой Корея, Японией. Некоторые из них носили совместный характер с российскими коллегами. Однако в XXI веке ситуация стала меняться.

Кооперация между Россией и США в полярных регионах интенсивно развивалась в Антарктике. Здесь произошло прочное укрепление позиций обоих государств.

Антарктика была открыта 200 лет назад независимо друг от друга русскими, британскими и американскими моряками [Lukin V., Prior S., 2021]. Систематическое изучение Южного полярного региона началось в первые годы XX века. Ведущую роль в этом играли национальные экспедиции Великобритании, Норвегии и Австралии. Американские исследователи также внесли значительный вклад в этом направлении знаний. Среди них особо следует выделить Р. Бэрда (1928-1930, 1933-1935, 1939-1941 и 1946-1947 гг.), Л. Элсуорта (1933-1939 гг.) и Ф. Ронне (1946-1948 гг.), активно использовавших в изучении и освоении Антарктиды самолёты. Это позволило получить уникальные сведения о рельефе и состоянии ледяного покрова центральных районов шестого континента, а также доказать отсутствие океанического пролива, покрытого льдом между морями Уэдделла и Росса, о существовании которого заявляли многие известные полярные учёные в начале XX века.

В 1939 г. в структуре ВМС США была организована Антарктическая служба, которой было поручено заниматься вопросами изучения и освоения Антарктики. Крупномасштабные работы по картированию больших участков побережья Восточной и Западной Антарктиды специалисты США провели в первые годы после завершения Второй мировой войны в летних сезонах 1946-1947 и 1947-1948 гг. Это стало возможным благодаря высокому уровню технологий, достигнутого США во Второй мировой войне, при применении аэрофотосъёмки для

картирования подстилающей поверхности с целью составления топографических карт на занятых противником территориях.

В начале 1950-х годов группа американских геофизиков предложила крупный международный проект по изучению антарктической магнито- и ионосферы в период максимального развития солнечной активности (1957-1958 гг.). Этот проект был поддержан Американским геофизическим союзом, Международным советом научных союзов и Всемирной метеорологической организацией. В дальнейшем, он был назван Международным геофизическим годом (МГГ) и распространён на весь земной шар. Геофизические проекты были дополнены программами по метеорологии, океанографии, геологии, геодезии и биологии. В странах для проведения комплекса мероприятий по осуществлению программы МГГ были созданы соответствующие национальные комитеты, которые занимались в том числе и организацией исследований на шестом континенте.

С этой целью США организовали антарктические станции Мак-Мердо, Бэрд, Халлетт, Амундсен-Скотт, Плато, Уилкс, расположенные в прибрежных и внутриконтинентальных районах Антарктиды. Одна из них – Амундсен-Скотт располагалась на Южном географическом полюсе, что оказывало существенное геополитическое влияние США на ранее заявленные в индивидуальном порядке правительства Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, Норвегии, Франции, Чили и Аргентины территориальные сектора в Антарктиде и окружающих её морских пространствах, так как все эти сектора сходились в точке Южного полюса. Таким образом, американская станция Амундсен-Скотт стала геополитическим центром Антарктиды. Большое внимание уделялось изучению акваторий антарктических морей с помощью ледоколов Береговой охраны. В этот же период стал активно функционировать «воздушный мост» между Новой Зеландией и станцией Мак-Мердо, регулярные перелёты по которому осуществлялись транспортной авиацией ВМС США. Это военное ведомство обеспечивало и всю логистическую поддержку работы американских учёных в Антарктике в ходе ежегодных операций «ДИПФРИЗ» (*DEEPFREEZE*).

В Советском Союзе изучение Антарктического континента началось в 1956 г. в рамках созданной в июле 1955 г. Комплексной антарктической экспедиции (КАЭ) Академии наук СССР. В 1956–1958 гг. в Восточной Антарктиде открылись исследовательские станции – Мирный, Оазис, Пионерская, Комсомольская, Восток, Советская и Полюс Недоступности. В 1961-1962 гг. был осуществлён первый межконтинентальный перелёт в Антарктиду отечественных транспортных самолётов Ил-18 и Ан-12 по маршруту Москва – Ташкент – Дели (Индия) – Рангун (Бирма) – Джакарта (Индонезия) – Сидней (Австралия) – Крайсчёрч (Новая Зеландия) – Мак-Мердо (Антарктида) – Мирный (Антарктида).

Таким образом, по масштабам активности выполнения программы МГГ в Антарктике СССР и США заняли ведущие позиции, обладая самыми мощными в антарктическом сообществе экспедиционными инфраструктурами и по достоинству занимая ведущие роли в научной, практической и политической деятельности Системы Договора об Антарктике.

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА США

В 1959 г. функции руководства национальной Антарктической программой США были возложены на Национальный научный фонд (NSF). Эта программа получила название Антарктическая исследовательская программа (USARP), которая в последующие годы стала называться Антарктическая программа США (USAP).

В октябре 1970 г. президент Р. Никсон (1969-1974 гг.) сделал заявление об антарктической политике. Она заключалась в поддержке основных целей Договора об Антарктике 1959 г., а также в развитии направлений перспективного использования живых и неживых ресурсов региона. В 1970 и в 1976 гг. СНБ США опубликовал меморандумы по вопросам обеспечения американской безопасности в Арктике и Антарктике. В этих документах в отношении Антарктики подтверждалась необходимость активного присутствия США в регионе для обеспечения национальных интересов; основным направлением этой деятельности определялись научные исследования и их всесторонняя логистическая поддержка. В 1978 г. был принят закон «О сохранении Антарктики» (*Antarctic Conservation Act of 1978*) [1].

5 февраля 1982 г. президент Р. Рейган (1981-1989) подписал Меморандум о политике США в Антарктике и основных направлениях программы деятельности в этом регионе. В нём заявлялась о необходимости всестороннего поддержания уровня влиятельного и активного присутствия там Соединённых Штатов с помощью круглогодичной деятельности трёх станций – Мак-Мердо, Амундсен-Скотт и Палмер, а также летних полевых баз и лагерей, обеспечивающих проведение разнообразных научных исследований. Подчёркивалась обязательность эффективного расходования финансовых средств, выделяемых в федеральном бюджете на деятельность Антарктической программы. Относительно политики в области освоения минеральных ресурсов Антарктики Меморандум определял срок разработки официальной позиции США по данному вопросу к 15 мая 1982 года.

9 июня 1994 г. президент У. Клинтон (1993-2001) подписал Директиву о политике США в Арктике и Антарктике [2], в которой для Антарктического региона были определены следующие основные цели деятельности:

- охрана окружающей среды и связанных с ней экосистем;
- сохранение и использование уникальных возможностей научных исследований региона для понимания роли Антарктики в глобальных физических и экологических системах;
- сохранение Антарктики в качестве района международного сотрудничества в мирных целях;
- обеспечение сохранения и устойчивого управления живыми ресурсами Антарктики в океанах, окружающих шестой континент.

В 1996 г. по инициативе администрации У. Клинтона был создан независимый Совет экспертов по науке и технологии. В своём отчёте 1997 г. об итогах и перспективах деятельности Антарктической программы данный Совет подтвердил, что эта национальная программа эффективно поддерживает обеспечение национальных и научных интересов США в Южном полярном регионе. Дей-

ствующая экспедиционная инфраструктура, состоящая из трёх круглогодичных станций и 10–12 сезонных полевых баз и лагерей, достаточно удовлетворяет существующим научным целям изучения Антарктиды. Логистическая поддержка деятельности Программы, особенно касательно работы авиации на межконтинентальных трассах между Новой Зеландией и Мак-Мердо, а также внутри шестого континента, создаёт значительное преимущество американской Программе перед другими национальными антарктическими программами. Выполнение научных исследований, как утверждалось в этом отчёте, продолжает оставаться важнейшим направлением деятельности США в Антарктике. Её дальнейшее развитие может осуществляться только при должном текущем финансировании. Авторы отчёта указали, что политические интересы США в Антарктике обеспечиваются действующей Системой Договора об Антарктике. Также они установили, что техническое состояние станции Амундсен-Скотт и всей её инфраструктуры практически исчерпали свои возможности и требуют замены [2].

17 апреля 1997 г. правительство США ратифицировало Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1959 г. Этот правовой акт стал логичным продолжением принятого в 1978 г. закона «О сохранении Антарктики».

В 90-е годы XX века и в начале XXI века США активно укрепляла свою антарктическую инфраструктуру. В 1992 г. был введён в эксплуатацию научно-исследовательский ледокол «Нафануил Палмер». В 2001 г. транспортная авиация американских ВМС прекратила свою почти полувековую поддержку деятельности Антарктической экспедиции США и была заменена на воздушные суда и экипажи Национальной гвардии. В 2008 г. завершилось строительство нового зимовочного комплекса на станции Амундсен-Скотт, в исследованиях которой центральное место уделялось вопросам астрономии и астрофизики. Были введены в эксплуатацию масштабный комплекс ловушек космических частиц «нейтрино», расположенных в толще ледяного покрова, и радиотелескоп с повышенным разрешением для организации наблюдений за космическим пространством. Последний был включён в глобальную сеть радиотелескопов, принявших участие в эксперименте по фотографированию «чёрной дыры», расположенной в центре галактики «Млечный путь» на удалении от Земли в 26 тыс. световых лет. В наблюдениях этой глобальной сети приняли участие телескопы, расположенные в шести точках планеты, – в Мексике, на Гавайях, в Аризоне (США), Чили, Испании и на Южном полюсе в Антарктиде. Эксперимент возглавили астрофизики американского проекта (*Event Horizon Telescope*). В результате семисуточного мониторинга было получено первое фотографическое изображение «чёрной дыры», подтверждающее выводы теории относительности Альберта Эйнштейна.

В 2019 г. Антарктическая программа США завершила разработку технического проекта и всесторонней ОВОС-реконструкции крупнейшей круглогодично действующей станции всего антарктического сообщества Мак-Мердо, сроки эксплуатации которой подходят к концу или уже исчерпаны. Первый этап реализации этого проекта был запланирован на 2020-2026 гг., а полное завершение –

на 2033 г., что будет зависеть от выделения бюджетного финансирования. Аналогичная ситуация возникла и в планах реализации строительства новой серии линейных ледоколов Береговой охраны США взамен построенным в 1976 и 1978 гг. ледоколам «Полар стар» и «Полар Си». Первый из них после большого капитального ремонта в 2012 г. был вновь введён в эксплуатацию, срок которой завершается в 2022 г. Окончание строительства головного судна новой серии ледоколов планировалось на 2023 г., однако Счётная палата США отправила этот проект общей стоимостью 9,4 млрд долл. на доработку. Таким образом, сроки начала его реализации смещаются.

В 2010 г. Комиссия независимых экспертов, названная «Голубая лента», приступила к новой оценке деятельности Антарктической программы США. В отчёте о её работе, опубликованном в июле 2012 г., продолжается ранее принятая основная линия Программы, направленная на головную роль научных исследований в Антарктике [3]. Понимая, что эта деятельность в суровых природно-климатических условиях нашей планеты чрезвычайно зависит от уровня логистического обеспечения таких исследований и мер по укреплению безопасности деятельности персонала, авторы отчёта уделили серьёзное внимание вопросам дальнейшего развития экспедиционной инфраструктуры Программы США в Антарктике. Именно в этом отчёте были разработаны предложения о необходимости реконструкции крупнейшей американской станции в Антарктиде – Мак-Мердо и об обеспечении сохранения окружающей среды на планете; значительное внимание уделялось экологическим аспектам деятельности США в Антарктике. В целом, данный документ можно рассматривать, как стратегию деятельности США в Антарктике до 2030 года.

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РОССИИ

Глубокие политико-экономические преобразования в жизни на территории СССР после его распада в декабре 1991 г. оказали существенное влияние на сокращение активности России в Антарктике. 13 января 1992 г. в ноте МИД, адресованной всем дипломатическим представительствам, аккредитованным в Москве, указывалось, что Россия добровольно возлагает на себя все права и обязанности, вытекающие из международных договоров и соглашений, подписанных СССР. Таким образом, Российская Федерация с этого момента стала правопреемницей деятельности СССР в Системе Договора об Антарктике. 9 августа 1992 г. указом президента РФ Советская антарктическая экспедиция была переименована в Российскую антарктическую экспедицию (РАЭ), а руководство и контроль за её деятельностью были возложены на Федеральную службу по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). С 1992 по 1996 г. РАЭ ежегодно осуществляла свою деятельность в рамках постановлений правительства РФ, однако объём выделяемого на эти цели финансирования постоянно сокращался. Реально этот процесс начался в конце 1980-х годов, что привело к закрытию станции Русская (1990 г.) и Ленинградская (1991 г.). В 1999 г. такая же участь постигла

главную отечественную антарктическую станцию – Молодёжная. В октябре 1996 г. Комиссия по оперативным вопросам российского правительства рассматривала предложение о целесообразности продолжения деятельности РФ в Антарктике. Подготовленные в Росгидромете материалы по этому вопросу, в которых серьёзное внимание было обращено на геополитические аспекты важности постоянного присутствия России в Антарктике, повлияли на итоговое решение этого заседания. Комиссия согласилась с необходимостью продолжения деятельности РАЭ. 28 августа 1997 г. правительство РФ своим постановлением определило дальнейшее проведение её деятельности в режиме минимально допустимых параметров, что позволило сохранить инфраструктуру экспедиции в Антарктиде. В том же году российское правительство установило финансирование деятельности РАЭ через отдельную строку федерального бюджета. Эти меры позитивно сказались на активном присутствии России в Антарктике, неразрывно связанном с проведением комплексных научных исследований в литосфере, гидросфере, криосфере, атмосфере, магнитосфере, озоносфере, ионосфере и биосфере Южного полярного региона. Большое влияние на укрепление международного престижа России в Антарктике оказало открытие в 1994 г. подледникового озера Восток, расположенного под одноименной российской внутриконтинентальной станцией.

24 мая 1997 г. президент России подписал закон «О ратификации Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике». Подзаконными актами 1997 и 1998 гг., принятыми правительством РФ, деятельность в Антарктике российских граждан и юридических лиц могла осуществляться только на основе специальных разрешений, выдаваемых Росгидрометом, а также определялся порядок их выдачи и прекращения деятельности.

В 1999 г. началась реализация Федеральной целевой программы «Мировой океан», в которой Южному полярному региону посвящалась подпрограмма «Изучение и исследование Антарктики». В ней кроме выполнения научных исследований предусматривалось финансирование необходимых инвестиционных проектов на южном континенте.

В начале XXI века антарктическое направление в деятельности Российского государства продолжало активно развиваться. Правительством были приняты решения о начале проектирования и строительства нового зимовочного комплекса на антарктической станции Прогресс (Оазис Холмы Ларсеманна) и нового научно-экспедиционного судна для обеспечения деятельности РАЭ. Оба эти проекта были завершены в конце 2012 г. Новое российское антарктическое судно «Академик Трёшников» было названо именем создателя станции Восток, директора ААНИИ в 1960–1981 гг. В 2001 г. возобновились межконтинентальные полёты Ил-76 в Антарктиду (станция Новолазаревская) из Кейптауна (ЮАР).

30 октября 2010 г. правительство РФ утвердило Стратегию развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 г. и на более отдалённую перспективу. В августе 2020 г. она была пересмотрена и дополнена на период до 2030 г., и 30 июня 2021 г. правительство РФ утвердило План мероприятий по её реализации. В этих стратегиях предусматривалось обеспечение

национальной безопасности, экономического процветания и укрепления международного престижа Российского государства путём реализации конкретных мероприятий в Антарктике [Стратегия..., 2010].

С 2010 г. на российских станциях Беллинсгаузен, Новолазаревская и Прогресс введены в эксплуатацию станции дифференциальной коррекции параметров орбит отечественной спутниковой навигационной системы ГЛОНАСС. Все российские антарктические станции обеспечены приёмом двух центральных каналов российского телевидения и бесплатной телефонной связью с Санкт-Петербургом.

5 февраля 2012 г. на станции Восток в глубокой ледяной скважине, пробуренной российскими специалистами в леднике на глубине 3769 м, было осуществлено экологически чистое проникновение в подледниковое озеро Восток.

В 2019 г. начались подготовительные работы к проектированию строительства нового научно-экспедиционного судна для обеспечения деятельности РАЭ взамен НЭС «Академик Фёдоров», которому на тот момент исполнилось уже 32 года. В том же году было образовано частно-государственное партнёрство для строительства нового зимовочного комплекса на станции Восток, в котором частные инвесторы финансировали работы по проектированию и изготовлению строительных конструкций станции. Правительство брало на себя обязательство по оплате транспортировки строительных грузов в Антарктиду и к месту сооружения новой станции, а также приобретение научного оборудования.

Продолжалось развитие правового обеспечения деятельности России в Антарктике. Так, 5 июня 2012 г. был принят закон «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике», который в 2019–2021 гг. был подкреплён 13-ю подзаконными актами. Всего за время существования Российской Федерации как субъекта международного права принятые нормативно-правовые акты в отношении Антарктики включали четыре федеральных закона, пять указов президента, 22 постановления и 23 распоряжения правительства. В утверждённой президентом В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. «Концепции внешнеполитической деятельности Российской Федерации» указывается, что в отношении Антарктики РФ опирается на сохранение и дальнейшее развитие действующей Системы Договора об Антарктике 1959 г.; в «Морской доктрине России» от 2015 г. выделяется новое отдельное направление морской деятельности государства – антарктическое [Указ Президента Российской Федерации..., 2016].

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АНТАРКТИКЕ

Научное сотрудничество двух крупнейших ядерных держав мира в Антарктике началось в 1956 г. при подготовке проведения Международного геофизического года (МГГ) 1957–1958 гг., когда национальные антарктические программы обоих государств приступили к регулярному обмену научными специалистами и кооперации в различных разделах метеорологии, геофизики, гляциологии и океанографии.

Вступившая более 60-ти лет назад в правовую силу Система Договора об Антарктике продолжает оставаться главным элементом сохранения Южного полярного региона в качестве области мира и отсутствия межгосударственных конфликтов. Этот правовой акт определил регион планеты, находящийся к югу от параллели 60° ю.ш., областью мира, международного сотрудничества, науки и охраны окружающей среды. В нём было запрещено проведение ядерных взрывов и захоронение радиоактивных материалов. Эти обстоятельства определили Договор об Антарктике в качестве первого международно-правового акта по разоружению и запрещению ядерных испытаний. Договор об Антарктике был открыт для присоединения заинтересованных государств, и на 2021 г. его членами стали 54 государства, представляющие все населённые континенты, ведущие экономически развитые державы и лидеров научно-технического прогресса мира. Несмотря на глубокие политические, экономические и военные противоречия, атмосферу подозрительности и недоверия в период холодной войны, СССР и США постепенно сближали свои позиции в ходе подготовки и проведения антарктической конференции 1959 г. и в сформированном в период МГТ международном антарктическом сообществе [Лукин В.В., Тимохин К. 2020].

В своих политических заявлениях в отношении Антарктики правительства России и США неоднократно упоминали о своей приверженности к укреплению и необходимому развитию правовых основ Договора об Антарктике.

30 декабря 1991 г. Советский Союз официально прекратил своё существование в качестве субъекта международного права, его место и роль в Системе Договора об Антарктике заняла Российская Федерация. Сформированное в 1992 г. российско-американское сотрудничество за последние 30 лет претерпевало значительные изменения. Однако оно продолжало сохраняться и даже получило новый импульс развития. С начала 1990-х годов национальные антарктические программы России и США приступили к реализации двухсторонних совместных проектов в науке, логистике и охране окружающей среды Южного полярного региона. Полученные результаты впечатляли своей оригинальностью и масштабами.

Первым из таких проектов стала совместная российско-американская научная дрейфующая станция в антарктическом море Уэдделла. Идея этого проекта возникла в 1989 г. среди участников совместной советско-американо-германской зимней экспедиции в море Уэдделла на советском экспедиционном судне «Академик Фёдоров» и германском «Поларштерн». В ходе этого эксперимента исследователи неоднократно высаживались на дрейфующий лёд для выполнения краткосрочных натурных экспериментов. Анализ полученных результатов подсказывал, что организация подобных исследований в долгосрочном плане (несколько месяцев) позволит ответить на многие до тех пор неразрешимые вопросы. В итоге участники экспедиции договорились о проработке проекта создания дрейфующей антарктической станции по типу аналогичных природных исследовательских платформ, которые активно применялись специалистами СССР и США в 1950-е – начале 1990-х годов в Арктике. Первое рабочее совещание по обсуждению этого проекта состоялось в Ленинграде (Санкт-Петербург) в январе

1990 г. В нём приняли участие представители ААНИИ, ННФ, Колумбийского и Вашингтонского университетов США, а также Института морских и полярных исследований им. А. Вегенера (ФРГ) и Полярного института им. Р. Скотта (Великобритания). Участники этой встречи единодушно поддержали проект создания дрейфующей научной станции в Антарктике, наиболее предпочтительным местом для которой была выбрана юго-западная часть моря Уэдделла. Большую дискуссию вызвал вопрос необходимости создания научного лагеря на дрейфующем морском льду или использования для этих целей замороженного в ледяной покров научно-исследовательского судна. Безусловно, размещение экспедиционного персонала на судне в большей степени отвечало требованиям безопасности его работы и комфорта проживания. В то же время механическое, тепловое и электромагнитное влияние самого судна вносило серьёзное искажение в работу исследовательской аппаратуры, применяемой для изучения природных процессов в океане, атмосфере и ледяном покрове микро- и мезомасштабов. Решающим фактором, определившим преимущество организации ледового лагеря, стало сравнение экономических показателей стоимости обоих вариантов. Их сравнение при использовании российского экспедиционного судна «Академик Фёдоров» и организации ледового лагеря показывало, что экономически более выгодным становился судовой вариант, если продолжительность эксперимента была менее 45-ти суток. Если полевые исследования планировалось проводить несколько месяцев, то вариант ледового лагеря был более дешёвым. Этот подход и определил судьбу будущего эксперимента в море Уэдделла: было решено создать международную дрейфующую станцию.

Следующая встреча прошла в мае 1990 г. в ННФ в Вашингтоне. Для участия в нём прибыли только специалисты ААНИИ, так как коллегам из Германии и Великобритании их правительства отказались финансировать участие в этом эксперименте. В то же время Институт им. А. Вегенера предоставил советским специалистам два места для участия в антарктическом рейсе судна «Поларштерн» в южную часть моря Уэдделла в начале 1991 г. для осуществления специальных рекогносцировочных исследований морского ледяного покрова с целью определить возможность создания на нём научной станции. Эти работы были проведены в январе-марте 1991 г. автором данной статьи. Они показали, что планируемый эксперимент имеет большую вероятность успешного проведения.

В январе 1992 г. Российская Федерация приняла на себя ответственность по организации совместной с США антарктической дрейфующей станции, получившей название Уэдделл-1. С российской стороны в этой совместной экспедиции принимали участие 15 специалистов (девять учёных и шесть человек логистического персонала: три инженера-механика, врач, повар и начальник станции). Американскую сторону представляли 12 научных специалистов и шесть человек логистического персонала (менеджер, 4 пилота вертолётов и повар). Начальником станции стал автор этой статьи, обладавший большим опытом работы на дрейфующих льдах в Арктике. Научные работы на станции Уэдделл-

1 были сфокусированы на исследованиях по физической и химической океанологии, метеорологии, ледоведению и морской биологии.

Американский (Колумбийский, Вашингтонский и Калифорнийский университеты и Лаборатория по изучению холодных районов в интересах армии США) и российский (АНИИ, Институт океанологии РАН и Институт медико-биологических проблем РАН) составы экспедиции соединились в Монтевидео (Уругвай), где они сели на борт судна «Академик Фёдоров» в конце января 1992 г. Поиск льдины для организации станции проводился с помощью российского судового вертолётa, и уже во время второго разведывательного полёта необходимая льдина была найдена в точке с координатами 71°36'ю.ш., 49°45'з.д. размером 2,5х1,6 км со средней толщиной 1,5 м (при максимальной толщине 4,3 м). 12 февраля 1992 г. российско-американская станция Уэдделл-1 была торжественно открыта. Дрейф ледового лагеря Уэдделл-1 проходил над материковым склоном вдоль восточного побережья Антарктического полуострова. Его общая протяжённость составила 750 км в генеральном направлении 352° со средней скоростью около трёх морских миль в сутки. Работа станции продолжалась до 9 июня 1992 г., когда оборудование и личный состав станции были приняты на российское судно «Академик Фёдоров» и американское «Нафануил Палмер» в точке с координатами 65°38'ю.ш., 52°25'з.д.

Совместные российско-американские исследования на станции Уэдделл-1 проводились в практически неизученном регионе Южного океана на восточной периферии гигантского циклонического круговорота вод и льдов моря Уэдделла, который оказывает серьёзное влияние на всю циркуляцию вод Южного океана. Океанографические исследования выполнялись как по маршруту дрейфа, так и на четырёх разрезах, перпендикулярных генеральному вектору дрейфа в направлении с запада на восток с помощью американских станционных вертолётов *Bell-212*. Эти работы показали, что район континентального шельфа, примыкающего к восточному побережью Антарктического полуострова, является одним из главных центров формирования холодных донных вод Южного океана, оказывающих существенное влияние на глобальную циркуляцию всего Мирового океана. Наблюдения за состоянием и короткопериодной изменчивостью приземной атмосферы выявили существенные региональные особенности взаимодействия атмосферы и океана через морской лёд; при этом были определены величины потоков обмена теплом и импульсом турбулентного перемешивания воздуха над льдом. С помощью оригинальной сейсмической аппаратуры на станции были зарегистрированы и изучены величины деформации дрейфующего льда, связанные с такими природными явлениями, как образование трещин и разводий, гряд торосов, формирование и обрушение айсбергов. Гидробиологические исследования дали возможность определить особенности жизненного цикла фитопланктона в море Уэдделла в холодный зимний период. Оказалось, что его концентрация в этот сезон года резко увеличивается в нижнем слое ледяного покрова, в котором зарегистрированы значительные величины содержания хлорофилла.

В целом, проведённые российско-американские исследования стали уникальным примером организации комплексного изучения антарктических морей с применением нового для исследований Южной полярной области метода дрейфующих научных станций, расположенных на морском льду Южного океана [Weddell G. 1993]. Такая работа стала возможной только при объединении наиболее профессиональных и опытных полярных исследователей, которыми обладают национальные антарктические программы России и США. Предварительные научные результаты работы научной станции Уэдделл-1 были обсуждены на ежегодной зимней сессии Американского геофизического союза в г. Сан-Франциско в декабре 1992 года [Лукин, 2022].

Весной 1991 г. из эксплуатации был выведен советский грузопассажирский среднемагистральный самолёт Ил-14, оборудованный лыжными шасси. На этом типе самолёта с конца 1959 г. ежегодно осуществлялись полёты по снабжению внутриконтинентальной станции Восток. К этому моменту советская авиационная промышленность не имела подобного типа воздушного судна, приспособленного для посадок на снежно-ледяной покров Центральной Антарктиды. Самолёты с колёсными шасси не могли воспользоваться существующей взлётно-посадочной полосой на станции Восток из-за специфических физико-механических свойств снега в этом регионе. На помощь советским полярникам для операций по доставке и вывозу персонала сезонного и зимовочного составов станции Восток, а также доставке продуктов питания, боящихся мороза, пришли авиационные специалисты Антарктической программы США. Начиная с сезона 1991–1992 гг. по февраль 2003 г. на самолётах *LC-130* с американской антарктической станции Мак-Мердо выполнялось три-четыре (в ноябре, феврале) полёта за сезон на станцию Восток. Российские полярники прибывали в новозеландский Центр антарктических исследований в г. Крайстчёрч рейсовыми самолётами, а на станцию Мак-Мердо и обратно в Крайстчёрч они использовали экспедиционные самолёты США. Эти полёты американской авиации рассматривались в качестве вклада американской стороны в проведение совместных исследований по глубокому бурению и реконструкции палеоклимата по данным ледяных кернов на станции Восток. Исследования были прекращены в связи с завершением этих совместных работ.

В летнем сезоне 1991–1992 гг. американские и российские полярники провели цикл работ по изучению донных отложений в озёрах оазиса Бангера с целью отработки эффективных методик поиска живых организмов на других космических объектах Солнечной системы. С американской стороны в этом эксперименте участвовали сотрудники Института пустынь, а с российской – учёные АНИИ. Начиная с сезона 2007–2008 гг. подобные исследования были продолжены в оазисе Вестфоль на озере Унтерзее. На этот раз российских специалистов представляли сотрудники Института микробиологии и Института физико-химических и микробиологических проблем почвоведения РАН, а американскую – специалисты различных университетов США и некоторых исследовательских центров НАСА. Эти работы продолжались на протяжении нескольких летних антарктических сезонов, финансирование которых обеспечивалось одним из исследовательских

фондов НАСА. В связи с тем, что данные исследования проводились в рамках совместных российско-американских экспериментов, официальное разрешение на их выполнение в Антарктике выдавалось в соответствии с принятой в России процедуре по заявке, составленной в Арктическом и антарктическом НИИ.

В январе-феврале и в ноябре-декабре 2012 г. США и Россия по предварительной договорённости, достигнутой в 2011 г. в Буэнос-Айресе на XXXIV Консультативном совещании Договора об Антарктике (КСДА) – высшего органа управления этим актом международного права, провели совместную инспекцию антарктических станций различных Консультативных сторон Договора. В начале года состоящая из четырёх представителей каждой из сторон совместная российско-американская команда с базированием на американской станции Мак-Мердо осуществила инспекцию новозеландской базы Скотта, итальянской базы Марио Жукелли и франко-итальянской станции Купол Конкордия. В конце 2012 г., инспекция базировалась на российских станциях Новолазаревская и Прогресс, выполнив контрольные проверки деятельности индийских антарктических станций Мейтри и Бхарати, китайской Зонг Шан, японской Сева, бельгийской Принцесса Элизабет и норвежской Тролл. Для РФ это была первая инспекция в Антарктике, которая проводилась после 1991 г., причём впервые Россия объединяла свои усилия в этом направлении с иностранным партнёром, которым стали США. Американскую инспекционную команду представляли по два сотрудника Госдепартамента и ННФ, Российскую – по два специалиста от МИД и Российской антарктической экспедиции ААНИИ. Результаты инспекции были соответственно доложены на XXXV КСДА в июне 2012 г. в австралийском г. Хобарте (первый этап) и на XXXVI КСДА в мае 2013 г. в Брюсселе (второй этап). 5 февраля 2012 г. на станции Восток в глубокой ледяной скважине, пробуренной российскими учёными в леднике на глубине 3769 м, было осуществлено экологически чистое проникновение в подледниковое озеро Восток [4]; [5]. Представленные антарктическому сообществу отчёты инспекции произвели глубокое впечатление на большинство Консультативных сторон, которые не предполагали возможности политической кооперации России и США в этом компоненте антарктической деятельности. Работа российско-американской инспекции легла в основу Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в Антарктике между правительствами РФ и США, подписанного 8 сентября 2012 г. во Владивостоке С.В. Лавровым и госсекретарём Х. Клинтон.

В то же время Россия и США имели серьёзные разногласия по некоторым вопросам деятельности Системы Договора об Антарктике. Примером этому может служить организация Морского охраняемого района (МОР) в Антарктике. Впервые данный вопрос был поднят участниками Международной конференции ООН по биологическому разнообразию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, где предлагалось создать систему МОР в Мировом океане. В 2002 г. на саммите по устойчивому развитию в г. Йоханнесбурге (ЮАР) данное предложение было сделано и в отношении Южного океана. В 2007 г. на XXX КСДА в г. Нью-Дели

было решено передать рассмотрение вопросов организации МОР в Антарктике в Комиссию по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ).

Данная Комиссия начала обсуждение этих вопросов в 2009 г. на XXVIII сессии АНТКОМ. В 2011 г. на её XXX сессии была принята Мера по сохранению 91-04 «Общая система для создания морских охраняемых районов АНТКОМ». В том же году делегация США и Новой Зеландии представили проект организации обширного МОР в море Росса, но проект не был принят из-за отсутствия консенсуса по этому вопросу. Одним из противников данного проекта выступила Россия. Она в 2014 г. на XXXVII КСДА в г. Бразилиа представила свой рабочий документ РД-20 «Морские охраняемые районы в Системе Договора об Антарктике», в котором принципиально поддерживалась идея создания МОР в Антарктике, но при этом подробно излагались дополнительные вопросы, требовавшие необходимого урегулирования. В 2016 г. на XXXV сессии АНТКОМ Россия согласовала возможность создания данного МОР при условии организации международного научного мониторинга за состоянием морского биоразнообразия. Однако программа такого мониторинга до 2021 г. не была подготовлена и, соответственно, не была принята.

После прекращения деятельности СССР в качестве субъекта международного права мировое сообщество стало проявлять повышенный интерес к вопросам безопасности ядерных объектов и хранению радиоактивных материалов на территории РФ в новых политико-экономических реалиях. В результате было разработано несколько национальных и международных нормативно-правовых документов по обеспечению требований экологической безопасности в этой сфере деятельности.

Повышенный интерес у европейских и американских коллег вызывали многочисленные радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЭГ), установленные ещё на территории СССР для энергетического обеспечения различных автономных измерительных средств мониторинга окружающей среды и радиомаяков. На территории РФ их насчитывалось более тысячи. В основном они располагались в труднодоступных районах Арктики и Дальнего Востока. Кроме угрозы возможного радиоактивного заражения окружающей среды, РИТЭГ могли заинтересовать различные террористические организации для их использования в качестве «грязной атомной бомбы» в местах большого скопления людей. Данные обстоятельства вызывали повышенную озабоченность зарубежных специалистов. Этот вопрос был рассмотрен Контактной экспертной группой МАГАТЭ в феврале 2005 г. в г. Осло. Осознавая всю технологическую и финансовую сложность данного вопроса, международное сообщество высказалось за необходимость проведения подобных работ на основе кооперации России с другими заинтересованными странами. Повторно этот вопрос был рассмотрен 23–25 апреля 2008 г. в Москве на совещании тех же экспертов (из Великобритании, Германии, Канады, Норвегии, РФ, США, Швеции, Франции и Финляндии) в Курчатовском институте, при финансовой поддержке Министерства энергетики США. Данное совещание организовало Международную кон-

тактную группу, которая дважды в год собиралась для подведения итогов по удалению советских РИТЭГ из мест их установки для дальнейшей утилизации на специализированных предприятиях Федерального агентства по атомной энергетике России (Росатом). Американская сторона стала наиболее значимым и эффективным партнёром России в осуществлении этого проекта.

С самого начала работы Международной контактной группы российские специалисты указывали на необходимость распространения данного проекта и на Антарктический регион, где продолжали находиться четыре советских РИТЭГ, установленные в 1980-е годы в различных точках шестого континента. Операция по их вывозу из Антарктики стала новой вехой российско-американского взаимодействия, где совпали интересы обеих сторон и в области снижения глобальной угрозы, и в области охраны окружающей среды Антарктики. В связи с этим Национальное управление по ядерной безопасности (NNSA) при Минэнерго США приняло решение о проведении исследования по технико-экономическому обоснованию этих работ. 2 февраля 2012 г. проектная группа Ливерморской национальной лаборатории и Научно-исследовательский институт технической физики и автоматизации (НИИТФА) Росатома окончательно согласовали контракт по выполнению технико-экономического обоснования вывоза РИТЭГ. Данный российский институт был непосредственным разработчиком этого типа РИТЭГ, которые продолжали находиться в Антарктиде. Работа была выполнена сотрудниками НИИТФА при участии специалистов ААНИИ, и РИТЭГ были переданы американским партнёрам 11 февраля 2013 г. В дополнение к техническому контракту был разработан подробный план логистических природоохранных операций и получены необходимые разрешительные документы на вывоз РИТЭГ из Антарктиды. Было организовано обучение экспедиционного персонала, экипажей воздушных и морских судов, привлекаемых к данной операции, и получение ААНИИ необходимых лицензии Ростехнадзора и разрешения Росатома на выполнение этих работ. После получения ААНИИ всех необходимых разрешительных документов, 25 мая 2014 г., между Минэнерго США и ААНИИ был заключён договор о материально-техническом обеспечении вывоза четырёх советских РИТЭГ из Антарктиды. Работы по их разборке и дальнейшей утилизации были возложены на НИИТФА. Непосредственно вывоз в Санкт-Петербург проводился с 22 февраля по 18 мая 2015 г. в период выполнения антарктического рейса научно-экспедиционного судна «Академик Фёдоров». Четыре РИТЭГ погрузили на борт судна: по одному на станциях Прогресс и Новолазаревская и два с полевой базы Молодёжная. На станцию Прогресс РИТЭГ доставили с Купола Б с помощью специального санно-гусеничного похода. Все работы были проведены безаварийно и в плановые сроки. Разборка РИТЭГ осуществлялась в НИИТФА, а их утилизация – на одном из специализированных предприятий Росатома [6]. Результаты выполненных работ были представлены в совместном документе России и США [7] на XXXVIII КСДА в 2015 г. в г. София (Болгария).

Ещё одна совместная российско-американская операция была осуществлена в 2021 г.: 26 и 29 ноября российский транспортный самолёт Ил-76, работающий в Антарктиде по международной корпоративной авиационной программе ДРОМЛАН, выполнил два полёта по заказу Антарктической программы США из чилийского Пунта-Аренаса в восточную часть Земли Мэри Бэрд для парашютного десантирования авиатоплива в бочках. Данное топливо требовалось американским коллегам для обеспечения внутриконтинентального перелёта их экспедиционных среднемагистральных самолётов со станции Мак-Мердо на британскую станцию Ротера. В две точки было сброшено 208 бочек с авиакеросином. В подготовке парашютных платформ и креплении на них груза принимали участие российские специалисты.

С 23 мая по 2 июня 2022 г. в Берлине проходило заседание очередного XLIV Консультативного совещания по Договору об Антарктике. В ходе заседаний делегация Украины представила информационный документ № ИД-85, в котором осуждалась «агрессивная политика России» в отношении Украины и её влияние на осуществление деятельности украинской антарктической программы. Делегация США активно поддерживала эту критическую риторику по отношению к РФ и при выступлении главы российской делегации поддержала демарш украинской делегации, покинув вместе с ней зал заседаний. Очевидно, подобная позиция была заготовлена политическим руководством Госдепартамента.

Однако, как представляется, существуют объективные предпосылки сохранения практических связей Российской антарктической экспедиции и Антарктической программы США в предстоящем сезоне 2022–2023 годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За более чем 60 лет совместной российско-американской деятельности в Антарктике она осуществлялась по всем основным направлениям государственных интересов в этом регионе: решались политико-правовые, экспедиционные, ресурсные, научные и природоохранные вопросы (исключение составляли лишь вопросы туризма). Причём российско-американское сотрудничество в Антарктике проводилось вне зависимости от реальных двусторонних и международных отношений в других географических регионах. Этот факт демонстрирует неофициальное желание правительств обеих держав сохранять межгосударственную кооперацию в тех направлениях, которые не требуют значительных уступок при достижении компромисса и консенсуса в принятии решений, а также не влияют на основные аспекты их внешней политики, экономики и обороноспособности. Безусловно, антарктический регион обладает специфическими характеристиками, главными из которых являются его значительная удалённость, отсутствие основных практических видов деятельности, а также запрет на использование его в военных целях, что обеспечивает очевидную простоту достижения консенсуса. Несмотря на всю сложность современных межгосударственных отношений, устойчивое сохранение отдельных видов сотрудничества

России и США является важным аргументом для возможного развития кооперации в будущем при наступлении очередного этапа разрядки.

Данный подход является частным мнением автора статьи, который никогда не работал в российских внешнеполитических структурах, но обладает большим опытом работы в различных органах Системы Договора об Антарктике.

ИСТОЧНИКИ

1. Antarctic Conservation Act of 1978 (Public Law 95-541). National Science Foundation, Arlington, 1995, 223 p.
2. The United States in Antarctica. Report of the U.S. Antarctic Program. External Panel. Washington, D.C. April 1997. 94 p.
3. More and better science in Antarctica through increased logistical effectiveness. Report of the U.S. Antarctic Program Blue Ribbon Panel. Washington, D.C. 2012. 224 p.
4. United States-Russia Joint Inspection Team. U.S. - Russian Report of Inspection under Article VII of the Antarctic Treaty and Article 14 of the Protocol on Environmental Protection. United States Department of State. 2012. 28 p.
5. Report of Russia-U.S Joint Antarctic Inspection. Under Article VII of the Antarctic Treaty and Article 14 of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. SPb. AARI.2013. 44 p.
6. Antarctica Radioactive Source Recoveries. A Complex U.S-Russian Cooperative Efforts. Lawrence Livermore National Laboratory, Arctic and Antarctic Research Institute. SPb., Geo-Graph Publishing House 2017, 65 p.
7. IP-068 Russia-U.S. Removal of Radioisotope Thermoelectric Generators from the Antarctic. XXXVIII ATCM. 2015. Sophia. Bulgaria.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лукин В.В. 2018. Холодная война на дрейфующих льдах. Звезда №7:194-230.
- Лукин В.В., Тимохин К. 2020. Как создавался правовой режим управления Антарктикой. Международная жизнь №5: 90-107.
- Лукин В.В. На льдине через море Уэдделла. Снег и Лед, Т.62 №2. М.: Изд. РАН. 305-320.
- Саватюгин Л.М. 2004. Российская наука в Антарктике. М.: Изд. дом Городец, 2004, 302 с. (+in English in References).
- Саруханян Э.И. 1980. Структура изменчивости Антарктического циркумполярного течения. Л.: Гидрометеиздат, 120 с. (+ in English in References).
- Слевич С.Б. 1968.Ледяной материк сегодня и завтра. Л.: Гидрометеиздат, 287 с. (+ in English in References).
- Стратегия развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 года и на более отдаленную перспективу. г. Обнинск, 2010, 28.
- Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. №640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

REFERENCES

- Dewart G. 1989. Antarctic Comrades: An American with the Russians in Antarctica. The Ohio State University Press, 194 p.
- Lukin V. 2014. Russia's current Antarctic police. *The Polar Journal*. No.1. P 199-222.

Lukin V., Prior S. 2021. Searching for the Antarctic: By Whom, When and How Was the Antarctic Continent Discovered? A Russian Perspective. Horizons in Earth Science Research. Volume 21, Nova Science Publishers, 2021. ISBN: 978-1-53619-835-5.

Savatugin L.M. 2004. Russian Science in the Antarctic. M.: Publishers Gorodets, 2004, 302 p. (+in English in References).

Sarakhunian E.I. 1980. Structure of variability of the Antarctic circumpolar current. L. Gidrometeoizdat. 120 p. (+in English in References)

Slevich S.B. 1968. Ice continent today and tomorrow. L.: Gidrometeoizdat, 287 p. (+in English in References).

Weddell Gordon A. 1993. Sea Exploration from Ice Station. Eos Transactions, American Geophysical Union, Vol. 74, No. 11, p. 121, 124-126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛУКИН Валерий Владимирович, Valery V. LUKIN, Russian oceanologist, российский океанолог, полярник. Руководитель отдела Российской антарктической экспедиции, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ).

Российская Федерация 199397. Санкт-Петербург, ул. Беринга, 38.

38, Bering str., St. Petersburg 199397, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 2.06.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 17.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 18.06.2022.

УДК: 323

DOI: 10.31857/S2686673022090036

EDN: GVCNHT

Формирование антикитайского консенсуса «мозговых центров» США: от Д. Трампа до Дж. Байдена

Д.А. Кочегуров

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

РИНЦ ID: 1033347

ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена фактору «мозговых центров» во внешней политике США в отношении КНР. Фиксируется стремительное изменение восприятия Китая внутри политической элиты США, что является косвенным отражением влияния на неё «мозговых центров». На базе анализа докладов ведущих «мозговых центров» продемонстрирована эволюция их взглядов насчёт Китая. Главный вывод заключается в том, что «мозговые центры» поддерживают антикитайский консенсус, который укрепился в годы президентства Д. Трампа, и являются сторонниками более жёстких мер в отношении Китая. Американское экспертное сообщество в целом придерживается одинаковых подходов к Китаю и даёт приблизительно схожие рекомендации правительству США.

Ключевые слова: внешняя политика, США, Китай, конкуренция, консенсус, миропорядок, «мозговые центры», сдерживание, соперничество

Для цитирования: Кочегуров Д.А. Формирование антикитайского консенсуса «мозговых центров» США: от Д. Трампа до Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (9): 43–64. DOI: 10.31857/S2686673022090036

EDN: GVCNHT

The Development of the Anti-Chinese Consensus among US Think Tanks: from D. Trump to J. Biden

Dmitry A. Kochegurov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 1033347

ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the factor of think tanks in the US foreign policy towards China. A rapid change in attitudes towards China within the US political elite is recorded, that is an indirect reflection of the influence of think tanks on it. Based on the analysis of reports of leading think tanks, the evolution of their views towards China is demonstrated. The main conclusion is consisted in the following judgment: think tanks support Anti-Chinese consensus, which has been strengthened during the presidency of D. Trump, and maintain strict

measures against China. American expert community in total sticks to the same approaches to China and gives approximately similar recommendations to the US government.

Keywords: foreign policy, USA, China, competition, consensus, world order, think tanks, restraint, confrontation

For citation: Kochegurov D.A. The Development of the Anti-Chinese Consensus among US Think Tanks: from D. Trump to J. Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (9): 43-64. DOI: 10.31857/S2686673022090036 EDN: GVCNHT

ВВЕДЕНИЕ

Есть все основания полагать, что Китай стал восприниматься американскими элитами как прямая и основная угроза национальным интересам США. Американский политический истеблишмент отказался от установки, что взаимодействие с конкурентами и их включение в международные институты и глобальную торговлю неминуемо превращают их в добросовестных игроков и надёжных партнёров. На смену прежней парадигме пришёл новый консенсус, который поддерживают администрация президента, обе партии, военный истеблишмент, «мозговые центры» и ведущие СМИ, и который предполагает, что КНР представляет угрозу США, что американская политика в отношении Китая провалилась и что Вашингтону нужна новая, более жёсткая стратегия сдерживания Пекина.

В Стратегии национальной безопасности (СНБ) 2017 г., ставшей выражением «принципиального реализма» с акцентом на национальные интересы, Китай был объявлен ревизионистской силой, которая стремится вытеснить США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), навязать остальным свою экономическую модель и изменить региональный порядок в свою пользу [1]. Ни в одной из предыдущих СНБ не использовалась столь категоричная, конфронтационная лексика для описания поведения Пекина в мире и в отношении США. В Стратегии национальной обороны (СНО) 2018 г. было подчёркнуто, что Китай является стратегическим конкурентом, и отмечено, что, по мере того как Китай продолжит своё экономическое усиление, он будет развивать программу военной модернизации, направленную на то, чтобы утвердить свою гегемонию в ИТР и достичь глобального доминирования [2].

В первом же доктринальном документе администрации Дж. Байдена «Временное стратегическое руководство в сфере национальной безопасности», опубликованном в марте 2021 г., Дж. Байден признал, что баланс сил в мире изменился не в пользу США и мир просто не может вернуться к прежнему состоянию, и потому во внешней и внутренней политике США должны выработать новый курс [3]. Как и в СНБ 2017 г., был констатирован факт возвращения великодержавного соперничества, которое приобрело стратегический характер. Ставший более напористым, Китай был провозглашён главным геополитическим вызовом стабильной и открытой международной системе, в то время как вопросам взаимодействия и сотрудничества с ним был уделён минимум внимания. В Стратегии национальной обороны 2022 г. Китай объявлен «вызовом номер один», а его сдерживание в ИТР – главным стратегическим приоритетом [4].

В этом плане как доктринальные документы администрации Д. Трампа, так и мартовский документ Белого дома, предвосхитивший скорое появление СНБ-2022, во многом перекликаются с докладами ведущих американских «мозговых центров», влияющих на формирование и осуществление реальной внешней политики Вашингтона. Установка Д. Трампа 2017 г., принятая на вооружение Дж. Байденом, о том, что главным содержанием мировой политики стало возобновление геополитического соперничества великих держав, среди которых основную угрозу Соединённым Штатам представляет Китай, была заимствована, в том числе, из позиций внешнеполитических экспертов, высказанных ранее, что требует своего пристального анализа.

ВЕДУЩИЕ «МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» США: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ К КИТАЮ

За сто лет в США сложилась широкая сеть независимых и непартийных организаций, которые отвечают за выявление и решение объективных национальных задач, определяемых с учётом структуры международной системы и собственной внутриполитической конъюнктуры. В отношении этих организаций закрепились определения «мозговые центры» (*think tanks*) или «фабрики мысли» (*brain centers*), которые фактически стали средоточием научно-интеллектуального потенциала США. Ведущие из таких аналитических центров превратились в неотъемлемый компонент политической системы США, включая её внешнеполитический механизм. «Мозговые центры», с учётом их влияния, причисляют к «пятой власти». Их главная внешнеполитическая функция заключается в проведении исследований по заказу правительственных ведомств или комитетов Конгресса с целью пересмотра политики в отношении определённого региона или стран либо с целью реформирования конкретного сегмента американского внешнеполитического механизма [Самуйлов С.М., 2013: 284].

Тематике «мозговых центров» было посвящено немало фундаментальных научных работ под авторством С.М. Самуйлова, В.Б. Супяна и других учёных. Мы же остановимся на позиции ведущих американских «мозговых центров» по отношению к Китаю, полагаясь на иерархию в порядке убывания степени их влиятельности в мире. В ранжировании обратимся к авторитетному мировому рейтингу “*Global Go to Think Tank Index Report 2020*”, составленному Пенсильванским университетом США по заказу ООН [5]. Обязательным критерием при его формировании выступает участие «мозгового центра» в прикладной аналитике, оказывающее существенное воздействие на проводимую государственную политику.

Институт Брукинга (*Brookings Institution*) – левоцентристский «мозговой центр», основанный в 1916 г. В феврале 2020 г. вице-президент Брукингского института Б. Джонс отмечал, что даже в период глубокого внутреннего раскола в США существует элитный и социальный консенсус по Китаю, зафиксирован «состоявшийся сдвиг в стратегии Пекина в сторону более агрессивной политики по отношению к Западу» [6: 1]. Китай отказался от «мирного восхождения» в пользу напористого, националистического и идеологизированного подхода, ориентиро-

ванного на ослабление влияния США в мире, и потому ответ США, по мнению Б. Джонса, должен заключаться в укреплении альянсов и защите основных принципов либерального миропорядка с мобилизацией всех имеющихся ресурсов [6: 4]. Упрекая администрацию Д. Трампа в «близорукой невнимательности» к альянсам и многосторонности, Б. Джонс подчеркнул, что впервые за 200 лет нелиберальный авторитарный режим готов сыграть важную роль в написании правил миропорядка, однако китайская модель развития неприемлема для Запада, и потому мир стоит на пороге раздвоения глобализации и возникновения двух конкурентных зон [6: 6].

То, что отношения США и Китая (особенно торгово-экономические) достигли критической точки, отмечали и другие аналитики в феврале 2019 г. По их мнению, обеспокоенность США, лежащая в основе двусторонней напряжённости, проистекает из конкретной практики, присущей китайской экономической модели; под ударом американская экономика знаний, включая высокооплачиваемые рабочие места и производства с высокой добавленной стоимостью [7: 2]. Промышленная политика Китая, искажающая правила игры в свою пользу, противоречит рыночным системам большинства стран – членов ВТО [7: 3]. Поэтому стратегия США, считают аналитики Института, должна включать повышение стандартов торговли по новым соглашениям о зонах свободной торговли (ЗСТ), чьи участники извлекут из них выгоду и «создадут экономические издержки для Китая», что должно побудить его реформировать свою экономику. Исход конкуренции с Китаем в конечном счёте будет определяться действиями, предпринятыми США у себя дома. Помимо повышения конкурентоспособности необходимо контролировать доступ к технологиям, а также эффективно использовать согласованные с ВТО тарифы, минимизируя ущерб для своего бизнеса [7: 5]. Был отмечен прогресс, которого США уже добились в результате принятия в 2018 г. законов «О модернизации оценки рисков иностранных инвестиций» (*FIRRMA*) и «О реформе экспортного контроля» (*ECRA*).

В ноябре 2020 г. был выпущен монументальный труд, содержащий рекомендации для администрации Дж. Байдена по Китаю [8]. Ответ на китайский вызов потребует от США четырёх важных шагов: укреплять экономику посредством реформ и инвестиций; взаимодействовать с союзниками, чтобы подтолкнуть Китай к открытию своей экономики и разработке торговых правил XXI века; усилить военное присутствие в регионе; работать с Китаем по вопросам, представляющим общий интерес. Авторы доклада признали, что Соединённым Штатам следует отказаться от идеи изменить китайский политический режим и воспрепятствовать подъёму Китая через односторонние шаги. Было рекомендовано адаптироваться к современному Китаю и тем проблемам, которые он ставит перед интересами и ценностями США. Односторонний подход Д. Трампа не возымел значительного успеха в сдерживании Китая. Соединённым Штатам, по мнению авторов доклада, необходимо разработать новую стратегию, включающую укрепление экономической конкурентоспособности, повышение доверия к обязательствам США в сфере безопасности, защиту американских ценностей. США вовлечены в долгосрочную системную конкуренцию с Китаем. Военно-

промышленный комплекс (ВПК) будет играть важную, но не центральную роль в измерении прогресса в этом соперничестве. Скорее, итог будет зависеть от того, чья модель управления окажется более привлекательной для улучшения жизни граждан и решения ключевых проблем, с которыми сталкивается мир [9].

Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*) – левоцентристский «мозговой центр», основанный в 1910 году.

Среди работ Фонда, посвящённых американско-китайскому соперничеству, выделяются доклады А. Теллиса, аналитика и идеолога американско-индийского сближения, составленные им и его коллегами из Национального бюро азиатских исследований. Ещё в январе 2014 г. А. Теллис отметил, что интенсивное развитие Китая представляет наиболее серьёзную геополитическую проблему для США и что вызов, брошенный Китаем, будет более серьёзным, чем вызов со стороны СССР [10: 4].

В январе 2020 г. был опубликован доклад, где Э. Теллис объяснил, что Д. Трамп лишь сформулировал то, что две предыдущие администрации допускали как вероятный сценарий, но боялись открыто признать. Хотя Д. Трамп и запоздал с принятием ряда мер: проецирование мощи в Азии, создание индо-тихоокеанской коалиции, сохранение технологического доминирования США [11: 39]. В докладе эффективность тарифов как средства сокращения отрицательного сальдо торгового баланса была поставлена под вопрос, однако поддержано их использование в качестве инструмента принуждения Китая к снятию торговых барьеров [11: 41]. Главное – Вашингтон должен внести в свою политику коррективы, позволяющие ему успешнее конкурировать [11: 43]. Так, США необходимо инвестировать в себя, оставаясь глобальным источником инноваций. В координации с союзниками нужно работать над реформированием торговой системы. Настало время для подписания новых плурилатеральных соглашений о ЗСТ, которые теснее связали бы США с их партнёрами, а также ограничили бы доступ Китая к передовым технологиям. Наконец, важно восстановить способность Соединённых Штатов к проецированию силы в регионе. И если США намерены удержать своё первенство перед лицом нарастающей конкуренции с Китаем, необходимо вести себя как ответственная держава.

По версии аналитиков Фонда, президент Дж. Байден в значительной степени придерживается всё той же политики Д. Трампа. В пользу этого говорят два ярко выраженных элемента преемственности. Во-первых, администрация Дж. Байдена приняла как реальность тот факт, что Китай является стратегическим конкурентом и соперником США. Во-вторых, его внешнеэкономическая команда не отошла от принципов меркантилизма и протекционизма в международной торговле и ускорила программу «Покупай американское» (*Buy American and Hire American*) [12: 34].

Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, CSIS*) – правоцентристский мозговой центр, основанный в 1962 г. В январе 2018 г. Дж. Хамре, главный исполнительный директор Центра, зафиксировал, что амбивалентность в отношениях США и Китая подошла к концу. Важнейший элемент «реваншистской и националистической» стратегии Пе-

кина – изменить глобальные правила и институты в соответствии со своими интересами и обойти США [13: VI]. При этом более уверенный и напористый Китай не изменит курс без внешнего давления, которое не материализуется без американского лидерства [13: VII]. В США сложился консенсус относительно того, что промышленная политика Китая противоречит американским интересам. Существует единодушное мнение о необходимости принятия мер с использованием экспортного контроля, торговых пошлин и ограничения на иностранные инвестиции [13: VIII]. По мнению Дж. Хамре, оптимальная стратегия включала бы три элемента: целевые инвестиции в инфраструктуру, исследования и новые технологии; их сочетание с инструментами регулирования; оказание на Китай давления, которое заставило бы его изменить поведение [13: XI].

В сентябре 2019 г. группой учёных было установлено, что торгово-экономический конфликт США и Китая, вероятно, станет характерной чертой двусторонних отношений на долгие годы и обернётся частичным разъединением двух экономик [14: 1]. Были даны пять рекомендаций: установление «двойного доверия» (*dual credibility*), при котором Вашингтон должен убедить Пекин, что он готов вводить тарифы и нести связанные с этим расходы и вместе с тем выполнять свои обязательства, если достигнута взаимовыгодная сделка; постановка чётких целей с оценкой затрат и выгод; совершенствование процесса принятия решений; создание многосторонней коалиции, когда мобилизация союзников и партнёров может сыграть на страхе Пекина оказаться в изоляции; инвестирование в свою экономику как основу конкурентоспособности на мировой арене [14: 7].

На возросшую конкуренцию со стороны Китая указал и эксперт Э. Кордесман в мае 2020 г. Он определил, что там, где это возможно, Китай задействует свою мощь, инициируя «войну за влияние», и способами, не предполагающими реальные боевые действия. Чтобы эффективнее бороться с этим, США должны пересмотреть свою военную стратегию и силы, с уделением внимания серым зонам и гибридным конфликтам. Необходимо переориентироваться, чтобы лучше реагировать на глобальные вызовы на национальном и региональном уровнях, и объединить свою военную, политическую и экономическую стратегии [15: 3]. В январе 2021 г. Э. Кордесман повторил, что необходимо внести изменения в модель конкуренции с Китаем, а если США хотят разработать более эффективный подход, они должны на это смотреть иначе, чем просто как на гонку вооружений [16: 2].

Корпорация «РЭНД» (*RAND Corporation*) – правоцентристский «мозговой центр», созданный в структуре ВВС США в 1948 г. Вышедший в 2020 г. отчёт «РЭНД» подтвердил, что США и Китай вступили в эру великодержавного соперничества, частью чего является не только военное и экономическое противоборство, но и борьба двух идеологий [17]. В ситуации, когда идеологические расхождения усиливают восприятие угрозы, государства склонны воспринимать действия друг друга как более угрожающие. Китай, как и Россия, приступил к формированию своего идеологического проекта, оспаривающего ключевые аспекты западноцентричного миропорядка. Объясняется это тем, что по мере того, как государства становятся более могущественными, их идеологические ам-

биции имеют тенденцию к росту. Характерны склонность к экстернализации внутренних форм управления и попытка воспроизвести себя на мировой арене.

В июньском докладе 2021 г. ведущий аналитик «РЭНД» Т. Хит подчеркнул, что впервые после противостояния с СССР в холодной войне США столкнулись с перспективой долгосрочного соперничества с великой державой. При этом Россия была охарактеризована как «государство-изгой», способное нанести непоправимый ущерб, но не оспаривающее всерьёз статус США как мирового лидера [18: 3].

В декабре 2021 г. вышел доклад, содержащий рекомендации администрации Дж. Байдена относительно сдерживания Китая. Среди прочего: аккумулятивные элементы национальной мощи США для достижения международного консенсуса по Китаю; диверсификация цепочек поставок; инвестирование в ВПК; вступление в новые торговые альянсы; доминирование в киберпространстве; борьба с нечестной экономической практикой, дающей Китаю преимущество; продвижение привлекательного образа США; инвестиции в страны, наиболее уязвимые перед Китаем; создание партнёрств, коалиций и механизмов сотрудничества в области безопасности, альтернативных китайским; борьба с китайской пропагандой [19].

Центр за американский прогресс (*Center for American Progress, CAP*) – прогрессистский «мозговой центр», основанный в 2003 г. В апреле 2019 г. эксперты Центра отметили, что главным геополитическим вызовом XXI века будет то, как США и остальной мир отреагируют на подъём Китая. Если китайское видение миропорядка возобладает, и он станет доминирующей державой, существует риск, что мир станет менее свободным, процветающим и безопасным. С их точки зрения, подход Д. Трампа к Китаю страдал двумя фундаментальными недостатками: в экономическом плане, он не создаёт условия для эффективной конкуренции США, а в политическом плане, США отказались от роли мирового лидера, оттолкнув потенциальных союзников и партнёров, которые разделяют аналогичные опасения по поводу Китая, вместо того чтобы работать с ними. Если США сохранят свой нынешний курс, они уступят Китаю свои позиции. И чтобы изменить эту отрицательную динамику, США должны инвестировать в свои уникальные сильные стороны: во внутренней политике – решать экономические проблемы и вкладывать в факторы экономического процветания и национальной безопасности; в глобальном масштабе – вернуться к многостороннему подходу, выстроить и возглавить единый антикитайский блок. Впоследствии США смогут реализовать такую стратегию, которая ограничит пространство Китая к манёвру, побудит Китай реализовывать свой потенциал на пользу глобальному общему благу и позволит США конкурировать в долгосрочной перспективе [20].

Фонд «Наследие» (*The Heritage Foundation*) – консервативный «мозговой центр», основанный в 1973 г. В феврале 2020 г. ведущие аналитики Фонда подготовили специальный отчёт, дающий представление о факторах, определяющих поведение Китая на мировой арене. Отчёт включал более пятидесяти рекомендаций, призванных помочь решить проблему растущего влияния Пекина. Было отмечено, что Фонд с величайшим уважением относится к китайскому народу; проблема не в нём, а в «коммунистической диктатуре», которая угрожает благополу-

чию народов по всему миру. Аналитики приветствовали внимание политиков ко всему спектру угроз, исходящих от Китая, а также признание того, что их необходимо решать [21].

Главный вывод, к которому пришли в апреле 2020 г. директор Центра азиатских исследований Фонда У. Ломан и вице-президент Дж. Карафано, состоит в том, что великодержавное соперничество с Китаем – это долгосрочный и не имеющий чёткой исторической аналогии вызов американским национальным интересам [22]. Для ответа на него были предложены десять шагов: расследование происхождения коронавируса *COVID-19*; заключение новых соглашений о ЗСТ; наращивание вооружённых сил в Индо-Тихоокеанском регионе; подготовка экономики США к длительной конкуренции; запрет *Huawei* и *ZTE* участвовать в разработке сети *5G*; ослабление китайского влияния в международных организациях; координация с Евросоюзом действий по экспортному контролю и инвестиционным режимам; противодействие экономическому шпионажу и воровству технологий; поддержка Тайваня; отстаивание американских ценностей.

В целом после ознакомления с работами аналитиков Фонда сложилось впечатление, что их позиция по Китаю категоричная. Американско-китайские отношения рассматриваются в контексте противодействия друг другу. На странице раздела, посвящённого Китаю, даётся объяснение: подъём Китая – постоянный и серьёзный вызов, с которым США придётся столкнуться в течение следующих нескольких десятилетий; ещё до пандемии *COVID-19* Китай являлся «безответственным глобальным игроком», угрожающим американским интересам и ценностям [23]. Стоит привести некоторые заметки из последних докладов:

– крайняя обеспокоенность экспансионистской активностью Китая в свете заключения им оборонного соглашения с Соломоновыми островами, которое стало кульминацией усилий Китая по прорыву «островных линий» США и их союзников и выходу на Тихий океан (Б. Сэдлер, апрель 2022 г.);

– поддержка возросшей роли Конгресса, готового к масштабным дебатам по Китаю. Американско-китайская комиссия по мониторингу экономики и безопасности и Исполнительная комиссия по Китаю Конгресса США – фабрики идей, уже представившие 14 приоритетов всеобъемлющего законопроекта по Китаю и семь принципов политики Конгресса (У. Ломан, апрель 2021 г.);

– признание того факта, что действия Китая мотивированы идеологически. Возрождение идеологии как фактора повлияет на внешнюю и оборонную политику Китая. Нынешняя идеология, уходящая корнями в марксизм-ленинизм, маоизм, китайскую историю, идеи Си Цзиньпина, принципиально несовместима с идеологией США, и потому, с точки зрения КПК, США представляют собой экзистенциальную идеологическую угрозу (Д. Ченг и О. Энос, март 2021 г.);

– новое восприятие Японии с поддержкой укрепления американско-японского альянса на фоне нерешительности Токио в плане отказа от послевоенных ограничений и принятия на себя большей ответственности за свою безопасность (Б. Клингнер, сентябрь 2020 г.);

– эволюция тайваньского фактора, краеугольного камня индо-тихоокеанского пояса сдерживания Китая. Белый дом и Конгресс добились консенсуса о реше-

тельной поддержке Тайваня, а двустороннее соглашение о ЗСТ должно стать следующим логическим шагом на пути повышения взаимного доверия и расширения экономического взаимодействия (Э. Ким и У. Ломан, август 2020 г.).

Совет по международным отношениям, СМО (Council on Foreign Relations, CFR) – центристский «мозговой центр», основанный в 1921 г. В январе 2020 г. вышел доклад эксперта СМО Р. Блэквилла, где говорилось, что, даже если будет достигнута частичная нормализация американо-китайских отношений, каждая из сторон конфликта по-прежнему будет рассматривать другую как стратегического противника. У двух стран разная история, разные ценности и политическая культура, жизненно важные национальные интересы, долгосрочные цели внешней политики и видение внутреннего и международного порядка, поэтому им вряд ли удастся достичь устойчивого и стабильного равновесия в ближайшее время [24: 2]. Усилия США по интеграции Китая в либеральный миропорядок породили угрозы американскому лидерству, поэтому Соединённым Штатам требуется новая большая стратегия в отношении Китая [24: 9]. В объёмном докладе были представлены двадцать два предписания, проистекающие из понимания того, что сохранение центральной роли США в формировании глобальной системы остаётся главной целью в XXI веке. Соединённым Штатам необходимо: оживление экономики; создание новых преференциальных торговых соглашений с использованием инструментов, исключаяющих из уравнения Китай; восстановление режима контроля над передачей технологий; наращивание военной инфраструктуры на периферии Китая; укрепление вооружённых сил США для их эффективного и быстрого проецирования на территории Азии и жизненно важных морских путей; продвижение американских ценностей в мире [24: 10].

Р. Блэквилл допустил, что при администрации Д. Трампа американо-китайские отношения вступили в четвёртую фазу, фазу конкуренции, сменив послевоенное противостояние, потепление в отношениях при Р. Никсоне, включение Пекина в международную систему с надеждой, что он станет «ответственным игроком» и примет правила либерального миропорядка [25: 16]. Р. Блэквилл раскритиковал предыдущие администрации за то, что задолго до прихода Д. Трампа они постоянно говорили о стратегическом партнёрстве с Китаем и использовали ложные подходы, неверно интерпретируя его истинные намерения. Пока американские лидеры делали оптимистичные заявления, Китай реализовывал свою большую стратегию, ориентированную на подрыв позиций США в АТР. Р. Блэквилл поставил этот просчёт в ряд главных внешнеполитических ошибок, совершённых после Второй мировой войны наряду с решениями 1965 и 2003 гг. [25: 9]. Д. Трамп начал с не лучшего решения о выходе из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), однако с тех пор был выработан гораздо более ясный подход к Китаю, порывающий со многими ошибками прошлого, и потому в целом его президентство заслуживает высокой оценки [25: 10].

В сентябре 2019 г. при участии эксперта по кибербезопасности А. Сегала вышел доклад, где говорилось, что, хотя попытки Пекина стать технологической державой способствовали глобальному росту и процветанию, а США и Китай извлекли выгоду из двусторонней торговли и инвестиций, кража интеллекту-

альной собственности и промышленная политика Китая несут угрозу экономической конкурентоспособности и национальной безопасности США [26: 36]. Китай осуществляет три промышленные стратегии: «Руководство по продвижению интегральных схем» 2014 г., «Сделано в Китае 2025» и «Программа развития искусственного интеллекта нового поколения», цель которых заключается в производстве китайскими фирмами 70% чипов, модернизации стареющей производственной базы, конкуренции с США в области искусственного интеллекта (ИИ) [26: 40]. В ответ на это Соединённым Штатам необходимо разработать свою стратегию инновационной безопасности.

Институт Катона (*Cato Institute*) – либертарианский «мозговой центр», основанный в 1977 г. В докладах Института прослеживается твёрдая и последовательная приверженность принципам либертарианства. Аналитики признают возросшую роль китайского фактора, однако не считают, что Китай представляет собой настолько серьёзную угрозу, чтобы оправдать ею отказ администрации Д. Трампа от свободного рынка в пользу протекционизма. Для них экономический подъём Китая неоспорим, однако, по их мнению, тезис об эффективности модели госкапитализма страдает двумя критическими ошибками. Во-первых, государственный капитализм не был движущим фактором прошлых экономических успехов Китая. Наоборот, эти успехи были достигнуты благодаря западным инвестициям и рыночным реформам, которые Китай стал проводить с 1978 г. Во-вторых, сам Китай столкнулся с системными вызовами, которые ставят под вопрос, удержится ли он на той же экономической траектории в будущем [27].

Подводя итог пятидесяти годам с момента нормализации отношений в 1972 г., аналитики Института отмечают, что Китай представляет собой более серьёзный вызов гегемонии США, чем СССР, но, несмотря на масштабы, важно не преувеличивать угрозу. Она состоит лишь в том, что Китай стремится воспроизвести американскую доктрину Монро. На карту поставлено влияние США в Азии, что является важным интересом, но не экзистенциальной угрозой будущему Америки. Кроме того, не до конца определено и будущее Китая. Среди уязвимых мест: старение населения; неэффективные государственные предприятия с большой задолженностью (госдолг Китая под 300%); пузырь на рынке недвижимости; колоссальные разрывы в доходах. На международной арене у Китая мало настоящих друзей, не говоря уже о союзниках, и потому Д. Трамп совершил ошибку, объявив экономическую войну всем, включая союзников США, вместо того чтобы объединиться с ними против Китая [28].

Также эксперты подчёркивают, что конфронтационная позиция администрации Дж. Байдена по отношению к Китаю по вопросам как торговли, так и безопасности – это не более чем упрощённая версия Д. Трампа. Преимуществом этой политики ещё более очевидна во втором случае, особенно в отношении Тайваня. Администрация Дж. Байдена продолжила курс и увеличила военное присутствие США на Тайване. Всё возрастающую роль играет Конгресс, где был достигнут полный двухпартийный консенсус. Законодательные инициативы, по-видимому, отражают намерения как «ястребов», так и «голубей». Уже обсуждается закон,

фактически предоставляющий президенту карт-бланш по защите Тайваня с использованием вооружённых сил США без одобрения Конгресса [29].

Гудзоновский институт (*Hudson Institute*) – консервативный «мозговой центр», основанный в 1961 г. Как отметил аналитик Т. Дюстерберг, самым важным достижением торговой политики администрации Д. Трампа стало признание того, что Китай не является ответственным участником, которым, как многие надеялись, он станет. Белый дом также убедился, что правила и механизмы ВТО мало помогают в решении китайской проблемы. Хотя действия Д. Трампа вызвали недовольство сторонников открытой торговли, ряд стран (Австралия, Япония) последовали примеру США. Т. Дюстерберг предположил, что Дж. Байден также сделает упор на восстановление промышленности и повышение внутренней устойчивости. Среди приоритетов было рекомендовано возвращение Соединённых Штатов в ТПП, а также заключение соглашений о ЗСТ с Тайванем и Великобританией. Неплохой институциональной структурой, которая могла бы послужить платформой для укрепления координации оборонного производства с союзниками, является группа «пять глаз» [30: 2], поскольку среди её политических лидеров есть понимание, что китайская стратегия «Сделано в Китае 2025» представляет серьёзную угрозу их конкурентоспособности в высокотехнологичных секторах (особенно ИИ) [31: 3]. В январе 2022 г. Т. Дюстерберг обрисовал ряд острых проблем, тормозящих экономический рост Китая, которые он оказался неспособен решить: старение населения, растущее неравенство, деградация природной среды; приоритет госкорпораций, где процветают кумовство и некомпетентность в ущерб экономической эффективности; ограничение СМИ; безрассудные схемы в сфере недвижимости, повышающие риск надувания финансового пузыря.

Что касается сферы безопасности, в ожидании СНО-2022, где Китай был назван главным стратегическим соперником и вызовом номер один, аналитики обнаружили, что США слишком мало сделали для сдерживания Китая в Южно-Китайском море. Китай угрожает своим соседям, и США должны положить этому конец, выработав комплексную стратегию. В качестве одного из инструментов давления было названо проведение непрерывных военно-морских учений, что продемонстрировало бы решимость США по защите своих союзников [32]. Следует прояснить, что недовольство действиями Китая обусловлено созданием им искусственных, намывных островов в спорной акватории архипелага Спратли и Парасельских островов, и размещением на их территории военных объектов. В июле 2016 г. Постоянная палата третейского суда постановила, что Китай не имеет оснований для территориальных притязаний. Китай это решение не признал.

Гуверовский институт (*Hoover Institution*) – консервативный «мозговой центр», основанный в 1919 г. и входящий в систему Стэнфордского университета. В ноябре 2018 г. был опубликован доклад о китайском влиянии в США. Отмечалось, что поворот Китая к военно-политическому соперничеству с США в корне изменил характер двусторонних отношений. Три с половиной десятилетия поведение Китая на мировой арене определяли принципы «политики реформ и открытости» и «мирного сосуществования». Китайские лидеры стремились под-

черкнуть, что быстрое экономическое развитие и обретение статуса великой державы не должны угрожать ни существующему миропорядку, ни интересам азиатских соседей. Однако с приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина ситуация изменилась. Под его руководством китайская политика приобрела новые черты. Она направлена не только на переопределение места Китая в мире, но также на продвижение модели развития альтернативной западной модели либеральной демократии. Китай занимает всё более агрессивную и экспансивную позицию на мировой арене, а двусторонние отношения становятся более враждебными. Основной темой доклада стало «вмешательство Китая во внутренние дела США». С точки зрения его авторов, Китай вмешивается изобретательно и решительно, отчего экономические и геостратегические потери США становятся всё более существенными, поэтому наиболее эффективная защита – укреплять демократические ценности и институты [33].

В апреле 2022 г. вышла разгромная статья ведущего аналитика Института Л. Даймонда. Он отошёл от термина «новая холодная война», но выразился иначе, отметив, что Китай – неототалитарная сверхдержава, глубоко враждебная демократии. Конечная цель Китая – глобальная гегемония с доминированием не только в мировой торговле и финансах, но и в таких сферах, как Арктика, космическое пространство и международные институты, хотя в первую очередь китайские партийные лидеры одержимы идеей сохранения своей семидесятилетней монополии на власть. Вызов, брошенный КПК, имеет фундаментальное значение для национальной безопасности и ценностей США. Л. Даймонд указал, что «китайская демонстрация жёсткой силы» становится всё более дерзкой, и привёл довольно веские доводы в подтверждение своей позиции. Ответ США и их союзников требует «не менее жёсткой политики конструктивной бдительности» на базе прозрачности, взаимности, укрепления собственных институтов [34].

Наличие двухпартийной поддержки антикитайского курса подтвердили эксперты и другого «мозгового центра», аффилированного с университетской средой – Белферского центра (*Belfer Center*), основанного в 1973 г. при Гарвардском университете [35: 2]. С их точки зрения, Вашингтон слишком сильно верил в свою способность определять траекторию движения Китая. Китай же наращивал свою мощь, усиливая напряжённость не только с США, но и со своими соседями. Результат привёл многих политиков в Вашингтоне к выводу, что долгосрочные усилия по созданию конструктивных отношений с Китаем, интегрированным в международную систему, в настоящее время выглядят скорее амбициозными, чем реалистичными. Соединённые Штаты должны укреплять и развивать отношения с союзниками и партнёрами, предложив им привлекательную альтернативу влияния Китая в ИТР. Интенсивное развитие Китая представляет наиболее серьёзную геополитическую проблему для США, и вызов, брошенный Китаем, будет более серьёзным, чем вызов со стороны СССР.

ВОСПРИЯТИЕ КИТАЙСКОЙ УГРОЗЫ ВНУТРИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ США

Говоря откровенно, тему китайской угрозы однополярному мироустройству во главе с США не раз поднимали и до президентства Д. Трампа. При администрации Б. Обамы очень жёстко в отношении Китая был настроен министр обороны Э. Картер, отмечавший, что Соединённые Штаты и многие другие государства глубоко обеспокоены некоторыми действиями, которые предпринимает Китай, чей непрозрачный оборонный бюджет, меры в киберпространстве, поведение в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях вызывают ряд серьёзных вопросов [36]. В докладе Комитета Сената США по вооружённым силам, обнародованном в мае 2015 г., были даны весьма резкие оценки действиям Китая в Южно-Китайском море как экспансионистским территориальным притязаниям, которые в одностороннем порядке меняют статус-кво и усиливают напряжённость в регионе [37].

И всё же существенный сдвиг в американо-китайских отношениях состоялся при администрации Д. Трампа, и уникальность ему придала скорость, с которой он произошёл. Известно, что Д. Трамп критиковал Китай ещё во время избирательной кампании 2016 г. Став президентом, Д. Трамп добился, что вялотекущая дискуссия в США о сдерживании Китая перешла в фазу конкретных действий, основанных на межпартийном консенсусе. В марте 2018 г., когда Д. Трамп ввёл первые пошлины на китайские товары, между Соединёнными Штатами и Китаем началась торговая война, которая привела к тому, что 15 января 2020 г. было подписано соглашение о первой фазе урегулирования торгового спора. Для США оно оказалось выгодным, так как удалось не только добиться большего доступа на китайский внутренний рынок, но и ослабить позиции своего главного стратегического конкурента. В ноябре 2018 г. на саммите G20 в Аргентине было подписано соглашение ЮСМКА (*USMCA*), вписывающееся в стратегию по укреплению позиций США на своём «внутреннем дворе» и формированию единого антикитайского торгово-экономического кластера. Принятие Конгрессом соглашения ЮСМКА подавляющим большинством голосов и двухпартийная поддержка ужесточения торговой политики против Китая стали доказательством того, что антикитайский консенсус в США быстро укрепляется.

Всё больше высокопоставленных лиц стали говорить о растущем консенсусе в истеблишменте, который рассматривает Китай не только как стратегический вызов для Соединённых Штатов, но и как страну, подъём которой произошёл за счёт США и которую невозможно остановить инструментами глобального либерального миропорядка. Политолог Э. Кордесман выделил пять ключевых речей сотрудников Белого дома, свидетельствующих о новом конфронтационном подходе к Китаю: речь советника по национальной безопасности Р. О'Брайена 24 июня 2020 г. в Фениксе на открытии фабрики по производству микроэлектроники *TSMC*; речь директора ФБР К. Рэя 7 июля 2020 г. в Институте Гудсона; речь генпрокурора У. Барра 17 июля 2020 г. в Президентском музее Джеральда Форда в

Мичигане; два выступления госсекретаря М. Помпео – 23 июля 2020 г. в библиотеке имени Никсона в Калифорнии и 13 июля 2020 г. в Госдепартаменте [38].

Аргументы, выдвинутые многими влиятельными голосами в пользу разединения двух стран, никуда не ушли. Будет не лишним привести некоторые выдержки. В октябре 2017 г. госсекретарь Р. Тиллерсон заявил, что основанный на правилах миропорядок всё больше подвергается напряжению из-за авторитарного Китая, который нарушает суверенитет других стран и провокационные действия которого в Южно-Китайском море прямо бросают вызов международному праву и нормам, которых придерживаются США и другие страны [39]. В октябре 2018 г. вице-президент М. Пенс выступил с очень жёсткой речью, подчеркнув, что Китай тратит на свои вооружённые силы столько же, сколько остальные страны Азии, вместе взятые, и желает не меньше, чем вытеснить США из западной части Тихого океана [40]. В июле 2020 г. госсекретарь М. Помпео противопоставил «свободный мир» «марксистско-ленинскому режиму» и разделил опасения Р. Никсона, который посчитал, что, открыв миру Компартию Китая, он (Никсон) создал «Франкенштейна». М. Помпео сказал: «Политика – наша и других свободных стран – воскресила слабую китайскую экономику. Теперь Пекин кусает руку, которая его кормила» [41].

Нет оснований полагать, что двусторонние отношения вернулись к статус-кво после ухода Д. Трампа. Ещё во время летних дебатов 2020 г. основные кандидаты от Демократической партии (М. Беннет, П. Буттиджич, Б. О’Рурк, Т. Райан, Э. Ян) продемонстрировали явно конфронтационный подход к Китаю. В сентябре 2020 г. видный неоконсерватор Р. Каплан отметил, что, несмотря на партийную поляризацию, обе стороны разделяют глубокую озабоченность по поводу Китая, и напомнил, что в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности спикер Палаты представителей Н. Пелоси отметила, что у них с Д. Трампом «имеется согласие по линии Китая». По версии Р. Каплана, в отличие от прошлых лет, у Китая мало друзей в коридорах власти в Вашингтоне, если таковые вообще имеются. И даже за пределами Конгресса в широком политическом спектре формируется согласие относительно того, почему Китай представляет угрозу для США и как с этим бороться [42]. Таким образом, складывается ощущение, что для политической элиты США Китай находится в авангарде неавторитарного вызова, который представляет собой угрозу идее либеральной демократии. Конкуренция с США разворачивается в идеологических терминах и становится игрой с нулевой суммой, и потому США просто не могут отказаться от своего лидерства, иначе их место займёт Китай.

Нисходящая спираль в американо-китайских отношениях потянула за собой общественное мнение. Согласно данным опроса Чикагского совета по глобальным вопросам в октябре 2020 г., хотя демократы критикуют конфронтационный подход Д. Трампа к Китаю и выступают против разделения двух экономик, они согласны с тем, что США должны проводить более жёсткую линию в отношении Китая. Так, впервые за два десятилетия большинство американцев (55%), республиканцев (67%), независимых (53%), демократов (47%) восприняли Китай как серьёзную угрозу; благоприятное отношение американцев к Китаю упало до

самой низкой отметки (32 из 100) в истории опросов с 1978 г.; за сотрудничество и взаимодействие с Китаем – 47% (65% в 2006 г.), в то время как за сдерживание Китая – 49% (29% в 2006 г.); 64% республиканцев за противодействие Китаю, 60% демократов за сотрудничество; большинство за выстраивание прочных отношений с традиционными союзниками (Южная Корея и Япония), даже если это ухудшит отношения с Китаем (77% по сравнению с 58% в 2010 г.) [43].

В октябре 2020 г. на сайте журнала «Форин афферс» (*Foreign Affairs*), издаваемого СМО, вышла программная статья Х. Клинтон [44]. Тот факт, что она была написана одним из лидеров Демократической партии, придало ей особый резонанс. Следовало бы отметить следующее. Во-первых, практически всё в ней соответствовало тем направлениям, которые задал Д. Трамп. Во-вторых, в статье практически не говорилось о России, зато очень много было сказано про Китай, представляющий собой совершенно новый вид асимметричной угрозы для США. Х. Клинтон констатировала, что снижающийся промышленный потенциал США и недостаточные инвестиции в НИОКР делают страну опасно зависимой от Китая и неподготовленной к будущим кризисам, в то время как Китай предпринимает всё возможное для наращивания преимущества. Х. Клинтон признала, что стратегический ландшафт изменился и призвала адаптироваться к нему с объединением двух повесток дня – военной модернизации и внутреннего обновления с восстановлением промышленной и технологической мощи страны. Тот факт, что Китай представляет собой угрозу, признал и Дж. Байден, проведший много часов с китайскими лидерами и осознавший, с кем США имеют дело. В своей статье он заявил, что Китай играет в долгую игру, расширяя своё глобальное присутствие, продвигая собственную политическую модель и инвестируя в технологии будущего, и потому Соединённым Штатам нужно сохранять жёсткие отношения с Китаем; ведь если он добьётся своего, то продолжит грабить США и американские компании [45].

В этом суть позиции Дж. Байдена – Китай представляет для США угрозу, на которую необходимо реагировать. И как он не раз повторял после инаугурации: США принимают вызов своему процветанию, безопасности и демократическим ценностям со стороны самого серьёзного конкурента – Китая [46]. В своём первом обращении к Конгрессу Дж. Байден обрушился на Китай, пообещав сохранить военное присутствие США в Индо-Тихоокеанском регионе и ускорить технологическое развитие страны. Дж. Байден призвал законодателей принять всеобъемлющий двухпартийный пакет законов, чтобы оказать давление на Пекин в свете нарушения им прав человека, устранить торговый дисбаланс и увеличить финансирование НИОКР в США, чтобы эффективнее конкурировать [47]. В марте 2022 г. Сенатом был принят Закон о конкуренции Америки [48]. Многомиллиардный закон направлен на удержание промышленного и технологического доминирования США; касается изменения цепочки поставок и НИОКР, чтобы минимизировать зависимость от продукции китайского производства. В нём затрагиваются вопросы прав человека, демократии и верховенства закона в Китае.

На этом фоне администрация Дж. Байдена взялась за разработку комплексной стратегии в отношении Китая, общие контуры которой уже можно понять

из риторики и действий за 2021 г. В основе подхода лежит убеждение, что Китай движется в неправильном направлении, но возможности повлиять на Пекин ограничены, и поэтому Вашингтону нужно готовиться к длительному соперничеству. В декабре 2021 г. в Джакарте государственный секретарь США Э. Блинкен представил видение «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Он отметил, что все в регионе обеспокоены «агрессивными действиями Пекина, намеревающегося превратить Южно-Китайское море в своё собственное внутреннее море». По мнению Э. Блинкена, это угрожает свободе судоходства и движению торговых потоков, поэтому США будут работать с союзниками и партнёрами, чтобы «защитить основанный на правилах порядок» [49]. Более мягкой риторикой придерживается советник по национальной безопасности Дж. Салливан, утверждающий, что Белый дом не стремится к фундаментальной трансформации китайской системы и что цель политики США состоит в создании условий сосуществования двух крупных держав в международной системе.

В мае 2022 г. Э. Блинкен выступил с речью, в которой изложил подход Белого дома к Пекину [50]. В соответствии с ним, США намерены защищать и модернизировать основанный на правилах международный порядок – систему законов, соглашений, принципов и институтов, которую подрывает Китай, объявленный главным долгосрочным вызовом международному порядку. По словам Э. Блинкена, США не могут полагаться на то, что Пекин изменит свою политику – более репрессивную внутри страны и более агрессивную за рубежом; они будут отвечать на этот вызов и продвигать своё собственное видение открытой, инклюзивной международной системы.

Из выступления Э. Блинкена стало ясно, что, как считает Дж. Байден, это десятилетие будет решающим, и чтобы добиться успеха, его администрация разработала комплексную трёхзвенную стратегию: «инвестировать, объединяться, конкурировать» (*invest, align, compete*). Также был введён термин «комплексное сдерживание» (*integrated deterrence*) для обозначения нового подхода, основанного на привлечении союзников и партнёров; работе в обычной, ядерной, космической и информационной областях; опоре на сильные стороны США в экономике, технологиях и дипломатии. Вызов, брошенный Китаем, станет большим испытанием для американской дипломатии, и потому Э. Блинкен заявил о решимости предоставить Госдепартаменту все необходимые ресурсы в рамках программы модернизации, включая создание «китайского дома» (*China House*) – интегрированной команды в масштабах всего департамента, которая будет координировать и реализовывать политику США, работая вместе с Конгрессом. Можно отметить, что это было одно из лучших выступлений по Китаю за последние годы. Ясно, что в Вашингтоне растёт понимание необходимости более реалистичного подхода к отношениям с Пекином, во многом совпадающего с теми рекомендациями, которые в течение многих лет готовили «мозговые центры».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напрашиваются следующие выводы. Американские «мозговые центры» играют важную роль в принятии политических решений в США. Несомненно, одной из главных тенденций последних лет является принципиальное изменение их позиций и подходов к Китаю, что отражает фундаментальную переоценку того, как они понимают китайскую угрозу и рекомендуют отвечать на неё. Многочисленные доклады косвенно подтверждают, что среди «мозговых центров» разной идеологической ориентации сформирован некий консенсус по вопросу Китая. Был зафиксирован сдвиг в стратегии Пекина в сторону более агрессивной политики по отношению к Западу, направленной не только на пересмотр места Китая в мире, но и на продвижение модели развития альтернативной западной модели либеральной демократии. Телефонный разговор Дж. Байдена и Си Цзиньпина в марте 2022 г. подтвердил опасения на этот счёт. Как заявил Байден, китайский лидер считает авторитарный режим лучше в новом веке, так как он не требует длительных согласований для выработки консенсуса, необходимого в либерально-демократической системе. Все однозначно сходятся на критике присущей Китаю экономической модели. В то же время ряд экспертов обращают внимание на то, что сам Китай столкнулся с системными вызовами, которые ставят под вопрос, удержится ли он на той же экономической траектории в будущем.

Для большинства аналитиков великодержавное соперничество с Китаем, частью чего является не только военное и экономическое противоборство, но и борьба двух идеологий, – это долгосрочный и не имеющий чёткой исторической аналогии вызов американским национальным интересам и ценностям, к которому США предстоит адаптироваться. Признаётся тот факт, что действия Китая мотивированы идеологически и что нынешняя китайская идеология принципиально несовместима с американской идеологией, поэтому мир ждёт длительная стратегическая конкуренция между двумя системами, моделями нового миропорядка. Почти все «мозговые центры» признают, что предыдущие администрации США сосредоточились, в первую очередь, на интеграции Китая в систему, основанную на принципах либерального миропорядка, но этот подход не работает. Усилия США по интеграции Китая в свой миропорядок с надеждой, что он станет «ответственным игроком» и примет правила миропорядка, обернулись провалом и породили угрозы американскому лидерству, поэтому Вашингтону требуется новая большая стратегия в отношении Пекина.

Будет не лишним отметить, что признаётся вклад администрации Д. Трампа, сыгравшей не последнюю роль в пробуждении США перед растущей китайской угрозой их гегемонии, однако отмечаются и недостатки, которыми страдал прежний внешнеполитический курс: невнимание к альянсам и институтам (выход из ТПП), отказ от многосторонности, и главное – отсутствие новой большой стратегии. Большая стратегия – вопрос, поднимаемый абсолютно всеми «мозговыми центрами», успешными выработать соответствующие рекомендации для правительственных органов США. Так, отмечается, что Соединённые Штаты должны реинвестировать в свои уникальные сильные стороны: во внутренней

политике – решать экономические проблемы и вкладывать в факторы экономического процветания и национальной безопасности; в глобальном масштабе – вернуться к многостороннему подходу, выстроить и возглавить единый антикитайский блок. Главная борьба за мировое лидерство развернётся в ИТР, который становится основным театром великодержавного соперничества, где особую актуальность приобретает активизация отношений с Тайванем, чей возрастающий фактор отмечают все.

И, наконец, самое главное, судя по высказываниям и действиям двух последних администраций, Д. Трампа и Дж. Байдена, становится ясно, что подходы «мозговых центров» к Китаю и рекомендации правительству США, изложенные в многочисленных докладах, повлияли на позиции американских политиков. В силу идеологических различий между демократами и республиканцами существуют некоторые трения по части методов и подходов сдерживания Китая; по вопросу, как именно правительство должно позиционировать США перед лицом авторитарного, коммунистического Китая. Однако все едины в главном: Китай, а не Россия, это главная внешнеполитическая проблема для США; пришло время перейти к более жёсткой линии и, аккумулируя свою мощь, параллельно готовиться к длительному стратегическому соперничеству.

ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy of the United States of America, December 2017. The White House. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 01.03.2022).

2. National Defense Strategy, 2018. U.S. Department of Defense. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 01.03.2022).

3. President J. Biden. Interim National Security Strategic Guidance. The White House. March 3, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 01.03.2022).

4. Fact Sheet: 2022 National Defense Strategy. U.S. Department of Defense. March 28, 2022. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF> (accessed 01.03.2022).

5. McGann, J. 2020 Global Go to Think Tank Index Report. Penn Libraries. January 28, 2021. Available at: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (accessed 10.03.2022).

6. Jones, B. China and the return of great power strategic competition. Brookings Institution. February 2020. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_china_power_competition_jones.pdf (accessed 10.03.2022).

7. Meltzer, J., Shenai, N. The US-China economic relationship. Brookings Institution. February 2019. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/us_china_economic_relationship.pdf (accessed 10.03.2022).

8. Hass, R., McElveen, R., Williams, R. The future of US policy toward China. Brookings Institution. November 2020. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/11/Future-U.S.-policy-toward-China-v8.pdf> (accessed 10.03.2022).

9. Dollar, D., Hass, R. Getting the China challenge right. Brookings Institution. January 25, 2021. Available at: <https://www.brookings.edu/research/getting-the-china-challenge-right/> (accessed 10.03.2022).

10. Tellis, A. Balancing Without Containment: An American Strategy for Managing China. Carnegie Endowment for International Peace. January 22, 2014. Available at: https://carnegieendowment.org/files/balancing_without_containment.pdf (accessed 15.03.2022).

11. Tellis, A., Szalwinski, A., Wills, M. Strategic Asia 2020. Carnegie Endowment for International Peace. January 21, 2020. Available at: https://carnegieendowment.org/files/SA_20_Tellis.pdf (accessed 15.03.2022).

12. Tellis, A., Szalwinski, A., Wills, M. Strategic Asia 2021-22. NBR. January 11, 2022. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/strategicasia2021-22_overview_tellis.pdf (accessed 15.03.2022).

13. Lewis, J. Meeting the China Challenge. CSIS. January 29, 2018. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180126_Lewis_MeetingChinaChallenge_Web.pdf (accessed 15.03.2022).

14. Goodman, M., Gerstel, D., Risberg, P. Beyond the Brink. CSIS. September 25, 2019. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/190925_Goodman_BeyondtheBrink_brief_WEB_v2_0.pdf (accessed 15.03.2022).

15. Cordesman, A. U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. CSIS. May 18, 2020. Available at: <http://www.d-long.com/eWebEditor/uploadfile/2020060720160562325723.pdf> (accessed 20.03.2022).

16. Cordesman, A. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. CSIS. January 6, 2021. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/2020811.Burke_Chair.AHC_GH9_.pdf (accessed 20.03.2022).

17. Watts, S., Beauchamp-Mustafaga, N., Harris, B., Reach, C. Alternative Worldviews. RAND Corporation. 2020. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2982.html (accessed 20.03.2022).

18. Heath, T. U.S. Strategic Competition with China. RAND Corporation. June 2021. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA290-3.html> (accessed 20.03.2022).

19. Paul, C., Dobbins, J., Harold, S., Shatz, H., Waltzman, R., Skrabala, L. A Guide to Extreme Competition with China. RAND Corporation. December 1, 2021. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1378-1.html (accessed 20.03.2022).

20. Hart, M., Magsamen, K. Limit, Leverage, and Compete. Center for American Progress. April 3, 2019. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/limit-leverage-competes-new-strategy-china/> (accessed 25.03.2022).

21. Cheng, D., Lohman, W., Carafano, J., Walters, R. Assessing Beijing's Power. The Heritage Foundation. February 10, 2020. Available at:

<https://www.heritage.org/asia/report/assessing-beijings-power-blueprint-the-us-response-china-over-the-next-decades> (accessed 25.03.2022).

22. Lohman, W., Carafano, J. 10 Steps America Should Take Now to Respond to the China Challenge. The Heritage Foundation. April 30, 2020. Available at: <https://www.heritage.org/asia/commentary/10-steps-america-should-take-now-respond-the-china-challenge> (accessed 25.03.2022).

23. Countering China. The Heritage Foundation. Available at: <https://www.heritage.org/china> (accessed 25.03.2022).

24. Blackwill, R. Implementing Grand Strategy Toward China. CFR. January 2020. Available at: <https://www.cfr.org/report/implementing-grand-strategy-toward-china> (accessed 25.03.2022).

25. Blackwill, R. Trump's Foreign Policies Are Better Than They Seem. CFR. April 2019. Available at: <https://www.cfr.org/report/trumps-foreign-policies-are-better-they-seem> (accessed 30.03.2022).

26. Segal, A. Innovation and National Security. CFR. September 2019. Available at: <https://www.cfr.org/report/keeping-our-edge/> (accessed 30.03.2022).

27. Lincicome, S. The China Threat Meets the China Reality. Cato Institute. June 2, 2021. Available at: <https://www.cato.org/commentary/china-threat-meets-china-reality> (accessed 30.03.2022).

28. Bandow, D. Fifty Years of China. Cato Institute. February 24, 2022. Available at: <https://www.cato.org/commentary/fifty-years-china> (accessed 30.03.2022).

29. Carpenter, T. Congress Is Waging a Two-Front Offensive against China Cato Institute. November 2, 2021. Available at: <https://www.cato.org/commentary/congress-waging-two-front-offensive-against-china> (accessed 30.03.2022).

30. Duesterberg, T. A U.S. Trade Agenda for 2021. Hudson Institute. October 2020. Available at: <https://www.hudson.org/research/16468-a-us-trade-agenda-for-2021-bolstering-global-trade-and-countering-chinese-economic-policy> (accessed 05.04.2022).

31. Schneider-Petsinger, M., Wang, J., Jie, Y., Crabtree, J. US-China Strategic Competition. Chatham House. November 7, 2019. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2019/11/us-china-strategic-competition> (accessed 05.04.2022).

32. Clark, B. China Is Threatening Its Neighbors – But US Can Put a Stop to It. Hudson Institute. March 29, 2022. Available at: <https://www.hudson.org/research/17701-china-is-threatening-its-neighbors-but-us-can-put-a-stop-to-it> (accessed 05.04.2022).

33. Diamond, L., Schell, O. China's Influence & American Interests: Promoting Constructive Vigilance. Hoover Institution. November 29, 2018. Available at: <https://www.hoover.org/research/chinas-influence-american-interests-promoting-constructive-vigilance> (accessed 05.04.2022).

34. Diamond, L., Tiffert, G. What China Wants. American Purpose. April 4, 2022. Available at: <https://www.americanpurpose.com/articles/what-china-wants/> (accessed 05.04.2022).

35. Petraeus, D., Caruso, P. Coherence and Comprehensiveness. The Belfer Center for Science and International Affairs. March 2019. Available at: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-04/CoherenceForeignPolicy2.pdf> (accessed 10.04.2022).

36. Secretary Of Defense Speech. Remarks on the Next Phase of the U.S. Rebalance to the Asia-Pacific (McCain Institute, Arizona State University). U.S. Department of Defense. April 6, 2015. Available at: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/606660/remarks-on-the-next-phase-of-the-us-rebalance-to-the-asia-pacific-mccain-instit/> (accessed 10.04.2022).

37. S. Rept. 114-49 - National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016 Report. Congress.gov. May 19, 2015. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-report/114th-congress/senate-report/49/1> (accessed 10.04.2022).

38. Cordesman, A. From Competition to Confrontation with China. CSIS. August 3, 2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/competition-confrontation-china-major-shift-us-policy> (accessed 10.04.2022).

39. Defining Our Relationship with India for the Next Century. CSIS. October 18, 2017. Available at: <https://www.csis.org/analysis/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson> (accessed 10.04.2022).

40. Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. Trump White House Archive. October 4, 2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (accessed 15.04.2022).

41. Pompeo, M. Communist China and the Free World's Future. U.S. Department of State. July 23, 2020. Available at: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (accessed 15.04.2022).

42. Colby, E., Kaplan, R. The Ideology Delusion. Foreign Affairs. September 4, 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-04/ideology-delusion> (accessed 15.04.2022).

43. Smeltz, D., Kafura, C. Do Republicans and Democrats Want a Cold War with China? Chicago Council on Global Affairs. October 13, 2020. Available at: <https://www.thechicagocouncil.org/publication/lcc/do-republicans-and-democrats-want-cold-war-china> (accessed 15.04.2022).

44. Clinton, H. A National Security Reckoning. Foreign Affairs. November/December 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-09/hillary-clinton-national-security-reckoning> (accessed 15.04.2022).

45. Biden J. Why America Must Lead Again. Foreign Affairs. March/April 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (accessed 20.04.2022).

46. Remarks by President Biden on America's Place in the World. The White House. February 4, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed: 20.04.2022).

47. Remarks by President Biden in Address to a Joint Session of Congress. The White House. April 29, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/29/remarks-by-president-biden-in-address-to-a-joint-session-of-congress/> (accessed: 20.04.2022).

48. America COMPETES Act. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4521> (accessed: 20.04.2022).

49. Blinken, A. A Free and Open Indo-Pacific. U.S. Department of State. December 14, 2021. Available at: Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific/> (accessed: 20.04.2022).

50. Blinken, A. The Administration's Approach to the People's Republic of China. The White House. May 26, 2022. Available at: Available at: <https://www.state.gov/the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 25.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Самуйлов С.М. 2013. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. Москва: Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). 315 с.

REFERENCES

Samuylov, S.M. 2013. U.S. Foreign Policy Mechanism: Foundations and Modern Reform. Moscow (ISKRAN). 315 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЧЕГУРОВ Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США Института Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Dmitry A. KOCHEGUROV, Candidate of Sciences (Political), Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khlebnyy pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 30.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 15.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.06.2022.

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S2686673022090048

EDN: GVGIQI

Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.)

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр.3В

Scopus Author ID: 57194104599 РИНЦ ID: 435817

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Резюме. На основе анализа западногерманских дипломатических документов изучены отношения между Соединёнными Штатами и Федеративной Республикой Германия в течение 1981 г., когда новая президентская администрация осуществляла ревизию и перестройку внешней политики и политики безопасности. В центре внимания – общий подход обеих стран к обеспечению единства в НАТО. Актуальность проблемы обусловлена часто декларируемым и «неожиданным» для потенциальных противников проявлением единства союзников в период современной трансформации Североатлантического альянса и очередного этапа украинского кризиса. В рамках историко-политологической методологии автор смог представить общий план и проблемы единства, рассмотреть суть взаимного давления в альянсе, проанализировать содержание уступок американцам, соотношение уступок и процесса поддержания единства, охарактеризовать влияние на единство стремления добиться приемлемого варианта равенства со стороны ФРГ, оценить роль максимальных американских «рамочных» требований к союзникам. Научное значение статьи состоит в том, что в ней высказаны двенадцать гипотез и поставлены шесть исследовательских проблем. Практическое значение статьи заключается в том, что автором предложены семь рекомендаций относительно возможностей воздействия на единство в НАТО. Статья носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ФРГ, НАТО, Трансатлантическое сотрудничество, солидарство, стратегия Запада

Для цитирования: Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.). США & Канада: экономика, политика, культура, 2022; 52(9):65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048

EDN: GVGIQI

Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981)

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe (Russian Academy of Sciences),

11-3B, Mokhovaya street, 125009 Moscow, Russian Federation

Scopus Author ID: 57194104599 РИНЦ ID: 435817

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract: West German diplomatic documents related to relations between the United States of America and the Federal Republic of Germany in 1981 are analyzed. This year, as usual, the new US administration launched an assessment of US foreign and security policy. The focus of the article's analysis is the two countries' approach to unity in NATO. The topicality of the problem is beyond doubt, especially given the frequently voiced and completely "unexpected" unity of the alliance for potential opponents at the current stage of NATO transformation and in the Ukrainian crisis. Within the framework of historical-politological methodology, the author managed to present a general overview of NATO unity, to examine the nature of mutual pressure in the alliance and the content of common compromises. Connections between the compromises reached and the process of unity formation were shown. The problem was also examined, which influence on the unity and unity in NATO the striving for an optimal level of equality for the FRG has. The author was able to shed light on the role of the American framework demands against the Allies. The scientific meaning of the article consists in 12 hypotheses and 6 new problems, the in-depth analysis of which is still to come. The practical meaning of the article is represented by 7 recommendations that can affect the unity and unity of NATO. The article has a discussion character.

Keywords: USA, Germany, NATO, трансатлантическое сотрудничество, co-leadership, strategy of the West.

For citation: Sindeev A.A. Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52(9):65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048 EDN: GVGIG

ВВЕДЕНИЕ

Трансатлантическое сотрудничество по своей природе подвижно, поэтому трансформации (системные и несистемные изменения) составляют содержание его «позитивного взаимодействия», к которому, среди прочего, относятся простоя ситуативная солидарность и более значимое единство.

В настоящее время о единстве в НАТО его участники говорят очень много, что делает данный феномен особенно актуальным и побуждает исследователей заняться им внимательнее.

Исходной гипотезой этой статьи стало предположение, что единство в НАТО, несмотря на отличающихся по силе и влиянию участников, должно развиваться в рамках какого-то общего подхода, поскольку в противном случае вряд ли вообще можно о нём говорить.

Хронологические рамки (1981 г.) обусловлены приходом администрации Р. Рейгана в Белый дом и традиционным для таких случаев знакомством с делами [Аничкин О.Н., 1981; Иванян Э.А., 1984; Никонов В.А., 1989].

Статья продолжает изучение сути и механизмов трансформаций в истории НАТО [Синдеев А.А., 2021].

ОБЩИЙ ПЛАН ЕДИНСТВА

Безальтернативность роли и места Соединённых Штатов в жизни союзников и партнёров создавала особые отношения и зависимости, которые канцлер

Г. Шмидт, якобы всегда «веривший» «в необходимость твёрдого и связующего альянса» [1: 69], характеризовал дуалистично.

В первом интерпретационном варианте речь шла об ориентации европейцев <...> «на американское лидерство» и о желании это лидерство «не почувствовать» [1: 690], иными словами – о настрое Западной Европы.

Исходным допущением второго варианта была большая, нацеленная на перестройку контактов и реализацию согласованных ранее «существенных западных позиций», дипломатическая игра, в которой «США [и сами] не должны производить впечатление, будто бы они вообще руководят» [1: 570].

Одним из средств ослабления чувствительности воздействия Соединённых Штатов становилось «просвещение» новых администраций о положении дел в Европе, поскольку «в конвое из 15-ти судов (намек на количество членов НАТО в то время. – А.С.) с каждой сменой капитана на одном из кораблей нельзя заставлять весь конвой следовать новым курсом; это опасно, так как Советский Союз годами придерживается одного курса» [1: 1146].

В случае с Р. Рейганом Федеративной Республике было важно утвердить представление о широком понимании безопасности и оборонной политики, о значении разнопланового влияния на СССР, о том, чтобы не допустить расширение зоны ответственности НАТО и о сбалансированном, не препятствующем успешному экономическому развитию, взносе в общую оборону.

По мнению Шмидта, «американское правительство [должно] <...> научиться тому, что оборонную политику можно строить не только на финансах. Нужен персонал, нужны мотивация, подготовка (*Ausbildung*). И лишь на четвёртом месте находится военная оснащённость» [1: 570].

В ином ракурсе, но в схожей логике выступал министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, с точки зрения которого «нельзя позволить Брежневу играть роль ангела мира; его нужно заставить спуститься с небес на землю, за стол переговоров», так как «слабость воодушевляет диктаторов», а «твёрдость и готовность идти на переговоры – это часть [западной] концепции» [1: 364].

Впрочем, Шмидт, весьма не убеждённый в «чутье» склонного «к чёрно-белой живописи» Вашингтона, рекомендовал западноевропейским коллегам «вести себя не слишком громко (*cocky*)», «не слишком высовывать голову» [1: 69], но при этом активнее развивать натовский формат, направленный на усиление влияния европейских стран-участниц.

В контексте возможного присоединения Испании к альянсу федеральный канцлер, к примеру, заметил: «Вступление имеет преимущество: Испании не нужно будет больше опираться исключительно на США» [1: 567].

Начальные установки администрации Р. Рейгана внушали ФРГ осторожный оптимизм. Вспомним заявление государственного секретаря А. Хейга о работе в плановом консультативном режиме и его заверение, «что отношения между Бонном и Вашингтоном составляют основу западной безопасности». Без них она якобы вообще невозможна [1: 328].

Главным сцепляющим элементом единства был общий противник в лице СССР, которого администрация Рейгана не хотела «признавать равным себе на

международной арене (*weltpolitisch*) и предоставлять ему право голоса во всех мировых делах» [1: 1098], но который, несмотря на это, всё равно воспринимал себя «одним из гарантов европейской безопасности [и считал], что безопасность каждой европейской страны неделимо с [ним] связана» [1: 1169].

Ситуационным элементом единства часто выступала уверенность в собственных силах. Г. Шмидт, к примеру, полагал, что «Запад во всех сферах имеет лучшие карты»; ему «нужно только быть готовым сдавать» их [1: 356].

В ходе обсуждения конкретных вопросов единство переставало быть единым. Если 8 июля 1981 г. постоянный представитель Великобритании в НАТО сэр К. Роуз предлагал «оставить Советский Союз в неведении касательно <...> реакции Запада на случай нападения [на Польшу], но одновременно дать понять, что цена нападения будет высокой» [1: 1022], то постоянный представитель Франции К. Арно на том же заседании был менее категоричен. «Запад, – считал он, – должен избежать любого впечатления, будто бы он намерен раздувать костёр» [1: 1022]. Представитель США У. Беннет-младший был вынужден напомнить коллегам, что «меры Запада – это решающий фактор, чтобы удержать Советский Союз от нападения на Польшу» [1: 1023]. Да и «поставки оружия вновь считаются важными инструментами внешней политики» [1: 1099].

Не стоит забывать, что «требование усилить политическую и финансовую роль Германии в глобальной политике мирового порядка» автоматически соотносилось в ФРГ «со снижением профицитов в текущих балансах» [1: 590], вследствие чего союзники и партнёры по НАТО должны были, по мнению западногерманских политиков, решать, как долго они способны сохранять в своих рядах ослабленную в экономическом и финансовом плане страну.

Помимо временных затрат на согласование общей позиции, противоречий, вызванных одновременным удержанием США в Европе, сдерживанием их влияния и использованием освобождённых благодаря Америке национальных ресурсов, периодически возникали сомнения в готовности Вашингтона защищать «европейскую свободу» [см. в этом контексте: 3: 147-160].

Не стал исключением и приход в Белый дом команды Рейгана, который, с одной стороны, предсказуемо заявил о нежелании начинать военные действия, «если бы произошло советское нападение на Польшу» [1: 835]; с другой стороны – выразил сожаление, что при сооружении Берлинской стены был упущен исторический шанс «сломить её» [1: 835]. Г. Шмидт вряд ли понял различия между обеими ситуациями: ведь участниками выступали не входившие в НАТО ПНР и ГДР.

«Отложенная» готовность защищать настораживала, как и то, что внешнеполитические результаты в связке администрация – Конгресс были «не всегда предсказуемы», а «игроки внутри администрации <...> выделялись не согласованными друг с другом заявлениями» [1: 1102; см. подробнее: Bierganns С., 2021: 39-58].

Вышеизложенное позволяет изложить три гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. В истории НАТО всегда присутствовали опасения относительно позиции Соединённых Штатов. Западноевропейским союзникам Америки постоянно приходилось отвечать на вопрос «Что нужно (с)делать, чтобы (по)ладить с

США?», а значит – разрабатывать, поддерживать и корректировать национальные стратегии взаимодействия с Вашингтоном. Подчинение американцам и их доминирование в альянсе – наиболее простое, но отнюдь не единственно возможное результативное наполнение подобных стратегий. 7 октября Шмидт говорил «новичку» Миттерану, что «его опыт учит, как США чрезвычайно легко впадают из одной крайности в другую. Это представляет большую опасность для существования альянса» [1: 1537]. Через девять дней Рейган подтвердил правоту слов Шмидта, ответив на вопрос журналиста «об ограниченном применении ядерного оружия в случае конфликта с СССР»: «Честно говоря, я не знаю» [1: 1613; см. также: 2: 223-310].

2. Единство стран НАТО представляет собой сложный симбиоз национальных и межгосударственных взаимодействий с многочисленными ситуативными динамичными и статичными элементами и балансами. Если руководствоваться довольно простым определением внешней политики, данным тем же Рейганом 7 июля 1981 г. в Чикаго, то «использование здравого человеческого рассудка в обращении с друзьями и возможными противниками» [1: 1097] пришлось бы умножить на количество ситуаций, на общее число участников, на их интересы, ресурсы, важность и срочность (раз)решения проблем, то есть на кризисность и на плановость.

3. Процесс достижения баланса может не оставить времени на проверку его эффективности и усилить инерционность дальнейших политических шагов. Побочное влияние инерционности состоит в поддержании – через заикленность на себе – структур западного мира. При этом нужно понимать, что роль инерционной составляющей в средствах и подходах НАТО и в политике сохранения альянса окончательно не изучены ни историками, ни политологами.

4. Совершенно неясно, что произойдёт в ситуации «кипения» мира, или одновременного действия множества вызовов. Спешка при принятии решений и непродуманные последствия способны подорвать или (видо)изменить используемую годами модель достижения единства.

5. Современный вариант единства является продуктом эволюционирующего, но остающегося пока комфортным для Запада миропорядка.

ВЗАИМНОЕ ДАВЛЕНИЕ В БОРЬБЕ ЗА «ДВОЙНОЕ РЕШЕНИЕ»

Страны Запада привыкли существовать в условиях имеющегося в их пространстве комплексного давления. Для единства и сплочения взаимное (внутреннее) давление, по всей видимости, жизненно необходимо.

Дать чёткое определение данному давлению чрезвычайно трудно, поскольку в доступном для исследователей формате оно проявляется лишь эпизодически. Три гипотезы видятся нам наиболее перспективными: 1) «вызовы» продуцирует не только, а подчас и не столько, внешняя среда; 2) адресаты и сила взаимного давления различаются; 3) сначала придётся исходить по крайней мере из двух уровней.

На низовом уровне привычно «располагаются» собственные сторонники. Вспомним, как Шмидт увещевал социал-демократов касательно фронды по

«двойному решению»: «Каждый, – констатировал он, – кто теперь попытается поставить под вопрос или модифицировать "двойное решение", навредит альянсу <...>. Если Германию “вытеснят” в особое положение, то пострадает необходимая (*ausreichend*) оборона Запада» [1: 69].

На межгосударственном уровне оттачивается аргументация, соединяются в единое целое рекомендации и пояснения, звучат скрытые угрозы. Не делалось исключений и для Соединённых Штатов.

Тот же Шмидт многократно заявлял, что реализация «двойного решения» – это «тест на то, окажется ли альянс в состоянии перед лицом усиленной советской пропаганды реализовать однажды принятое решение <...>. Если реакция будет характеризоваться мягкостью и слабостью, то это станет решающим моментом в развороте к негативному проявлению в развитии альянса» [1: 356].

Показателен диалог, состоявшийся 3 мая 1981 г. между Геншером и Хейгом в Риме.

«На первой встрече стран НАТО, в которой примет участие новый американский министр иностранных дел, – предлагал Геншер, – необходимо подтвердить обе части "двойного решения" от 12 декабря 1979 г. <...> Будет неплохо сообщить, что Хейг проинформировал союзников о своих контактах с СССР, в которых обсуждалось продолжение встреч на уровне министров между Хейгом и Громыко в сентябре и выражено намерение начать формальные переговоры до конца года. Это три фразы» [1: 698].

Ссылаясь на коммюнике, одобренное Рейганом, Хейг возражал. Геншер не отступал и продолжал настаивать: будет «трудно объяснить нашей общественности, почему переговоры смогут начаться только в конце года. Напротив, если произвести на общественность впечатление, что в настоящее время осуществляются контакты, что Хейг и Громыко продолжают общение в сентябре <...>, то это понятная временная последовательность» [1: 698].

Хейг согласился на половинчатое решение: «Пусть, – заметил он, – журналист задаст мне вопрос, проходят ли подготовительные консультации с СССР перед моей встречей с Громыко. Я отвечу: "Да, конечно, подобные встречи уже состоялись"» [1: 698].

Несмотря на уступку, Геншер не ослаблял давление: «Формулировка о модернизации [в коммюнике] (имеется в виду заключительный документ официального заседания министров 4-5 мая в Риме. – А.С.), – утверждал он, – может быть понята в том смысле, что модернизация должна предшествовать началу переговоров. Нужно сказать, что незамедлительное продвижение модернизации – предпосылка реальных переговоров» [1: 699].

Хейг был вынужден вновь включиться в обсуждение и сделать ещё одну уступку: «Можно было бы сказать: "Модернизация ... является единственной основой"» [1: 699].

Двусторонние контакты с участием Рейгана больше пользы приносили американцам. Во время подобных встреч западноевропейским союзникам и партнёрам приходилось реагировать и на новые аргументы Вашингтона [Knüpfer, 2010: 25-28; Keller, 2008: 92-113].

Рассмотрим два примера «президентской аргументации» в контексте борьбы за «двойное решение». В первом случае американский президент обратил внимание собеседника на темы, обсуждение которых правительство США в силу особой роли страны в мире не может откладывать: «Американцы не отказываются, – говорил Рейган, – садиться за стол переговоров, но там нужно также говорить и на другие темы, например, о Польше, Афганистане и о советской готовности изменить некоторые свои практики» [1: 355].

Во втором случае, 19 июля на встрече «Большой семёрки», Рейган конкретизировал условия будущих переговоров с Москвой: «Мы хотим вести переговоры о контроле над вооружениями с Советским Союзом. Мы хотим не только ограничение вооружений, но и действительное, верифицируемое, сокращение вооружений. Эти переговоры не могут рассматриваться изолированно от развития, к примеру, в Анголе, Эфиопии и Афганистане. Сюда же относится и наша торговая политика по отношению к Востоку» [1: 1144-1145].

Не стоит забывать и другое эффективное средство взаимного давления – выражение сомнений: «Существуют сомнения в среднесрочной внутривнутриполитической возможности реализовать курс федерального правительства во внешней политике и политике безопасности, – писал руководитель постоянного представительства ФРГ в НАТО Х.-Г. Вик. – Появляются также сомнения в возможности преодолеть теперешнюю экономическую депрессию. Имеются сомнения и относительно того, насколько <...> реалистичны отдельные элементы наших представлений об отношениях Восток – Запад». Союзники рассчитывают на то, что ФРГ «возьмёт на себя дополнительные задачи в альянсе и лучше (*vollständiger*) выполнит согласованные (*eingegangen*) военные обязательства» [1: 450-451].

Альтернативной стратегией диалога с американцами становилось включение в дискуссию фундаментальных (системообразующих) тем и проблем, например, «борьбы за баланс», преодоление особого положения немецкого народа, которое не разрешает «прекратить торговлю с СССР» [1: 1145], опасности применения «евростратегического» ядерного оружия в Европе.

Вышеизложенное позволяет высказать три гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. Для сформировавшихся институциональных систем внешние вызовы и давление не всегда имеют доминирующее значение. Чем сильнее система и важнее для участников её сохранение, тем, по всей видимости, больше времени (даже в период кризиса) будет затрачено на выработку общей позиции, благодаря чему у стороннего наблюдателя может сложиться неверное представление о ситуативности действий альянса.

2. Взаимное давление позволяет договариваться. Результат договорённости часто оценивают как проамериканский, а доля иных стран – членов НАТО в компромиссе существенно преуменьшается. Подобная односторонность едва ли верна хотя бы потому, что масштабное изучение взаимного давления в НАТО, допустимых границ взаимодействия с США и полученных результатов до сих пор серьёзно не проводилось, а значит – двухуровневость также не стоит рассматривать в качестве окончательной модели.

3. В контексте взаимного давления единство может фиксироваться не только через итоговый результат, но и через процесс и средства его достижения, а значит, единство – это переменный в содержании, но постоянный в процессах и средствах поддержания феномен.

УСТУПКИ И ЕДИНСТВО

Взаимное давление продуцирует уступки. В августе – октябре 1981 г. Соединённые Штаты намеревались провести, в том числе, и за пределами стран НАТО, «крупнейший за последние годы морской манёвр». В 1980 г. была разработана Концепция морских операций (*Concept of Maritime Operations*), которую федеральное правительство одобрило в мае 1981 г. с максимально допустимой в таких случаях временной задержкой.

Участие в реализации концепции западных немцев предусматривало выполнение двух условий: 1) «военно-морские операции государств – членов НАТО вне области действия Североатлантического договора должны [были] осуществляться как действия суверенных государств, а не как действия альянса» [1: 1025]; 2) согласие не должно было носить «прецедентный характер» и впоследствии, при наступлении очередного повода или очередной ситуации, запрашиваться вновь.

В качестве обоснования указывалось на неукоснительное соблюдение Основного закона, поскольку манёвры «не считаются [военной] операцией» [1: 1026], следовательно, отсутствует связь с кризисными ситуациями.

Согласие, аргументировали чиновники Минобороны и МИД ФРГ, помогало развивать «германо-американские отношения» и пресечь упреки, будто бы Бонн является «выгодополучателем американского военного присутствия вне сферы НАТО» [1: 1026].

Кроме того, в расчёт были приняты «актуальные обстоятельства», так как «со времён Афганистана вопрос нахождения ВМФ ФРГ вне зоны ответственности НАТО [для американцев] весьма чувствителен» [1: 1026].

Пример с морскими манёврами 1981 г. показывает, что согласие не было полным, окончательным и безусловным; учитывались особенности собственной правовой системы; всесторонне взвешивались последствия; вводилась поэтапность; поощрялись иные форматы («действия суверенных государств»). Если абсолютизировать данный пример, то придётся подчеркнуть рациональный характер уступки.

Любопытно, что казуализация уступок поддерживала ситуативность в единстве. Очень хорошо об этом Шмидту сказал Миттеран: «Германия и Франция смогут правдоподобнее советовать американским соколам быть сдержаннее, если они в большей степени согласятся с американской программой вооружений и покажут, что не хотят принять риск оказаться слабыми в отношении СССР» [1: 1540].

Модель единства в уступках предполагает, по всей видимости, определённую замкнутость, разделение на «своих» и «чужих». Не этим ли обусловлены

непримиримость и нестигаемость её участников вне собственного «ценностного круга»? И не потому ли столь категоричны в своих политологических оценках сторонники постоянного давления со стороны США, уверенные в невозможности европейских партнёров как-то повлиять на стратегию НАТО?

А ведь та же Федеративная Республика, уступала не во всём и скорее для того, чтобы развивать союзничество, оставаться в постоянном диалоге с США и не уменьшать возможности давления. Впрочем, вспомним и об уверенности немцев, что «консолидированное, основанное на разумных аргументах, выступление Запада ещё никогда <...> не теряло своей эффективности» [1: 149].

О РАВЕНСТВЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РОЛЯХ

Фундаментальные интересы и порождаемые ими роли, как правило, стабильны; текущие ситуации и интересы, наоборот – часто волатильны. Средние и малые страны (ФРГ не стала исключением) проявляют повышенную заинтересованность в фундаментальном и в равенстве.

В 1981 г. в контексте расширения равенства между американцами и немцами обсуждались совершенствование «совместного участия в рисках», непреложность связки «оборона – готовность вести переговоры», усиление «кооперации» с США, скрытой целью которой было удержать американцев в Европе.

В период холодной войны «европейский фронт» с перманентной опасностью прямого столкновения сверхдержав имел исключительное значение. Неслучайно в натовских кругах признавалось, что «польский кризис намного меньше можно было отделить от [конфликта] между Востоком и Западом, чем [ситуацию] с Афганистаном» [1: 2041].

Принимая в расчёт интересы и ресурсы Западной Германии, посол Вик считал, что от немцев «будет зависеть, функционирует ли альянс и какую ценность Соединённые Штаты отведут альянсу в рамках своей глобальной политики в будущем» [1: 1292-1293]. Именно поэтому он и предложил своей стране взять на себя роль «адвоката альянса», то есть «критически проверить представления и решения США на их эффективность в альянсе и для альянса» [1: 1293], «добиваться того, чтобы США в политике контроля над вооружениями, а также в конструктивном оформлении отношений между Западом и Востоком, видели не только» тактику [1: 1292]; повысить «значение концепции предотвращения войны через сдерживание» [1: 1293] и инициировать, когда это необходимо, обсуждение «признаков изменений» [1: 1293].

В администрации Рейгана всё чаще звучали голоса о необходимости быть готовым к длительной победоносной войне, что, по мнению западногерманской стороны, противоречило официальной натовской стратегии [1: 1295].

Одна из причин «изменений» в Вашингтоне заключалась, по Вику, в том, что США сделали «акцент <...> на ядерный потенциал и силы, улучшающие [их] глобальный подход к пониманию силы (*power projection*)» [1: 1291]. Из этого логично следовало и другое умозаключение: территория стран НАТО постепенно переставала быть единственной для реализации интересов Америки.

Впрочем, роль «адвоката» становилась реальной лишь после выполнения Федеративной Республикой всех взятых на себя финансовых обязательств.

С точки зрения Вика, роль «адвоката альянса» позволяла проявить «особую внимательность» в сохранении «своего политического пространства и обеспечении ... национальных интересов в сфере безопасности, к которым относилось и крайне доверительное партнёрство с США» [1: 1292].

Вышеизложенное позволяет высказать некоторые гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. Устойчивость единства зависит от достигаемого равенства, соотношения между реальной и желаемой ответственностью, намечаемыми и допускаемыми к исполнению ролями.

2. Обеспечение равенства, формирование ответственности, освоение и изменение ролей – длительные процессы. На начальной стадии истории любых институтов и в периоды трансформаций естественны разноголосица и споры, что заставляет серьёзнее изучать системообразующие феномены и процессы.

3. Роли и ответственность, по всей видимости, постоянно переосмысливаются. С учётом того, что многое из предложенного Виком, актуально в настоящее время, можно предположить, что переосмысление проходит циклично. К сожалению, о данных циклах в НАТО известно очень мало.

4. Открытым остаётся вопрос о приоритетности европейских «вызовов» для всех государств – участников НАТО, иными словами – до какой степени сегодня получится «вырезать» неевропейские вызовы из деятельности НАТО.

АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЮЗНИКАМ

Ещё в 1980 г. администрация Дж. Картера, стремясь отреагировать «соразмерно военными методами на непредвиденные события <...> в отдалённых регионах мира» (прежде всего – в Юго-Западной Азии), приняла решение создать Объединённые силы быстрого развёртывания (*Rapid Deployment Joint Force*) с возможным подчинением командованию американскими вооружёнными силами в Европе, что позволило бы воспользоваться «отлаженными национальными и натовскими руководящими структурами <...>, [а также] легче привлечь <...> размещённый в Европе американский персонал» [1: 301, 303]. Администрация Рейгана поддержала данное решение.

По мнению МИД ФРГ, выход за область ответственности НАТО стал бы «политическим сигналом Москве, что США готовы действовать в районе Персидского залива», и привёл бы, к большему вовлечению европейских союзников в «столкновения на Ближнем и Среднем Востоке» [1: 238], к росту угроз в самой Европе.

Вашингтон обосновывал принятое решение необходимостью выполнить комплексную политическую, экономическую и военную задачу «получения нефти» и удержания СССР «от дальнейших военных действий» [1: 302]. При Рейгане речь пошла даже о том, чтобы «как можно быстрее доставить западные силы (выделено нами. – А.С.) в регион» [1: 1604].

В течение двух лет расходы на проект должны были составить примерно 4 млрд долл., благодаря чему вновь зазвучало требование разгрузить американцев и повысить финансирование обороны в государствах – членах НАТО. Возражения европейских союзников США объясняли не экономическими причинами, а отсутствием политической воли.

10 декабря Хейг категорично заявил: «Экономические трудности западных индустриальных стран не должны иметь никакого воздействия на внешнюю политику и политику безопасности партнёров по альянсу» [1: 1918].

Кроме того, администрации Картера и Рейгана дали понять, «что при планировании и проведении возможных операций <...> будут задействованы сухопутные войска, ВВС и ВМФ с предусмотренным подчинением НАТО» [1: 303], а «европейским союзникам» придётся «соответствующим образом нарастить собственные усилия в деле обороны» альянса, а именно: 1) выделить «в области сухопутных войск 18 новых бригад»; 2) предоставить «в области воздушных сил около 350 боевых самолётов и 70 перехватчиков»; 3) передать в распоряжение НАТО «на случай кризиса часть гражданских судов» и «около 30 дополнительных боевых кораблей» [1: 304].

К концу года США запросили «усиленную морскую и воздушную поддержку, укрепление военных контактов (*Besuche*) и совместных тренировок с государствами региона, усиленную экономическую помощь, право пролёта и условия для дозаправки, размещение широкофюзеляжных самолётов и настройку пропускных способностей для морского транспорта, усиление обороноспособности в зоне ответственности НАТО» [1: 1604].

Обязательство направить НАТО десять дивизий в течение десяти дней было обременено условием роста инфраструктурных расходов.

Детализация дополнительных требований Соединённых Штатов выглядела следующим образом: продолжить изучать <...> «укрепление боевой поддержки»; перепроверить возможности «отдельных стран, выделенные НАТО морские и воздушные транспортные мощности»; повысить «расходы на инфраструктуру для складирования военного материала и боеприпасов, а также на ремонтные и амортизационные базы»; предоставить «дополнительные резервные сухопутные силы» и расширить «запасы боеприпасов и возможности развёртывания для боевых самолётов»; провести «интенсивную дискуссию на различных натовских форумах о возможности вести операции вне зоны ответственности» [1: 1604-1605].

Вышеизложенное позволяет высказать три гипотезы.

1. Расширение зоны интересов США в мире заставляет европейских союзников активизироваться: им приходится брать на себя дополнительные обязательства в НАТО. АУКУС и «глобальную НАТО», по всей видимости, нужно рассматривать в этом контексте [ср.: Гарбузов, 2001; Осипова, Рогов, 1981].

2. В рамочных требованиях варианты участия конкретной страны остаются обсуждаемыми, а значит – механизмы взаимного давления, согласования равенства, ролей, уступок и перераспределения ответственности продолжают работать.

3. Максимальные рамочные требования поддерживают единство. В результате формируется общий подход и, по всей видимости, улучшается институциональная выживаемость, что, впрочем, не делает систему полностью защищённой.

КАК МОЖНО (ПО)ВЛИЯТЬ НА ЕДИНСТВО?

Для ответа на этот вопрос необходимо:

Во-первых, осознать, что влиять не получится, поскольку трансформационные процессы запускаются внутри институциональных структур, а повлиять удастся.

Во-вторых, учесть состояние интеллектуальной культуры элит отдельных стран. Вспомним принцип Рейгана, заимствованный им у президента Джефферсона: «Если изложить проблему пахарю или профессору, то в девяти из десяти случаев пахарь решит дело правильно, потому что простой пахарь в своём здравом суждении ещё никем не был введён в заблуждение» [1: 1608]. При такой установке будет услышан упрощённый («здравый») дискурс пахаря с системной аргументацией профессора, если расставить приоритеты в ней предельно ясно.

В-третьих, найти ответы на нерешённые исследовательские проблемы, часть из которых поставлена в статье.

В-четвёртых, помнить, что в той же Германии «политику [в сфере безопасности и обороны] внутриполитически труднее защитить (*absichern*)» [1: 591], а указание на «моральные традиции и силы Америки» [1: 1606], свободу и ценности продолжает играть важную роль в обосновании сотрудничества.

В-пятых, исходить из того, что единство нужно каждый раз по-новому подтверждать через солидарность, а нарабатанная инерционность способна помешать гибкости.

В-шестых, использовать закономерности, к примеру, границы потенциальных уступок. С помощью анализа эмпирического материала возможные варианты уступок легко просчитать заранее.

В-седьмых, критиковать фундаментальное через ситуативное. Если открыто и аргументированно критиковать не саму ситуацию, а фундаментальное (системообразующее) в ней (длительность обсуждений, сложные и нелогичные компромиссы и т.д.), то со временем формируются другие установки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единство немислимо вне общего подхода к его созданию, поддержанию и развитию. Подчас складывается впечатление, что американцы со свойственным им напором больше «заботились» о внешних рамках и внутренних вызовах, немцы же часто несли ответственность за выравнивание – функционирование механизмов работы баланса и равноправного сотрудничества. Вопрос о приоритетности каждого из направлений подобной политики в продлении существования НАТО остаётся дискуссионным.

Любопытно и другое: дисбалансы в альянсе и недовольство американско-германским сотрудничеством заставляли искать иные компенсационные и дополняющие форматы. Шмидт чётко обосновал необходимость одного из них: «Без тесного альянса с Францией» мы чувствовали бы себя «чрезвычайно зависимыми от смены американских президентов, у которых нет достаточного опыта» [1: 1539].

К этому, наверняка, следует добавить ситуативность претензий на идейное (со)лидерство и его продуктивность. Длительное время на роль (со)лидеров претендовали немцы. В настоящее время центр (со)лидерства, кажется, временно переместился в «новую Европу».

Впрочем, многие исследовательские вопросы остаются открытыми. Речь, прежде всего, идёт о прогнозировании того, в каком направлении поменяются взаимное давление, содержание уступок, претензии на новые роли и сами роли, ответственность и равенство в НАТО.

ИСТОЧНИКИ

1. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1981 / Möller H., Schöllgen G., Wirsching A. (Hg.). München: Oldenbourg Verlag. 2012. 2252 p.
2. Reagan R. 1990. Erinnerungen: ein amerikanisches Leben. Berlin: Propyläen, 781 p.
3. Reagan R. 1985. Ich vertraue auf Gott: Präsident Reagans Äusserungen zu Glaubensfragen und ihre Auswirkungen auf die Nation und die Welt. Uhlningen; Seewis: Stephanus-Ed., 168 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничкин О.Н. 1981. Сто дней президентства Рейгана. *США: экономика, политика, идеология*. № 5, с. 42-46.
- Гарбузов В.Н. 2001. Рейган и реиганизм (Историографический очерк). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 2, с. 60-79.
- Иванян Э.А. 1984. Как Рейган оказался в Белом Доме. *Вопросы истории*. № 8, с. 94-113.
- Никонов В.А. 1989 Рональд Рейган. *Вопросы истории*. № 2, с. 69-83.
- Осипова Н.В., Рогов С.М. 1981, США и Ближний Восток при администрации Рейгана. *Соединенные Штаты Америки и Канада: научно-информационный бюллетень*. № 29, с. 54-82.
- Синдеев А.А. 2021. Трансформации трансатлантического сотрудничества: США и ФРГ в НАТО (1980 г.). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 5, с. 69-83. DOI: 10.31857/S268667300014783-1

REFERENCES

- Anichkin O.N. 1981. Sto dnei prezidentstva Reigana. USA: Economics, Politics, Ideology. No 5, P. 42-46.
- Bierganns C. 2021. Geistige Nachrüstung: Ronald Reagan und die Deutschlandpolitik der U.S. Information Agency 1981-1987. Berlin;Boston: De Gruyter, 522 p.
- Garbuzov V.N. 2001. Reagan i reiganizm (Istoriograficheskii ocherk). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. No 2, P. 60-79.

Ivanyan E.A. 1984. Kak Reigan okazalsya v Belom Dome. History issues. No 8, P. 94-113.

Keller P. 2008. Neokonservatismus und amerikanische Außenpolitik: Ideen, Krieg und Strategie von Ronald Reagan bis George W. Bush. Paderborn;München;Wien;Zürich: Schöningh, 344 p.

Knüpfer C. 2010. Ideen, die die Welt verzerren: das Machtstreben der US-amerikanischen Neokonservativen seit 1989. Marburg: Tectum-Verl., 148 p.

Nikonov V.A. 1989. Ronal'd Reigan. History issues. No 2. P. 69-83.

Osipova N.V., Rogov S.M. 1981. SShA i Blizhnii Vostok pri administratsii Reigana. United States of America and Canada: scientific newsletter. No 29. P. 54-82.

Sindeev A.A. 2021. Transformatsii transatlanticheskogo sotrudnichestva: SShA i FRG v NATO (1980 g.). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. No 5. P. 69-83.

DOI: 10.31857/S268667300014783-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Российская Федерация, Москва 125009, Моховая ул.,3В

Alexei A. SINDEEV, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. 11-3B, Mokhovaya St.

Статья поступила в редакцию / Received 30.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.06.2022.

УДК 329

DOI: 10.31857/S268667302209005X

EDN: GVRDOO

От истоков к современным отношениям афроамериканского сообщества и Республиканской партии

Д.Н. Воробьев

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН)*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д.2/3.

РИНЦ ID: 1040040

ORCID: 0000-0002-3585-620X

e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Резюме: В статье рассматриваются взаимоотношения Республиканской партии и чернокожего населения США. Проанализированы исторические причины, повлиявшие на резкое ослабление позиций республиканцев в афроамериканском сообществе. Исследуя особенности электорального поведения чернокожего населения страны, в статье обращается внимание на то, как группы избирателей, традиционно приписываемые к сторонникам республиканцев, например, по возрасту или уровню доходов, ведут себя иначе в случае с афроамериканцами. Подробно рассматриваются конкретные черты, свойственные «чёрным» республиканцам, которые отличают их от большинства представителей афроамериканского сообщества, поддерживающих демократов. Анализируются различные меры, которые в настоящее время продолжает предпринимать Республиканская партия, пытаясь увеличить поддержку чернокожего населения. Особое внимание уделено проблеме межрасовых отношений, как одному из важнейших факторов, мешающих республиканцам изменить свой имидж в глазах большинства афроамериканцев.

Ключевые слова: Республиканская партия, афроамериканцы, межрасовые отношения в США, «чёрный» консерватизм

Для цитирования: Воробьев Д.Н. От истоков к современным отношениям афроамериканского сообщества и Республиканской партии. США & Канада: экономика, политика, культура. 2022; 52(9): 79-94. DOI: 10.31857/S268667302209005X

EDN: GVRDOO

From the Origins to Modern Relationships between the African American Community and the Republican Party

Dmitry N. Vorobyev

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebnny per., Moscow, 121069 Russian Federation.

РИНЦ ID: 1040040

ORCID: 0000-0002-3585-620X

e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Abstract: This article is devoted to the consideration of the relationship between the Republican Party and the black population of the United States. The paper analyzes the historical

reasons that influenced the sharp weakening of the position of the Republicans in the African American community. Exploring the characteristics of the electoral behavior of the black population of the country, this article focuses on how groups of voters traditionally attributed to Republican supporters, for example, by age or income level, behave differently in the case of African Americans. In this regard, the paper examines in detail the specific features inherent in Black Republicans, which distinguish them from the majority of the representatives of the African American community who support the Democrats. The study analyzes various measures that the Republican Party currently continues to take in an attempt to increase support among the black population. Particular attention is paid to the problem of interracial relations, as one of the most important factors preventing the Republicans from changing their image in the eyes of the majority of African Americans.

Keywords: Republican Party, African Americans, race relations in the USA, Black Conservatism

For citation: Vorobyev D.N. From the Origins to Modern Relationships between the African American Community and the Republican Party. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (9): 79-94. DOI: 10.31857/S268667302209005X EDN: GVRDOO

ВВЕДЕНИЕ

В популярном комедийном шоу «Кей энд Пил» афроамериканских комиков Кигана Майкла Кея и Джордана Пила, выходившем на телевидении с 2012 по 2015 г., есть скетч, посвящённый чернокожим сторонникам Республиканской партии. Зритель видит так называемое пятое ежегодное собрание «чёрных» республиканцев города Таллахасси (штат Флорида). На встрече присутствуют исключительно мужчины, имеющие одинаковую манеру общения, привычки и внешний вид. При этом они заявляют, что крайне недовольны происходящими в стране событиями и в особенности утверждениями, будто афроамериканцы являются электоральным монолитом, голосующим за демократов. Чернокожие республиканцы гордо заявляют о многообразии мнений в афроамериканском сообществе, доказательством чему являются тринадцать мужчин, сидящих в аудитории, при том, что половина мест остаётся свободной. Мужчины настойчиво заявляют, что вопросы налогов, военной безопасности страны, а также ослабления вмешательства федерального центра в дела штатов чрезвычайно важны для каждого афроамериканца. В конце сценки в аудиторию заходит единственный мужчина с причёской афро, по иронии оказывающийся белым, который говорит, что кому-то из присутствующих звонит белая жена. Все чернокожие мужчины тут же встают и идут к выходу, думая, что на связи именно их супруга. Данный скетч в юмористической манере продемонстрировал широкую убежденность многих афроамериканцев об оторванности «чёрных» республиканцев от основной массы представителей их народа.

«Великая старая партия», как часто называют республиканцев, прошла длинный путь в своих отношениях с афроамериканским сообществом. Ряд исторических решений, как и непрерывный процесс эволюции программной базы республиканцев, привели к убежденности большинства представителей «чёрной» Америки в том, что деятельность «партии Линкольна», когда-то да-

ровавшей афроамериканцам долгожданное освобождение от рабства, более не совместима с их интересами. Несмотря на это, Республиканская партия не теряет надежд нащупать нерв, который бы позволил ей изменить отношения с афроамериканским сообществом в лучшую сторону. Ещё во второй половине 1980-х годов известный республиканский политик Ли Этуотер заявил о том, что, если «Великая старая партия» хочет стать силой большинства, ей необходимо добиться поддержки хотя бы 20% афроамериканского электората [Volce L., De Maio G., Muzzio D., 1992: 63]. В условиях, когда доля белых американцев в численности населения США продолжает снижаться, Республиканская партия не может позволить себе смириться с полной потерей такой значительной электоральной силы, как афроамериканцы, которые составляют более 12% жителей страны.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ

За время существования Республиканской партии её отношения с афроамериканским сообществом не раз претерпевали существенные изменения. Возникнув в 1854 г., республиканцы с самого начала выступали в качестве противников системы рабства в США. В ходе Гражданской войны в США 1861–1865 гг. президент-республиканец Авраам Линкольн обозначил вопрос отмены рабства в качестве одной из главных задач Севера в войне против мятежных штатов Конфедерации, возглавляемых южными демократами. Вступление в силу 18 декабря 1865 г. XIII поправки к Конституции США, запрещающей рабство на территории всей страны, сплотило чернокожее население вокруг партии-освободительницы.

В период Реконструкции Юга 1865–1877 гг. именно афроамериканцы стали оплотом Республиканской партии на территории штатов бывшей Конфедерации. Наделение вольноотпущенников гражданскими и политическими правами в рамках XIV (1868 г.) и XV (1870 г.) поправок к Конституции, позволило федеральному правительству провести существенные изменения, касавшиеся политической, экономической и даже социально-культурной жизни Юга США. Афроамериканцы активно вступали в ряды «партии Линкольна», надеясь, что политика станет для них социальным лифтом для построения успешной карьеры [Rabinowitz N.H., 1988: 204]. Впервые в истории афроамериканцы появились в федеральном Конгрессе США в числе 22 чернокожих республиканцев за весь период Реконструкции Юга. В округах и городах южных штатов со значительным афроамериканским населением появлялись чернокожие шерифы, сборщики налогов и прочие чиновники, однако 80% выборных должностей занимали белые управленцы. Следует отметить, что социально-экономическое положение большинства представителей афроамериканского сообщества Юга оставалось крайне тяжелым – мечты о том, что федеральное правительство под управлением республиканцев предоставит каждому вольноотпущеннику «40 акров и мула» так и остались несбывшимися.

Осознавая, что Юг более не представляет угрозы для единства страны, руководство Республиканской партии в 1870-е годы попыталось сместить акцент в своей электоральной базе с афроамериканцев на состоятельные и средние слои белых южан, многие из которых были ранее лишены избирательных прав за участие в мятеже. В действительности, окончание Реконструкции Юга привело к восстановлению власти в регионе Демократической партии, приступившей к систематическому ограничению избирательных прав чернокожего населения путем введения имущественных и образовательных цензов, а также всестороннему утверждению системы расовой сегрегации, которая должна была закрепить второстепенное положение афроамериканского сообщества в южных штатах. Стремясь вернуть былые позиции на Юге, республиканцы неоднократно пытались провести через Конгресс США законопроекты о стимулировании афроамериканского образования за счет государственных средств и доступа к частным фондам, а также введения федерального контроля над регистрацией избирателей и за ходом выборов [Beatty V., 1987: 109]. Провалы этих мер, способных пошатнуть выстроенную южными демократами политическую систему, привели к тому, что республиканцы фактически смирились с властью Демократической партии на Юге.

Не имея возможности реально влиять на положение афроамериканцев на Юге США, Республиканская партия, тем не менее, не отказывалась от имитации образа защитницы интересов чернокожего населения. Президенты-республиканцы продолжали придерживаться практики патернализма в отношении афроамериканцев, но ее размах не был сравним с периодом Реконструкции Юга. В условиях, когда Демократическая партия представляла еще менее дружественную политическую силу в отношении афроамериканцев, чернокожее население преимущественно продолжало поддерживать республиканцев, выступавших гарантом того, что законодательный расизм не сможет существенно распространиться за пределы южных штатов. Однако во время президентской кампании 1928 г. кандидат Республиканской партии Герберт Гувер использовал новую «южную стратегию», целью которой было завоевание голосов местного белого населения: республиканец не только обещал модернизировать аграрный регион, но и заявлял о поддержке политики расовой сегрегации, что значительно навредило поддержке «партии Линкольна» в афроамериканском сообществе [12].

Последствия «Великой депрессии» 1929–1933 г. вкуче с последовавшим за ней «Новым курсом» президента-демократа Франклина Рузвельта, направленным на глубинные преобразования в социально-экономической сфере, привели к началу тектонических сдвигов в электоральных предпочтениях афроамериканского сообщества. Несмотря на то, что демократы ни в коей мере не пытались изменить существовавшие на Юге межрасовые порядки, они приступили к активной патерналистской политике в отношении афроамериканцев в крупных городах Северо-Востока и Среднего Запада, а чернокожие делегаты были даже допущены до национального конвента партии в 1936 г. [Sitkoff H., 2009: 70]. В то же время важно отметить, что одобрение кандидатуры Рузвельта среди афроамериканцев, получавшего более 70% их голосов на выборах, значительно опе-

режало рейтинг его партии среди чернокожих избирателей [Weiss N.J., 1983: 253].

По окончании Второй мировой войны успех демократов в борьбе за афроамериканский электорат попытался развить следующий глава Белого дома - Гарри Трумэн, создавший президентский Комитет по гражданским правам. Однако в условиях активного препятствования южных демократов Трумэн сумел добиться лишь отмены сегрегации в вооруженных силах США. Перехватить инициативу в борьбе за голоса чернокожего населения стремилась республиканская администрация президента Дуайта Эйзенхауэра. По результатам двух президентских гонок 1952 и 1956 гг. Эйзенхауэр смог увеличить число своих чернокожих избирателей с 20% почти до 40% [13]. Президент оказывал поддержку в исполнении решения Верховного суда США по десегрегации школьного образования в стране, принятого в 1954 г., а также направил Конгрессу предложение о первом со времен Реконструкции Юга закона о гражданских правах. Однако, когда закона был принят в 1957 г., федеральные комиссии могли лишь фиксировать случаи дискриминации избирательных прав афроамериканцев, но не устранять их [Fields C.D., 2016: 8]. На протяжении 1950-х годов обе партии не рисковали решительно выступить в поддержку гражданских прав чернокожего населения, несмотря на активизацию борьбы афроамериканского сообщества против расовой дискриминации.

На выборах 1960 г. кандидат демократов Джон Кеннеди сумел произвести ребрендинг своей партии, представив ее в качестве прогрессивной политической силы. В ходе избирательной кампании Кеннеди встретился с афроамериканским лидером движения за гражданские права Мартином Лютером Кингом, что произвело огромное впечатление на чернокожее население. Убийство Кеннеди в 1963 г., подготовившего почву для законодательного решения проблемы гражданских прав в США, не повлияло на заданный курс федеральных властей. В 1964 г. Конгресс США при поддержке обеих партий подписал закон о гражданских правах, запретивший расовую дискриминацию в сфере торговли, услуг и при приеме на работу.

Однако отношение внутри Республиканской партии к данному вопросу вскоре изменилось, ввиду массового перехода в ее ряды южных демократов, выступавших против новой расовой политики их партийного руководства. Кандидатом республиканцев на президентских выборах 1964 г. стал Барри Голдуотер, программа которого имела реакционный характер и была направлена на защиту прав штатов, а также против ранее принятого закона о гражданских правах. Кандидат республиканцев получил поддержку белых южан, но более 90% чернокожих избирателей проголосовали за демократа Линдона Джонсона [Fields C.D., 2016: 30]. Выборы 1964 г. стали водоразделом в отношении афроамериканцев и «Великой старой партии» – отныне поддержка республиканцев среди чернокожего населения упала до уровня примерно в 10%.

Консервативный разворот Республиканской партии продолжился и при Ричарде Никсоне. Несмотря на создание Управления по делам меньшинств в 1969 г., или Национального совета чернокожих республиканцев, республиканцы

все отчетливее позиционировали себя преимущественно как партия белого большинства: в условиях, когда «партия Линкольна» наконец-то заполучила белых избирателей Юга, потеря голосов афроамериканцев казалась приемлемой жертвой. В свою очередь, демократы привлекали чернокожих избирателей, расширением системы вспомоществования, политическим патернализмом по отношению к расово-этническим меньшинствам, а также усилением вмешательства федерального центра в социально-экономические вопросы. Посредством появившейся в конце 1970-х годов влиятельной сети афроамериканских консервативных учёных и экспертов, республиканцы стремились донести до средних и высших слоев чернокожего населения мнение о пользе социально-экономической политики, построенной на принципах свободного рынка. Однако политика республиканской администрации Рональда Рейгана в 1980-е годы, направленная на снижение налогов, сокращение объемов социального обеспечения, уменьшение вмешательства федерального центра в «права штатов», а также ужесточение уголовного правосудия, воспринималась афроамериканцами, как в целом направленная против интересов их сообщества [Fields C.D., 2016: 41].

Афроамериканское сообщество восприняло новую волну «черного» политического консерватизма не как органическую идеологию, появившуюся на низовом уровне, а как навязываемую сверху модель желаемых межрасовых отношений в стране, с точки зрения белых американцев. У значительного числа чернокожего населения закрепилось мнение, что политика Республиканской партии вне зависимости от наличия отдельных плюсов ее программы, носит преимущественно расистский и дискриминационный характер в отношении афроамериканского сообщества.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ БАЗА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Традиционно считается, что Республиканская партия в США пользуется поддержкой у избирателей с доходами выше среднего, старшего поколения, а также лиц, придерживающихся консервативных ценностей. Данная точка зрения во многом справедлива в отношении всех расово-этнических групп, населяющих Соединённые Штаты, за исключением афроамериканцев. Ещё в конце 1970-х годах «мозговые центры» республиканцев были уверены, что по мере улучшения экономических показателей афроамериканского сообщества, их партия сумеет заручиться значительным количеством голосов чернокожих представителей средних и высших слоёв [Robinson P.T., 1982: 210]. Однако этого не произошло: классовые интересы так и не смогли вытеснить расовые.

Длительная борьба афроамериканского сообщества против системы расовой дискриминации сформировала главную особенность поведения чернокожих избирателей, продолжающих во многом выступать как электоральный монолит. С точки зрения среднестатистического афроамериканца, интересы индивидуальные должны уступать место интересам групповым, так как лишь в условиях сохранения единства требования «чёрного» меньшинства могут быть услышаны.

Говоря об афроамериканцах с высокими и средними доходами, нельзя не отметить и то, что их экономический статус в гораздо большей мере является результатом действий правительств, возглавляемых Демократической партией, и направленных на противодействие дискриминационной, с их точки зрения, практике свободного рынка через введение системы расово-этнических квот при найме. Таким образом, большое количество высокооплачиваемых афроамериканцев является работниками государственного сектора и связывает свое финансовое благополучие именно с политикой демократов [Gilliam F. D., Whitby K.J., 1989: 95].

Консерватизм афроамериканцев, самой религиозной расово-этнической группы в США [18], также не является гарантией их симпатии к республиканцам, делающим ставку на поддержку традиционных христианских ценностей. Несмотря на то, что афроамериканцы – самый верный электорат демократов, они в то же время и самая консервативная расово-этническая группа среди их сторонников. Опросы Исследовательского центра Пью, проведенные в 2019 г., показали, что менее 30% чернокожих демократов идентифицировали себя как либералов, в то время как 25% назвали себя консерваторами, а ещё 40% – умеренными. При этом, если социальная политика Демократической партии встречает широкое одобрение чернокожих избирателей, то вопросы, связанные с правами ЛГБТ-сообщества и проблемами изменения климата, пользуются гораздо меньшим интересом с их стороны [1].

Наконец, если пожилые белые американцы в значительно большей степени поддерживают Республиканскую партию, то именно афроамериканцы старшего поколения - самая верная группа избирателей демократов. Причины тому является жизненный опыт, пережитый чернокожим населением в эпоху расовой сегрегации, а также активной борьбы за гражданские права в 1950–1960-е годы. В глазах афроамериканцев старшего поколения Демократическая партия выступает в роли гаранта и защитницы прав чернокожего населения [Ardoin P.J., 2006: 102].

Так на какие же слои афроамериканского сообщества опирается Республиканская партия? В действительности, ни в одной социальной, возрастной, гендерной или региональной группе чернокожего населения сторонники республиканцев, чье общее количество составляет приблизительно 10%, не имеют большинства. В то же время среди определенных групп афроамериканцев эта поддержка оказывается более заметной, чем среди других.

Важно отметить, что в отличие от белых американцев, среди чернокожего населения нет существенных различий в политических предпочтениях в зависимости от уровня образования. Если белые выпускники высших учебных заведений немного больше склонны к поддержке демократов, то белые американцы без высшего образования в значительной мере голосуют за республиканцев. В свою очередь, сторонники демократов доминируют среди всех образовательных групп афроамериканцев. Однако важно отметить, что на президентских выборах 2020 г. поддержка республиканца Дональда Трампа среди чернокожих муж-

чин оказалась устойчивой среди всех образовательных групп - от выпускников средних школ до кандидатов наук, находясь у отметки в 20% [10].

Таким образом, одним из бросающихся в глаза фактов, является более высокий уровень поддержки Республиканской партии среди чернокожих мужчин в сравнении с женщинами. Президентские выборы последних 20 лет показали, что разница между чернокожими мужчинами и женщинами, отдающими свои голоса за республиканского кандидата, составляет в среднем 10%. Например, на выборах 2016 г. Трамп получил 13% голосов чернокожих мужчин и 4% чернокожих женщин [15], в то время как по итогам избирательной кампании 2020 г. он заручился поддержкой 9% чернокожих женщин и 19% чернокожих мужчин [10]. Следует отметить, что среди всех расово-этнических групп США мужчины в большей степени склонны поддерживать Республиканскую партию в сравнении с женщинами, и афроамериканцы не являются исключением из этого правила, хотя подобный гендерный разрыв в политических предпочтениях среди них не является столь заметным, как среди белых американцев.

Говоря о большей склонности консервативных слоев к поддержке Республиканской партии, следует отметить, что чернокожее население Юга, согласно опросам и исследованиям, в незначительно большей степени, в несколько процентов, чаще идентифицирует себя с республиканцами [Ardoin P.J., 2006: 106]. Такие данные могут вызвать настороженность ввиду того, что именно чернокожее население южных штатов гораздо больше испытывало расистское отношение к себе на протяжении истории. В действительности, это можно объяснить меньшей урбанизированностью населения региона, более высокой степенью религиозности и приверженности традиционным христианским ценностям чернокожего населения Юга в сравнении с афроамериканцами, живущими в других частях страны [4]. Например, в штате Миссисипи афроамериканцы (38% населения штата) составляют 29% его консервативно мыслящих жителей, в то время как в штате Нью-Йорк, где проживает 25% афроамериканцев, их доля среди консерваторов региона составляет лишь 13% [16]. Как уже было сказано ранее, сама по себе приверженность афроамериканцев консервативным взглядам не означает их поддержку республиканцев. Тем не менее, на президентских выборах 2000 г. республиканец Джордж Буш-младший сумел заручиться значительной поддержкой консервативных афроамериканцев, а на выборах 2020 г. свои голоса за Трампа отдали больше половины (52%) чернокожих мужчин, придерживавшихся консервативных взглядов [10].

Различия в политических предпочтениях среди разных поколений афроамериканцев, в свою очередь, намного заметнее. Если особенности исторической памяти позволяют демократам стабильно иметь среди пожилых афроамериканцев рейтинг выше 90%, то среди более молодых поколений, не заставших знаковые для «чёрной» Америки события середины XX века, показатели этой поддержки значительно скромнее. Например, опросы общественного мнения в июне 2020 г., проведённые Исследовательским центром Ипсос и газетой «Вашингтон пост», показали, что менее половины афроамериканцев в возрасте не старше 30 лет собирались отдать свои голоса за кандидата Демо-

кратической партии Джо Байдена на президентских выборах 2020 г. Среди чернокожей молодежи оказался высоким уровень поддержки независимых политических сил, а одна треть опрошенных заявила, что не собиралась идти на выборы, так как ни одна из главных партий страны в их понимании не представляла интересы афроамериканского сообщества [21]. В то же время, другое исследование, проведенное летом 2020 г. Американским университетом округа Колумбия, продемонстрировало заметно более доброжелательное отношение афроамериканцев молодого и среднего возраста к Республиканской партии по сравнению со старшим поколением [7]. На президентских выборах 2020 г. Трамп получил лишь 7% голосов афроамериканцев старшего поколения, а его доля поддержки среди чернокожих избирателей в возрасте от 30 до 44 лет составила 19% [10].

Наконец, один из главных критериев политических предпочтений чернокожего избирателя - его расовая идентификация: афроамериканцы, демонстрирующие более низкий уровень расового сознания, склонны голосовать за республиканцев. Как отмечалось, афроамериканскому сообществу чрезвычайно свойственно групповое сознание, частью которого стала политическая культура, основанная на лояльности Демократической партии. Игнорирование групповой деятельности в угоду индивидуальному выбору может говорить о нежелании личности жертвовать собственными личными интересами на предполагаемое общее благо афроамериканского сообщества [Petrocik J.R., 1996: 841]. Афроамериканцы с более низким уровнем расового сознания чаще интересуются вопросами общественного порядка, национальной обороны, международными делами и прочими важными проблемами, стоящими перед страной в целом. В свою очередь, определяющие для афроамериканского сообщества вопросы социального обеспечения и соблюдения гражданских прав, оказываются для чернокожих избирателей, склонных голосовать за Республиканскую партию, менее существенными.

Таким образом, среднестатистический чернокожий республиканец – это мужчина средних лет, с высшим или без высшего образования, который придерживается преимущественно консервативных взглядов, основанных на традиционных христианских ценностях. В то же время чернокожий республиканец в большей степени поддерживает идеалы, основанные на индивидуализме, а также не поддерживает широкое вмешательство государства в социально-экономическую жизнь. Ввиду невысокого уровня расового сознания, он не желает отказываться от личных интересов и взглядов, даже если они расходятся с позицией большинства представителей афроамериканского сообщества в политической сфере.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Несмотря на то что современный уровень поддержки Республиканской партии среди чернокожего населения продолжает стабильно находиться на отметке примерно 10%, её лидеры не оставляют надежд удвоить данный показатель в

ближайшей перспективе. В условиях, когда традиционная повестка «Великой старой партии» не является привлекательной для большинства афроамериканцев, республиканцы рассчитывают, что определенные меры и предложения будут способствовать планомерному росту числа их сторонников среди чернокожего населения.

Определенные сдвиги в этом направлении были отмечены еще администрацией Джорджа Буша-мл., которая стремилась возродить традиции активного патернализма в рядах республиканцев в отношении чернокожих членов партии. Афроамериканцы занимали важные посты в администрации Буша-мл.: Род Пейдж был министром образования, Альфонсо Джексон – министром жилищно-строительства и городского развития, а Колин Пауэлл и Кондолиза Райс занимали пост госсекретаря США, что стало самым высоким государственным назначением для чернокожих на тот момент. В то же время в период президентства первого чернокожего главы Белого дома Барака Обамы с 2009 по 2017 г., республиканцам было крайне сложно рассчитывать на увеличение своей поддержки среди афроамериканцев.

Значительные попытки добиться сдвига в отношении чернокожего населения к Республиканской партии были предприняты администрацией Дональда Трампа, несмотря на то, что скандалы на тему расизма сопровождали главу Белого дома на протяжении всего его президентского срока. Республиканцы стремились заручиться поддержкой афроамериканского сообщества сразу на нескольких направлениях, включая сферу образования, уголовное правосудие и, в первую очередь, экономику.

Администрация Трампа продвигала идею реформирования школьного образования на основе широкого применения системы ваучеров, что в свое время пытался реализовать Джордж Буш-мл. План ваучеризации образования, предусматривавший выделение родителям средств из госбюджета, равных размеру годового содержания ученика для самостоятельного выбора учебного заведения ребенку, нашел большую поддержку среди афроамериканского сообщества. Согласно опросам 2018 г., если общий уровень поддержки системы ваучеров составлял 58% опрошенных, то среди чернокожих респондентов, в большей мере недовольных качеством образования в государственных школах, этот показатель приближался к 70% [14]. Однако план ваучеризации вновь споткнулся о категорическое несогласие демократов, считающих, что эта реформа крайне пагубно отразится на государственных школах, приведя к массовому исходу учеников в частные учебные заведения. В то же время республиканцы участвовали совместно с демократами в принятии в декабре 2019 г. закона о ежегодном выделении 250 млн долл. высшим учебным заведениям страны с большим процентом чернокожих студентов [19].

Республиканская партия и администрация Трампа активно занимались также реформированием уголовного правосудия. В декабре 2018 г. был подписан закон «О первом шаге», позволивший смягчить систему наказаний путём отмены обязательных минимальных сроков лишения свободы и автоматически назначаемого длительного тюремного срока, фактически пожизненного, за со-

вершение трёх тяжких преступлений на основе ранее принятых в 1990-е годы законов «Трёх ошибок». Новый закон также увеличил шансы осужденных на условно-досрочное освобождение за хорошее поведение и предусматривал ряд возможностей для реабилитации лиц, отбывших наказание [3]. Как отмечали исследователи в 2017 г., либерализация уголовной системы, в первую очередь, должна была отвечать интересам именно чернокожего населения, так как его представители составляли самый большой процент заключенных (33%) среди всех расово-этнических групп. Отчёт Комиссии по вынесению приговоров США, изданный в июне 2019 г., подтвердил эти предположения: из 1051 заключенного, получившего освобождение или сокращение срока после начала действия закона «О первом шаге», более 91% оказались чернокожими [20].

Наибольшие надежды Республиканская партия связывала с экономическими успехами администрации Трампа. В рамках налогового закона 2017 г. была запущена программа создания «зон возможностей» для увеличения размера инвестиций и количества рабочих мест в экономически депрессивных районах страны. Программа, предоставляющая серьёзные налоговые послабления потенциальным инвесторам в районы с уровнем бедности 25% и выше, была положительно встречена афроамериканской общественностью, а о ее поддержке заявляли такие чернокожие политики, как сенатор-республиканец Тим Скотт из Южной Каролины и сенатор-демократ Кори Букер из Нью-Джерси. Первые «зоны возможности» появились в апреле 2018 г., а в 2020 г. афроамериканцы составляли 23% их населения [22].

В условиях устойчивых темпов роста ВВП США безработица в стране стала резко уменьшаться в том числе и среди афроамериканцев, достигнув среди чернокожего населения рекордно низкого показателя в 5,5%, зафиксированного в августе 2019 г. [5]. Уровень бедности среди «чёрных» американцев в том же году составил 18,8%, достигнув самого низкого уровня с момента первого подобного исследования в 1959 г. [11]. Пандемия *COVID-19*, приведшая к экономическому кризису в США, серьезно ударила по чернокожему населению, безработица среди которого скакнула до практически 17% в апреле 2020 г. [8]. В разгар предвыборной гонки в сентябре 2020 г. администрация Трампа сообщила об окончании разработки так называемого «платинового плана» по выделению средств в размере полтриллиона долларов для улучшения положения чернокожего населения через финансирование создания 500 тыс. новых предприятий и 3 млн новых рабочих мест для афроамериканцев [23]. На президентских выборах 2020 г. Трамп неожиданно для многих экспертов сумел удвоить свой результат среди чернокожих избирателей по сравнению с 2016 г., получив 12% их голосов [10]. Тем не менее этот показатель всё ещё достаточно далёк до желаемых 20%, которых не хватило Трампу для сохранения поста в Белом доме.

В настоящее время верхи Республиканской партии продолжают разговоры о необходимости бороться за афроамериканский электорат. Например, сенатор Марко Рубио после выборов 2020 г. заявил, что будущее Республиканской партии основано на «мультиэтнической, межрасовой коалиции рабочего клас-

са» [17]. Однако реализация данного плана упирается в сложность находить компромисс между республиканцами и афроамериканским сообществом в вопросе межрасовых отношений в США. Опросы, проведенные летом 2021 г. Исследовательским центром Пью, показали, что почти восемь из десяти взрослых афроамериканцев убеждены в том, что в стране присутствует системный расизм: 58% чернокожих респондентов заявили, что для достижения межрасового равенства в США необходимо полностью перестроить большинство национальных законов и основных институтов, поскольку они в корне предвзяты к расово-этническим меньшинствам, в то время, как еще 19% опрошенных сообщили, что необходимые изменения можно осуществить без радикальных изменений всей системы. В свою очередь, сторонники Республиканской партии, согласно опросу, в подавляющем большинстве придерживаются мнения, что ситуация с межрасовыми отношениями не требует каких-либо серьезных изменений – лишь 7% республиканцев уверены, что необходима радикальная перестройка институтов в стране в связи с их фундаментальной расовой предвзятостью [9].

Большинство чернокожих американцев убеждено, что необходимо реформировать правоохранительные органы в США, как наиболее подверженные системному расизму институты, с перераспределением средств в пользу социальных программ, а также более глубоким анализом проблемы расизма в истории страны. Все это должно сопровождаться не только такими действиями, как переименование военных баз, названных в честь командующих армии южан во времена Гражданской войны в США или демонтажем памятников деятелям рабовладельцам, но и рассмотрением вопроса о выплате репараций за период рабства [2]. В связи с этим, Республиканская партия, рассматривается ими как политическая сила, стремящаяся к сохранению имеющегося статус-кво в межрасовых отношениях в США, а значит блокирующая какие-либо продвижения в борьбе с системным расизмом.

Вместе с тем ситуация не является беспросветной для республиканцев и в обозримом будущем. Среди афроамериканского сообщества растёт уровень разочарования социально-экономической политикой демократической администрации Дж. Байдена. Опросы исследовательского университета Куиннипиак, проведенные в январе 2022 г., показали, что рейтинг Байдена, так и демократов в целом, упал среди чернокожего населения до 57% [6]. В условиях роста раздражения афроамериканцев тем, что Демократическая партия рассматривает их присутствие среди своих верных сторонников как данность, возможность республиканцев пойти на частичный компромисс в чувствительной для чернокожего населения теме межрасовых отношений может стать серьёзной заявкой на постепенное возвращение былых позиций «партии Линкольна» в афроамериканском сообществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времён окончания Гражданской войны в США афроамериканцы долгое время оставались одними из самых верных избирателей республиканцев. Причиной тому была отнюдь не чрезвычайная расположенность «Великой старой партии» к решению проблем чернокожего населения, а отсутствие реальной политической альтернативы. Разворот афроамериканского сообщества в сторону Демократической партии, начатый в 1930-е годы в период интенсивных социально-экономических действий «Нового курса» Франклина Рузвельта, закончился в 1960-е после поддержки руководством демократов борьбы чернокожего населения за гражданское равноправие. Республиканская партия, сделав выбор в пользу более консервативной социально-экономической политики, обрела поддержку белого Юга, но растеряла свое значительное влияние среди чернокожего населения, в котором прочно закрепились идеи о расистском и пагубном для афроамериканского сообщества характере политики республиканцев.

Со времен президентских выборов 1964 г. рейтинг Республиканской партии среди афроамериканцев держится на уровне 10%, редко превышая данный показатель. «Чёрные» республиканцы и близко не составляют большинство среди афроамериканского сообщества ни по одному критерию. Среднестатистический чернокожий сторонник республиканцев является мужчиной средних лет, считающим, что его личные интересы не должны приноситься в жертву коллективным. Не желая быть частью электорального монолита, «чёрный» республиканец имеет более низкий уровень расового сознания в сравнении с большинством представителей своего сообщества. В связи с этим его в большей мере волнуют проблемы, более близкие белым республиканцам, будь то налоговая политика или национальная безопасность, нежели вопросы традиционно важные для «чёрной» Америки, такие как социальные программы или межрасовые отношения.

Осознавая ограниченность и слабость своих позиций среди чернокожего населения, Республиканская партия продолжает предпринимать различные меры по увеличению своего влияния в афроамериканском сообществе: стремится инициировать образовательную реформу, поддерживает либерализацию системы уголовного правосудия, акцентирует внимание на том, как определенные социально-экономические меры положительно сказываются на благополучии «чёрных» американцев. Однако успех республиканцев в отвоевании голосов чернокожего населения у демократов, во многом зависит от возможности «Великой старой партии» найти компромиссные решения по животрепещущим для афроамериканского сообщества проблемам, в первую очередь, в сфере межрасовых отношений.

ИСТОЧНИКИ

1. 5 facts about black Democrats // Pew Research Center. 27.02.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/27/5-facts-about-black-democrats/> (accessed 15.02.2022).
2. 63% support Black Lives Matter as recognition of discrimination jumps: POLL // *ABC News*. 21.07.2020. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/63-support-black-lives-matter-recognition-discrimination-jumps/story?id=71779435> (accessed 28.07.2020).
3. An Overview of the First Step Act // Federal Bureau of Prison. Available at: <https://www.bop.gov/inmates/fsa/overview.jsp> (accessed 02.10.2019).
4. Black adults in the U.S. South more likely than those in other regions to attend a Black congregation // Pew Research Center. 21.10.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/10/21/black-adults-in-the-u-s-south-more-likely-than-those-in-other-regions-to-attend-a-black-congregation/> (accessed 22.01.2022).
5. Black and Hispanic unemployment is at a record low // *CNBC*. 04.10.2019. Available at: <https://www.cnbcm.com/2019/10/04/jobs-report---september-2019.html> (accessed 09.02.2020).
6. Black Democrats See 'Bleak' 2022 as Biden Disappoints on Issues // *Bloomberg*. 16.01.2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-16/black-democrats-see-bleak-2022-as-biden-disappoints-on-issues> (accessed 14.03.2022).
7. Black Swing Voter Project // American University. Available at: <https://www.american.edu/spa/news/upload/bsvp-deck-sf-7-28-2.pdf> (accessed 04.09.2020).
8. Black workers face two of the most lethal preexisting conditions for coronavirus – racism and economic inequality // *Economy Policy Institute*. 01.06.2020. Available at: <https://www.epi.org/publication/black-workers-covid/> (accessed 25.06.2020).
9. Deep Divisions in Americans' Views of Nation's Racial History – and How to Address It // *Pew Research Center*. 12.08.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/08/12/deep-divisions-in-americans-views-of-nations-racial-history-and-how-to-address-it/> (accessed 28.01.2022).
10. Exit Polls 2020 // *NBC News*. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/2020-elections/exit-polls> (accessed 14.11.2020).
11. Inequalities Persist Despite Decline in Poverty for All Major Race and Hispanic Origin Groups // *United States Census Bureau*. 15.09.2020. Available at: <https://www.census.gov/library/stories/2020/09/poverty-rates-for-blacks-and-hispanics-reached-historic-lows-in-2019.html#:~:text=The%20figure%20shows%20that%20for,group%20was%2020.8%25%20in%202018> (accessed 25.09.2020).
12. Moon H.L. How the Negroes Voted // *Nation*. 25.11.1944. P. 640. // *Chicago Tribune*. 1929.
13. Negroes Returning to the G.O.P. // *Chicago Daily Tribune*. 1956. November 1.
14. Poll: 58% of Americans Favor Vouchers for K-12 Private School // *Cato Institute*. 03.10.2019. Available at: <https://www.cato.org/blog/poll-58-americans-favor-vouchers-k-12-private-school> (accessed 01.12.2019).

15. Presidential Elections 2016: Exit Polls // *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/election/2016/results/exit-polls> (accessed 05.15.2017).
16. Racial and Ethnic Composition Among Conservatives by State // Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/religion/religious-landscape-study/compare/racial-and-ethnic-composition/by/state/among/political-ideology/conservative/> (accessed 19.02.2022).
17. Rubio: GOP must rebrand as party of 'multiethnic, multiracial, working-class' voters // *The Hill*. 11.11.2020. Available at: <https://thehill.com/homenews/news/525585-rubio-gop-must-rebrand-as-party-of-multiethnic-multiracial-working-class-voters/> (accessed 19.02.2022).
18. Survey: Black Americans attend church and pray more often // *AP News*. 16.02.2021. Available at: <https://apnews.com/article/black-americans-attend-church-pray-more-be5b10abc863c0975c11a92a488e67a3> (accessed 10.02.2022).
19. Trump signs bill restoring funding for black colleges // *AP News*. 19.12.2019. Available at: <https://apnews.com/article/bills-donald-trump-politics-c4834e48841d97c5a93312b1bf75302a> (accessed 15.12.2019).
20. U.S. Sentencing Commission First Step Act of 2018 Resentencing Provisions Retroactivity Data Report. Available at: <https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/retroactivity-analyses/first-step-act/201900607-First-Step-Act-Retro.pdf> (accessed 10.07.2019).
21. Washington Post-Ipsos poll: June 9-14 2020 // *The Washington Post*. 26.06.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/context/june-9-14-2020-washington-post-ipsos-poll/9da7d577-8bba-4319-97bb-2cea5aebca7e/?itid=lk_inline_manual_2 (accessed 03.07.2020).
22. Washington Post-Ipsos poll of black Americans, Jan. 2-8, 2020 // *Washington Post*. 17.01.2020. Available at: <https://www.washingtonpost.com/context/washington-post-ipsos-poll-of-african-americans-jan-2-8-2020/a41b5691-e181-4cda-bb88-7b31935103d9/> (accessed 25.02.2020).
23. What's in Trump's 'Platinum Plan' for Black America? // *Bloomberg*. 29.09.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-29/trump-shines-up-a-platinum-plan-for-black-voters> (accessed 05.10.2020).

REFERENCES

- Ardoin P.J. African Americans in the Republican Party: Taking the Road Less Traveled // *American Review of Politics*. Vol. 27. July 2006. p. 93-113.
- Beatty B. A Revolution Gone Backward: The Black Response to National Politics. N.Y., 1987. 235 p.
- Bolce L., De Maio G., Muzzio D. Blacks and the Republican Party: The 20 Percent Solution // *Political Science Quarterly*. Vol. 107, No. 1. Spring 1992. p. 63-79.
- Fields C.D. Black Elephants in the Room: The Unexpected Politics of African American Republicans. Berkeley, 2016. 296 p.
- Gilliam F. D., Whitby K.J. Race, Class, and Attitudes Toward Social Welfare Spending: An Ethnoclass Interpretation // *Social Science Quarterly*. Vol. 70, No 1. 1989, p. 88-100.
- Petrocik J. R. Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study // *American Journal of Political Science*. Vol. 40. 1996, p. 825-850.

Rabinowitz N.H. Three Reconstruction Leaders: Blanche K. Bruce, Robert Brown Elliott, and Holland Thompson // *Black Leaders of the Nineteenth Century*. Champaign, 1988. 344 p.

Robinson P. T. Wither the Future of Blacks in the Republican Party // *Political Science Quarterly*. Vol. 97, No. 2. 1982. p 207-231.

Sitkoff H. A New Deal for Blacks: The Emergence of Civil Rights as a National Issue: The Depression Decade. N.Y., 2009. 330 p.

Weiss N.J. Farewell to the Party of Lincoln: Black Politics in the Age of F.D.R. Princeton, 1983. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внутривнутриполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3

Dmitry N. VOROBYEV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 12.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 25.05.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 27.05.2022.

УДК: [004.8:338.28](73)

JEL: O32

DOI: 10.31857/S2686673022090061

EDN: GVUFDW

Система организации НИОКР в США на примере работ в области ИИ

Я.В. Селянин

Институт мировой экономики и международных отношений

имени Е.М. Примакова Российской академии наук.

Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23.

РИНЦ ID: 787382

ORCID: 0000-0002-3802-0563

e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Резюме: Американская ИКТ-отрасль сегодня занимает ведущие позиции в мире в области разработки искусственного интеллекта. Вместе с тем, негативный опыт финансирования этого направления привёл к двум так называемым «зимам искусственного интеллекта». В результате с конца 1980-х годов правительство США практически не присутствовало в этой сфере. Однако бурное развитие технологий в 2000-х годах способствовало тому, чтобы Белый дом услышал призывы специалистов и исправил сложившееся положение. Публикация в 2016 г. первого плана развития отрасли, подготовленного по его заказу, ознаменовала возвращение государства в эту область науки и техники. В статье рассматривается структура американской федеральной системы организации НИОКР, которая сегодня призвана обеспечить координацию таких исследований и сохранить технологическое лидерство за Соединёнными Штатами.

Ключевые слова: научно-техническая политика США, система организации НИОКР, искусственный интеллект, Министерство обороны США, разведсообщество США

Для цитирования: Селянин Я.В. Система организации НИОКР в США на примере работ в области ИИ. США & Канада: экономика, политика, культура. 2022; 52(9): 95–113. DOI: 10.31857/S2686673022090061 EDN: GVUFDW

R&D Management System in the U.S.: the Case of AI-Related Projects

Yaroslav V. Selyanin

Institute of World-Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

РИНЦ ID: 787382

ORCID: 0000-0002-3802-0563

e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Abstract: U.S. IT-industry is the world leader in AI development. However, because of the negative experience in funding this activities there have been two «AI winters», and Federal Government hadn't participated in such R&D since the late 1980th. Nevertheless, with the rapid AI technology development the White House have heard specialists' opinions in the end. Creation of 2016 National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan

symbolized that the States have come back to this S&T area. However, in spite of U.S. leadership in the AI and more generally in information technology sphere U.S. state R&D system is in focus of debates about its efficiency. There are questions about the system structure, its institutes and funding rules. All of them have roots in circumstances of their origin. Of course, for the members of Congress the main point is the rules of participating of organizations in R&D because it's a money question. It seems that nobody asks if the main issue is not in particular rules but in the more fundamental aspects such as consequences of the U.S. institute of lobbyism existence and lack of effective long-term planning of R&D. The article considers U.S. state R&D system, which intended to provide coordination in such investigations and keeping U.S. technology leadership.

Keywords: U.S. science and technology policy – U.S. R&D system structure – artificial intelligence – U.S. Department of Defense – U.S. intelligence community

For citation: Selyanin Y.V. R&D Management System in the U.S.: the Case of AI-Related Projects. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52(9):95-113.

DOI: 10.31857/S2686673022090061 EDN: GVUFDW

ВВЕДЕНИЕ

В сфере разработки искусственного интеллекта (ИИ) Соединённые Штаты занимают ведущее положение в мире. Это относится ко всем направлениям работ – создание программного и аппаратного обеспечения, полноценных прикладных систем. С началом очередной «зимы искусственного интеллекта» в конце 1980-х годов американская ИИ-отрасль лишилась интереса со стороны государства (в первую очередь, конечно, военных). Однако исследования не прекратились, и в 2000-х интерес к этому направлению вновь начал расти на фоне успеха технологий машинного обучения. И хотя частные компании добились в этих работах больших успехов, специалисты настаивали на необходимости участия в них государства. Стало понятно, что для дальнейшего развития технологий нужна руководяще-направляющая сила, которая объединит участников, являющихся прямыми конкурентами, вокруг достижения общей цели, будет координировать и финансировать работы.

Государство пришло в эту сферу ИКТ-отрасли в 2016 г., когда был опубликован первый Национальный стратегический план НИОКР по ИИ (*2016 National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan*). Сейчас готовится уже третья редакция этого документа. Реализовывать его положения будет существующая государственная система управления научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР). Вертикаль управления этой системы начинается от президента США и заканчивается государственными структурами, непосредственно осуществляющими исследования или (преимущественно) выделяющими финансирование негосударственным исследовательским структурам.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ США В КОНТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ НИОКР ПО ИИ

Формально главным должностным лицом, определяющим научно-техническую политику США, является президент. На практике он не обладает для этого ни необходимыми знаниями, ни временем, поэтому, как и в любой подобной системе, решение этой задачи делегируется специалистам. В рамках Белого дома за это направление отвечает **Управление научно-технической политики** (УНТП, *Office of Science and Technology Policy, OSTP*), чья главная задача состоит в консультировании первого лица по вопросам науки и техники и в координации политики правительства в этой сфере [1].

Штатная структура УНТП достаточно сложна. По состоянию на февраль 2020 г. в Управлении был 71 сотрудник. Из них: четверо были политическими назначенцами (*political staff*), 21 постоянный сотрудник, трое консультантов, 34 назначенных в Управление временных сотрудника иных федеральных агентств (*detailees*), четверо временных сотрудников из иных государственных структур, назначенных в Управление в рамках программы мобильности (их обозначают аббревиатурой “IPAs” от названия закона 1970 г. о персонале правительственных структур – *Intergovernmental Personnel Act of 1970*), и пятеро стажёров (*fellows*), которые обычно назначаются на один год с возможностью продления. Оплата труда первых двух категорий сотрудников осуществляется из средств Управления, а трёх последних – из средств Управления и/или их основных работодателей. При этом в выполнении своей основной функции Управление полагается главным образом именно на сотрудников из этих трёх категорий [1].

Деятельность УНТП финансируется посредством прямого запроса президента на нужды ведомства и через Институт общих научно-технологических проблем (*Science and Technology Policy Institute, STPI*). Последний входит в число Федеральных бюджетных центров исследований и разработок (*Federally Funded Research and Development Center, FFRDC*) и, в свою очередь, финансируется Национальным научным фондом (ННФ) (*National Science Foundation, NSF*) [1]. Об этих структурах будет сказано ниже.

Сам процесс выработки научно-технической политики состоит из нескольких этапов, в каждом из которых – от определения ключевых направлений до выделения финансирования работ – Управление принимает активное участие. Базой для этого процесса служат рекомендации министерств и ведомств по тематикам, которые, по их мнению, должны быть включены в список приоритетов Белого дома. Уже на этой основе УНТП совместно с Административно-бюджетным управлением (АБУ) Белого дома (*Office of Management and Budget, OMB*) готовит меморандум о бюджетных приоритетах администрации в области НИОКР. Далее УНТП помогает сначала министерствам и ведомствам, составляющим заявки, обеспечить их соответствие положениям меморандума, а затем АБУ, президенту, министерствам и ведомствам убедиться, что они соответствуют приоритетам Белого дома в области науки и техники [1]. Стоит отметить, что этот цикл растянут во времени пример-

но на полтора–два года. Так, например, приоритеты администрации для НИОКР на 2022 фин. г. установлены меморандумом 2020 года.

Параллельно с обязанностями по руководству УНТП его директор исполняет обязанности **помощника президента по вопросам науки и техники** (*Assistant to the President for Science and Technology, APST*), что обеспечивает ему прямой доступ к президенту США (отсутствующий по основной должности). Это также возлагает на него обязанность управлять деятельностью **Национального совета по науке и технике** (НСНТ, *National Science and Technology Council, NSTC*), которым формально руководит президент и который представляет собой «межведомственную структуру по координации научно-технической политики правительства США».

Помощник президента по вопросам науки и техники также по должности является соруководителем (*co-chairs*) временного **Президентского комитета советников по науке и технике** (*President's Council of Advisors on Science and Technology, PCAST*). Впервые он был учреждён президентом Дж. Бушем-старшим в 1990 г. Затем У. Клинтон, Дж. Буш-младший, Б. Обама, Д. Трамп и Дж. Байден также учреждали свои версии этой структуры под тем же названием. В состав этого комитета входят отдельные специалисты, представители частных компаний, научных кругов и исследовательских институтов, чья задача состоит в консультировании президента по вопросам политики в области науки, технологий, образования и инноваций, также отрабатывать запросы НСНТ.

Кроме того, Конгресс США периодически требует от исполнительной власти создавать различные структуры для решения конкретных вопросов (не только в области науки и техники), которые часто и так входят в зону ответственности существующих структур. Обычно это чисто политические требования – конгрессмены показывают избирателю своё рвение в решении важнейших (или представляемых таковыми) задач. Чтобы выполнить требования закона, но при этом не перегружать и так значительно переусложнённую существующую систему, в которой отдельные элементы дублируют друг друга, в таких случаях часто вместо создания новой структуры её обязанности возлагаются на уже существующие.

Не избежал этой участи и Президентский комитет советников по науке и технике, на который возложены обязанности президентского консультативного комитета по инновациям и технологиям (*President's Innovation and Technology Advisory Committee, PITAC*) и национальной консультативной группы по нанотехнологиям (*National Nanotechnology Advisory Panel, NNAP*).

Работу Комитета курирует УНТП, а финансирование осуществляется из средств Министерства энергетики [1].

В феврале 2022 г. в УНТП назначено временное руководство, которое будет возглавлять Управление до номинирования и утверждения постоянного главы. Причём обязанности распределены: Элондра Нельсон (*Alondra Nelson*) будет возглавлять Управление, а обязанности научного советника президента и соруководителя Президентского комитета советников по науке и технике будет исполнять Фрэнсис Коллинз (*Francis Collins*), бывший директор Национальных институтов здоровья (*National Institutes of Health, NIH*).

Кроме того, в штате УНТП предусмотрена должность **главного уполномоченного по вопросам технологической политики США** (*Chief Technology Officer of the United States*), который отвечает за использование технологий правительственными структурами и продвигает технические инновации с целью обеспечения национальных интересов США. На данный момент эта должность остаётся вакантной, а её заполнение – одна из задач временного руководства УНТП [2].

Тем не менее, штатно фактически один человек:

- занимает должность директора Управления по научно-технической политике Белого дома;
- исполняет обязанности помощника президента по вопросам науки и технологий;
- возглавляет Президентский комитет советников по науке и технике;
- управляет работой Национального совета по науке и технике.

Упомянутый **Национальный совет по науке и технике** был основан в 1993 г. У. Клинтонем. В его состав входят главы министерств и ведомств, некоторые помощники и советники президента. Директор УНТП по должности не входит в число членов совета, однако может одновременно занимать какую-либо должность, предполагающую членство в НСНТ. Более того, сам Совет собирается редко (по-видимому, в силу высоких должностей членов), в связи с этим его функции также фактически переложены на УНТП [1].

Задача НСНТ состоит в координации выработки научно-технической политики США и обеспечении её соответствия нуждам государства, учёта её задач федеральным правительством в своей деятельности (включая разработку и реализацию федеральных политик и программ), а также в координации международного сотрудничества в области науки и техники. Дополнительно НСНТ участвует в процессе определения Административно-бюджетным управлением государственного бюджета на НИОКР [1].

Членами Совета, число которых за все годы варьировалось от 5 до 21, являются сотрудники министерств и ведомств. Финансирование осуществляется ведомствами-участниками [1].

Структурно в Совете есть восемь комитетов. Кроме того, существуют подкомитеты, межведомственные рабочие и целевые группы, в которых работают уже сотрудники более низких рангов.

Вопросами ИИ занимаются **отдельный комитет по ИИ** (*Select Committee on Artificial Intelligence*) и **подкомитет по машинному обучению и ИИ** (*ML and AI (MLAI) Subcommittee*) комитета по технологиям (*Committee on Technology*) [1][3].

Первый отвечает за выбор Белым домом приоритетов межведомственных НИОКР в области ИИ, планирование и координацию работ. Именно этот комитет в 2019 г. подготовил обновлённый вариант упомянутого выше Национального стратегического плана НИОКР по ИИ, опубликованного в 2016 г. [4]. Указанный подкомитет выступает для отдельного комитета инструментом по внедрению в жизнь его решений.

Другой важной структурой в подчинении НСНТ, обеспечивающей координацию работ по ИИ в интересах государства и формирование бюджетных заявок ведомств на финансирование соответствующих НИОКР, является **программа «Исследования и разработка сетевых и информационных технологий»** (*Networking and Information Technology Research and Development, NITRD*). Она была начата во исполнение закона 1991 г. «О высокопроизводительных вычислениях» (*High-Performance Computing Act of 1991*), поскольку американской отрасли создания передовых суперкомпьютеров потребовался новый импульс развития. Впоследствии в сферу ответственности программы были включены все информационно-коммуникационные технологии, в том числе ИИ. В настоящее время программа является основным каналом распределения бюджетного финансирования работ в таких областях, как разработка и создание суперЭВМ, высокоскоростные сети передачи данных, кибербезопасность, разработка программного обеспечения (ПО) и управление информацией. Национальный координационный офис (*National Coordination Office, NCO*) Программы подчиняется **подкомитету по НИОКР в области сетевых и информационных технологий** (*Subcommittee on Networking and Information Technology Research and Development*) комитета по организации научно-технической сферы (*Committee on S&T Enterprise*) НСНТ. В состав подкомитета входят представители 25 федеральных агентств и ведомств, УНТП и Административно-бюджетного управления [5][6].

В рамках программы сформировано 12 рабочих групп (*Interagency Working Group, IWG*), среди которых вопросами непосредственно разработки технологий ИИ, главным образом, занимается **Межведомственная рабочая группа по ИИ** (*AI Interagency Working Group*). Кроме того, в той или иной степени работами, связанными с ИИ, занимается ещё целый ряд рабочих групп по направлениям, для которых технологии ИИ необходимы в качестве инструмента либо результаты которых необходимы для дальнейшего развития ИИ [5][6].

Появляются в УНТП и новые структуры. В январе 2021 г. во исполнение положения закона «О Национальной инициативе в области ИИ» (*National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020*), принятого в рамках оборонного бюджета на 2021 фин. г. (*National Defense Authorization Act for FY2021*), был организован **Офис Национальной инициативы в области ИИ** (*National AI Initiative Office, NAIIO*) [3]. Он должен играть роль ключевого органа, координирующего все работы в интересах государственных структур в области ИИ, включая техническую поддержку Отдельного комитета по ИИ, и обеспечить реализацию самой Национальной инициативы [7].

В настоящее время именно этот Офис готовит очередную редакцию Национального стратегического плана НИОКР по ИИ. Она должна увидеть свет в 2022 г. и, по требованию Конгресса, в дальнейшем будет обновляться каждые три года [8][9].

Стоит также отметить, что в апреле 2022 г. Министерство торговли США во исполнение предписания закона «О Национальной инициативе в области ИИ» учредило в рамках **Национального института стандартов и технологий** (НИСТ) очередную консультативную структуру для президента и Офиса Ини-

циативы – **Национальный консультативный комитет по ИИ** (*National Artificial Intelligence Advisory Committee, NAIAC*). Он включает ведущих экспертов из научной среды, некоммерческих организаций, гражданского общества и бизнеса [10]. В его состав входит **подкомитет по вопросам использования ИИ правоохранительными органами** (*Subcommittee on AI and Law Enforcement, NAIAC-LE*) [11].

В целом же НИСТ обеспечивает метрологическое обеспечение работам по ИИ и участвует в разработке национальных и международных стандартов в области ИИ.

Когда все решения о направлениях работ приняты, в дело вступают структуры, обеспечивающие отбор и финансирование конкретных научно-исследовательских программ. Они могут работать в целом по всем необоронным направлениям работ в интересах правительства, а могут специализироваться на программах Министерства обороны или разведсообщества (о них будет сказано ниже). Вопреки распространённому мнению, такие структуры не проводят НИОКР сами, а занимаются отбором, финансированием и контролем хода работ по конкретным проектам.

Ключевую роль в системе управления и государственного финансирования научных исследований занимает **Национальный научный фонд** (ННФ). В зону его ответственности входят фундаментальные исследования и образование в «немедицинских» (*non-medical*) областях науки и техники, «особенно в области социальных, математических и компьютерных наук». Кроме господдержки научных исследований и академической среды, Фонд финансирует значительную часть федеральных образовательных программ в области естественных и технических наук, инженерного дела и математики (*science, technology, engineering, and mathematics, STEM*) и оказывает федеральную помощь и поддержку студентам, обучающимся по соответствующим специальностям [4]. При этом ННФ не занимается прямым управлением научными лабораториями или установками, но финансирует их создание и деятельность.

В отличие от многих федеральных агентств Фонд управляется директором и управляющим советом из 24 человек – **Национальным научным советом** (ННС, *National Science Board, NSB*), куда директор также входит по должности. В члены совета назначаются не чиновники, а представители промышленности и научного сообщества.

Задача директора состоит в управлении повседневной работой ННФ. Задача совета – выработка политики Фонда и определение ключевых направлений работы. Он утверждает ежегодные бюджетные материалы, предоставляемые в Административно-бюджетное управление, утверждает новые основные программы и гранты. ННС также выступает как независимый консультативный орган для Конгресса и президента США.

Несмотря на статус независимого федерального агентства (*independent federal agency*), директор ННФ может быть снят с должности решением президента. Кроме того, объёмы финансирования Фонда зависят от президентской бюджетной заявки и от решения Конгресса при её утверждении. Директор также назначается президентом после консультаций и с согласия Сената. Прежде чле-

ны совета тоже проходили процедуру утверждения, однако с 2012 г. президент назначает их самостоятельно. Все они (директор и члены управляющего совета) назначаются на должность на шесть лет. Каждые два года треть членов совета меняется. Более того, хотя заместитель директора также назначается президентом и утверждается Сенатом, но срок его полномочий не ограничен [4]. Всё это обеспечивает совету некоторую автономность от политической конъюнктуры при определении приоритетов научных исследований.

Численность сотрудников ННФ значительно больше, чем у предыдущих структур. Она превышает 2000 человек. Из них 1421 – постоянные сотрудники, 177 – учёные, которые временно назначаются в Фонд по ротации, и 450 – сотрудники на контракте [4].

Сотрудники по ротации назначаются в Фонд в рамках его внутренней программы «Приглашённый учёный, инженер, преподаватель» (*Visiting Scientist, Engineer, and Educator, VSEE*) или по закону «О персонале правительственных структур» (*Intergovernmental Personnel Act, IPA*). Первые считаются госслужащими и назначаются в Фонд на срок до двух лет, временно покидая своё основное место работы и получая зарплату в Фонде. Вторые госслужащими не считаются, приходят из сферы высшего образования или иных организаций, получают зарплату по основному месту работы и могут быть сотрудниками Фонда до четырёх лет [4].

Организационно Фонд состоит из семи дирекций и двух управлений. Вопросами информационных технологий занимается **дирекция компьютерных и информационных наук и инжиниринга** (*Directorate for Computer and Information Science and Engineering, CISE*). Она отвечает за поддержку исследований и образования в области компьютерных наук и информатики, финансирование создания и работы научной и образовательной компьютерной инфраструктуры, содействие подготовке квалифицированной рабочей силы в своей области [4].

Управления в структуре Фонда отвечают за междисциплинарные программы. Одно из них – **Управление комплексных работ** (*Office of Integrative Activities, OIA*) – отвечает за междисциплинарные стратегические программы, включая подготовку критически важной инфраструктуры и персонала [4]. Оно же курирует работы по направлению «искусственный интеллект», которое включает «фундаментальные исследования в области машинного обучения, компьютерного зрения и обработки естественного языка; безопасность, надёжность и объяснимость ИИ-систем; прикладные исследования на стыке ИИ, сельского хозяйства, производства и персонализированной/точной медицины; образование».

Суть работы Фонда заключается в обработке заявок на гранты от учёных, их анализ и выделение финансирования. Именно поэтому в Фонд по ротации приглашаются учёные: они на практике знают, что сейчас происходит в науке, какие направления исследований наиболее перспективны.

Кроме прямого выделения средств по грантам ННФ финансирует структуры, получившие по рекомендации Совета по национальной безопасности в области ИИ статус **исследовательских институтов в области ИИ** (*AI Research Institutes*). Организационно это должны быть государственно-частные партнёрства, которые должны вести исследования по применению ИИ в конкретных обла-

стях. В рамках закона «О Национальной инициативе в области ИИ» Конгресс выделил Фонду ассигнования для финансирования семи таких институтов в 2020 фин. г. (два из них финансируются совместно с Министерством сельского хозяйства). На 2021 фин. г. финансирование было выделено следующей партии институтов на восемь областей исследования, включая среди прочего такие направления, как взаимодействие ИИ и человека, киберинфраструктуру, обучение (*learning*) и биологию (*biology*). И здесь государство уже работает совместно с представителями частного сектора, компаниями «Аксенче» (*Accenture*), «Амазон» (*Amazon*), «Гугл» (*Google*) и «Интел» (*Intel*) [3][4]. Суммарно в 2020–2021 фин. гг. было отобрано 18 заявок на получение статуса исследовательских институтов в области ИИ. Все они базируются в университетах США [12].

ННФ также участвует в координации правительственных инициатив. Так, при президенте Д. Трампе его представитель был сопредседателем отдельного комитета по ИИ в Национальном совете по науке и технике.

В дополнение к упомянутым выше обязательствам закон «О Национальной инициативе в области ИИ» предписывает Фонду: на ротационной основе участвовать в управлении межведомственным комитетом, созданным в УНТП для консультирования Офиса национальной инициативы в области ИИ; совместно с УНТП создать рабочую **группу по оценке целесообразности создания национальных исследовательских ресурсов в области ИИ** (*National AI Research Resource Task Force*) [3][4]. Идея последних заключается в том, чтобы предоставить исследователям ИИ вычислительную инфраструктуру, наборы данных, образовательные инструменты и поддержку специалистов [13].

Вместе с тем, в зону ответственности ННФ попадают только так называемые необоронные (*nondefense*) НИОКР в области ИИ. За оборонные программы отвечают структуры Министерства обороны и разведсообщества.

У военных самый большой ассортимент структур, отвечающих за оборонные НИОКР, в том числе в области ИИ. Самая известная из них – **Управление перспективных исследований Министерства обороны** (*Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA*). Многие ошибочно рассматривают его как исследовательское подразделение. Однако это не так. Задача Управления состоит в поиске и финансировании научных исследований, интересующих Министерство обороны (от фундаментальной науки до создания конкретных систем). У Управления нет своих лабораторий или научного персонала. В таком виде оно было создано в 1958 г. в ответ на запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. (с того момента и по 1993 г. оно называлось Управление перспективных исследовательских проектов (*Advanced Research Projects Agency – ARPA*)). Таким оно остаётся и сегодня.

Штат Управления составляет 220 государственных служащих. Из них около ста человек – это руководители программ, которые курируют около 250 программ НИОКР. В рамках каждой из них финансируется по несколько проектов. На эти должности назначаются (обычно на три–пять лет) специалисты из научных кругов, бизнеса и правительственных агентств [14]. Директор Управления занимает должность сопредседателя отдельного комитета по ИИ в УНТП [15].

Решение о финансировании каждой новой программы утверждается директором и заместителем директора Управления [14]. Причём изначально предусматривается, что не все программы могут быть успешными.

В контексте исследований в области ИИ оно занимается поиском программ, наиболее интересующих Министерство обороны США. Исторически именно Управление было источником финансирования по линии Минобороны работ по технологиям ИИ. Первые исследования были профинансированы ещё в 1975 году [16].

Не всегда для получения вооружёнными силами необходимых им систем нужны крупные исследования, на которые нацелено Управление перспективных исследований. Некоторые задачи можно решить быстрой адаптацией уже работающих коммерческих технологий. Для проведения таких краткосрочных работ, которые могут быстро дать результат, в рамках Министерства обороны был создан экспериментальный отдел оборонных инноваций (*Defense Innovation Unit Experimental, DIUx*). Структура довольно быстро показала свою эффективность и получила своё актуальное название – **отдел оборонных инноваций** (*Defense Innovation Unit, DIU*).

Идея состоит в быстром создании прототипов систем и оценки их полезности военными. Главная цель – сократить сроки закупки срочно необходимых систем. Поэтому от выявления проблемы до заключения контракта на проведение работ проходит от 60 до 90 дней (для сравнения: при обычном порядке на это часто уходит более полутора лет). А срок непосредственно работ по конкретному проекту составляет от одного года до двух лет [17]. Если полученный результат удовлетворяет Минобороны, то разработчики получают контракт на производство системы для поставки в войска.

Большое внимание Отдел уделяет технологиям ИИ и родственному направлению – технологиям автономности. В частности, отдел оборонных инноваций участвовал в **проекте «Знарок»** (*Project Maven*), задачей которого было проложить дорогу ИИ в вооружённые силы США [18]. В рамках проекта Министерства обороны создано «кросс-функциональное подразделение ведения алгоритмических боевых действий» (*Algorithmic Warfare Cross-Functional Team*). Суть работ тогда состояла во внедрении систем распознавания изображений для помощи операторам беспилотных летательных аппаратов. Ключевым участником была компания «Гугл» (*Google*). Когда этот факт был обнародован, разразился скандал, и компании пришлось выйти из проекта. Однако работы по нему были продолжены. И сегодня в бюджетных документах МО кросс-функциональные подразделения ведения алгоритмических боевых действий уже упоминаются во множественном числе [19].

Проект «Знарок» был пробным шаром. Для ведения системной работы Министерством обороны был создан **Объединённый центр искусственного интеллекта** (*Joint Artificial Intelligence Center, JAIC*). Его задача состоит главным образом во внедрении и масштабировании ИИ-решений, координации этой деятельности внутри МО, техническая и организационная поддержка подразделений, сборе и анализе получаемого опыта [20]. Сюда входит разработка ИИ-

решений для применения в вооружённых силах, но речь не идёт об исследовательских работах. Центр должен дополнять работу Управления перспективных исследований, лабораторий МО и иных организаций [21].

Организационно Центр будет подчиняться **Главному управлению цифровых технологий и искусственного интеллекта** (*Office of Chief Digital and Artificial Intelligence Officer, Office of CDAO*) Министерства обороны, решение о создании которого было принято в декабре 2021 г. Само Управление должно быть полностью готово к решению задач к 1 июня 2022 года [22][23].

Поскольку технологии ИИ показывают высокую эффективность при обработке информации, ими очень интересуется не только МО, но и разведсообщество. Поэтому данное направление является одним из приоритетов для **Управления перспективных исследований в сфере разведки** (*Intelligence Advanced Research Projects Activity, IARPA*), учреждённого в рамках Аппарата директора Национальной разведки США (*Office of the Director of National Intelligence, ODNI*). Фактически это аналог Управления перспективных исследований МО. Его задача также заключается в финансировании высокорисковых исследовательских программ в интересах ведомств из разведсообщества [24].

Управление сотрудничает с научным сообществом, бизнесом и федеральными научными организациями [25]. На должности руководителей программ здесь так же назначаются специалисты в своих областях на период от трёх до пяти лет. Столько же обычно длятся программы [26]. Правда, у этой структуры разведсообщества есть и короткие программы («саженцы», *seedlings*) – от девяти до двенадцати месяцев. Но такой срок возможен для программ стоимостью менее 1 млн долларов [27].

Непосредственно НИКОР в области ИИ ведут научные институты министерств и ведомств. Но особо остановиться стоит на так называемых **Федеральных бюджетных центрах исследований и разработок**. В отличие от рассмотренных выше учреждений, Центры уже непосредственно занимаются проведением НИОКР. У них есть два ключевых отличия от обычных правительственных научно-исследовательских учреждений.

Во-первых, организационное. Несмотря на то, что они находятся в собственности государства, им финансируются и проводят исследования в его интересах, управляют Центрами негосударственные структуры, выбираемые на конкурсной основе [28].

Во-вторых, по предназначению. Они созданы специально для проведения «специальных НИОКР по задачам, которые не могут быть решены государственными или частными компаниями». В силу этих причин Центры обладают более широким доступ к государственной информации (включая закрытую), персоналу и оборудованию, нежели негосударственные подрядчики [28].

Как и вся современная американская система организации науки и образования, Центры появились во время Второй мировой войны для мобилизации научно-технического потенциала на решение военных нужд. Например, существующая и сегодня Лаборатория Линкольна (*Lincoln Laboratory*) в Массачусетском технологическом институте была создана для создания радиолокационных

средств обнаружения самолётов и кораблей. Сегодня она по-прежнему работает в интересах Министерства обороны [28].

Создать такой Центр ведомство может только в случае, когда, во-первых, нет подрядчиков, которые могли бы выполнить необходимые работы в принципе или с необходимым качеством, и, во-вторых, если оно само может контролировать качества работы этого центра [28].

В настоящее время в США 42 таких Центра, подведомственных 12-ти федеральным агентствам, в первую очередь Минэнерго (16 Центров) и Минобороны (10). ННФ спонсирует шесть Центров, а НИСТ – один [28].

Интересно, что Центрам прямо запрещено участвовать в конкурсной борьбе за федеральные контракты на НИОКР, используя свой доступ к информации или материальной базе как конкурентное преимущество. Задача Центров – исключительно в выполнении работ в интересах своих ведомств, которые не могут быть выполнены другими подрядчиками. Вместе с тем они могут работать в интересах иных ведомств, если необходимые специалисты, опыт и оборудование есть у Центров, но отсутствуют у частных компаний. Запрет на участие в борьбе за контракты с частными компаниями неприменим в случае «родительских» ведомств и подведомственных им структур.

Первоначальный контракт на управление Центром заключается на срок не более пяти лет, но с возможностью дальнейшего продления на такие же периоды. В целом, федеральная система регулирования закупок (*Federal Acquisition Regulation system, FAR*) приветствует, когда один и тот же подрядчик долгое время управляет одним центром. Тем не менее бывают случаи, когда подрядчик меняется. Например, упомянутый выше Институт общих научно-технологических проблем изначально управлялся Корпорацией РЭНД (*RAND Corporation*) и до 1998 г. назывался Институтом критических технологий (*Critical Technologies Institute, CTI*). Однако с 2003 г. он управляется Институтом оборонного анализа (*Institute for Defense Analyses, IDA*) [1].

Безусловно, в работах по ИИ участвуют и многие другие министерства и ведомства. Например, Министерство энергетики, в подчинении которого находятся Национальные исследовательские лаборатории (относящиеся к классу Федеральных бюджетных центров исследований и разработок), организовало Управление ИИ и технологий (*Artificial Intelligence and Technology Office*). Министерство по делам ветеранов (*U.S. Department of Veterans Affairs, VA*) создало Национальный институт ИИ (*National Artificial Intelligence Institute, NAI*). Национальный институт юстиции (*National Institute for Justice*) (исследовательская структура Министерства юстиции) работает над использованием ИИ для борьбы с криминалом. Свой Центр ИИ (*Center for AI*) предписано создать Национальному управлению по исследованию океанов и атмосферы (*National Oceanic and Atmospheric Administration, NOAA*). Однако в целом это структуры, чья задача состоит во внедрении ИИ в своих министерствах. Исключением является разве что **Центр передового опыта по ИИ** (*AI Center of Excellence, AI CoE*) Управления общих служб (*General Services Administration, GSA*), который должен содействовать министерствам и ведомствам в адаптации, закупках и использовании технологий ИИ,

а также собирать и публиковать информацию о федеральных программах, пилотных проектах и иных инициативах в этой сфере [3].

Таким образом, именно Управление научно-технической политики, Национальный научный фонд, Федеральные бюджетные центры исследований и разработок, структуры Минобороны и разведсообщества являются ключевыми для управления и финансирования государственных работ по ИИ.

КРИТИКА СИСТЕМЫ

Несмотря на очевидные успехи американской ИИ-отрасли, в среде политического и военного руководства и бизнеса США не утихают споры вокруг эффективности государственной системы управления этими работами.

Наибольшие разногласия вызывают несколько моментов.

Во-первых, практика комплектования ряда рассмотренных выше структур (например, того же ННФ) временными сотрудниками по ротации. С одной стороны, это специалисты в своих областях, которые приходят из науки и на практике знают перспективные тенденции и направления научных исследований. С другой – возникает высокий риск конфликта интересов, когда государственное финансирование выделяется тем структурам, из которых пришли эти сотрудники.

Ротация также означает большую текучку кадров, поскольку сотрудники приходят на короткий срок, но на высокие должности. Кроме того, они не являются госслужащими, а потому не подпадают под ограничения для чиновников на объёмы оплаты труда (заработные платы и премии) и, соответственно, обходятся государству дороже сотрудников-госслужащих [4].

Во-вторых, статус ряда структур, формально дающий им в своей деятельности значительную автономию от контроля со стороны правительства.

Речь, например, о статусе независимого агентства у Национального научного фонда. Сторонники сложившегося положения вещей подчёркивают, что он позволяет Фонду при отборе научных исследований не зависеть от политической конъюнктуры. Вместе с тем, критики такого положения вещей указывают на необходимость обеспечения подотчётности науки государству.

Аналогично, много вопросов вызывает независимый статус Федеральных бюджетных центров исследований и разработок, который, по мнению его противников, осложняет контроль над расходами, управление и обеспечение безопасности [28]. В то же время существует мнение, что центры, наоборот, значительно утратили свою независимость от правительства. По изначальной идее, задача последнего состоит только в выборе общей стратегии их работы и обеспечении необходимого финансирования, однако, в частности, Министерство энергетики «занимается микроменеджментом в управлении центрами» [28]. То есть они, напротив, лишились главного преимущества своего статуса – утратили гибкость при выборе способов решения поставленных задач, ради которой всё и затевалось [28]. Согласно этой точке зрения, Минэнерго следует не просто оставить всё как есть, а вернуть Центрам больше полномочий, чем у них есть сейчас.

В-третьих, критике подвергается запрет Федеральным бюджетным центрам исследований и разработок участвовать в конкурсах на проведение работ с частными подрядчиками и привлечение их к работам.

Противники утверждают, что это снижает конкуренцию и повышает затраты государства на НИОКР (особенно если речь идёт о работах, в которых у Центров есть богатый опыт).

Также существует мнение, что сейчас Центры часто не обладают какими-либо существенными преимуществами перед иными подрядчиками, которые часто могут обладать не меньшими возможностями для проведения соответствующих работ. При этом Центрам часто отдаётся предпочтение, мотивированное необходимостью избежать конфликта интересов и/или предоставлять доступ к закрытым данным, либо их большим опытом в проведении работ, который отсутствует у коммерческих компаний. В этом контексте также указывается, что в 2019 г. Счётная палата США (*U.S. Government Accountability Office, GAO*) проверила несколько исследований, проведённых Центрами в интересах Министерства обороны, которому законом «Об оборонном бюджете США» на 2016 фин. г. предписано исключить конфликт интересов при выборе подрядчика в случае единственного поставщика. Во всех рассмотренных случаях контролёры обнаружили конфликт интересов [28].

Есть также мнение, что центры неоправданно расширяют сферу своей деятельности на области, где уже и так есть организации, способные эффективно выполнять научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. То есть опять же негативно влияют на конкуренцию.

В целом, и у критиков, и у сторонников существующего положения есть здравые аргументы. Действительно, научные исследования должны быть вне политической конъюнктуры, особенно при проведении долгосрочных фундаментальных исследований. Исследовательские группы должны быть подотчётны государству, дабы исключить растрату государственных средств на явно фиктивные (если не по форме, то по сути) работы. И, конечно, конфликт интересов не должен оказывать влияние на стоимость и качество проведения работ.

Однако в значительной степени недовольство членов Конгресса обычно основано на желании заработать политические очки, получить статус «радетелей за интересы налогоплательщиков» и/или пролоббировать интересы своих спонсоров (которые хотели бы получить доступ к распределяемым бюджетным средствам либо не хотели бы допустить новых конкурентов в борьбе за контракты). Указанные же моменты, подвергающиеся критике, являются неотъемлемой и неустранимой частью американской системы, где, в полном соответствии с учебником экономики, главная цель бизнеса – это максимизация прибыли. Более того, даже если позиция критиков возьмёт верх и система будет изменена по их рекомендациям, то сразу же окажется, что конфликт интересов, завышения цен, неудовлетворительное качество работ не просто остались, но и выросли в объёмах, против чего будет протестовать уже сторона, лишившаяся финансирования.

Вместе с тем практически отсутствует критика действительно важных особенностей американской системы.

Так, вся система не заточена на проведение долгосрочных фундаментальных исследований, успех которых не гарантирован, практическая польза в кратко- и даже среднесрочной перспективе не очевидна или отсутствует. Цель существующей системы в обеспечении относительно быстрого возврата вложенных бизнесом или государством средств.

Отсюда и обилие организаций вроде Национального научного фонда, Управлений перспективных исследований Минобороны и разведсообщества, которые сами ничего не исследуют. Их задача – просто найти команды с идеями, дать им денег, проконтролировать работы и получить результат.

Корни проблемы уходят в 1950-е годы. Именно тогда возникла устойчивая тенденция на снижение роли государства в поддержке науки [Данилин И.В., 2011: 24–25]. Причём смены администраций и изменения ситуации в Конгрессе, которые лоббировали определённые направления, влекли за собой постоянную смену приоритетов государственной политики в области науки и техники и влияли на их финансирование. Так, даже если программа принималась, то впоследствии она могла не получить финансирования из-за изменения ситуации [Данилин И.В., 2011: 47].

Даже для государственных расходов на НИОКР значительная часть исследований (например, в середине 1980-х годов – это 77 % всех федеральных затрат на НИОКР) была работами по контракту с чётко прописанными целевыми результатами работ, сроками выполнения и санкциями за нарушение условий [Скоров Г.Е., отв. ред. 1986: 163].

При этом от науки требовали большего прикладного значения исследований (что стало важным критерием оказания государственной поддержки), снижения затрат и ресурсоёмкости, повышения эффективности. Интересно, что развал СССР усугубил эту ситуацию, поскольку борьбой с ним больше нельзя было оправдывать высокие траты [Данилин И.В., 2011: 16–18, 23–25, 29].

В свою очередь, бизнес, чья доля в финансировании научных работ стала определяющей, не желал (и по-прежнему не желает) брать на себя риски, связанные «с проведением фундаментальных исследований или новых разработок, имеющих долгосрочный характер». Для финансовых показателей компаний было (и есть) гораздо безопаснее «вкладывать капитал в текущие проекты и получать прибыли в сжатые сроки» [Скоров Г.Е., отв. ред. 1986: 155–156].

Усугубляла (и усугубляет) ситуацию политизация выбора приоритетов, из-за чего в качестве таковых может быть выбрано направление, для выбора которого нет реальных научных оснований [Данилин И.В., 2011: 107]. В таком случае оказывалось (как это случилось с зелёной энергетикой при президенте Б. Обаме), что без научной основы одним только политическим желанием и финансированием превратить такие направления из прожектов в реальные отрасли невозможно.

В условиях постоянного лоббирования из желания заработать, а не научной целесообразности получают вот такие качели с перерасходом средств впустую и без системной работы [Данилин И.В., 2011: 107].

В настоящее время на знамени научно-технического развития в США поднят искусственный интеллект. И опять повторяется ситуация прежних лет: американ-

ские специалисты из этой отрасли снова ставят вопрос о необходимости перестроить систему управления исследованиями так, чтобы у фундаментальной науки появилось больше шансов на получение финансирования. Об этом, в частности, сказано в рекомендациях Комиссии по национальной безопасности в области ИИ, которая состоит из ведущих специалистов – представителей бизнеса и академической науки и имеет мандат Конгресса на формулирование рекомендаций по повышению эффективности работ в этой сфере [29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная структура государственной системы управления научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами в США отражает главную особенность сложившегося там положения: большую часть НИОКР выполняют частные подрядчики на частные деньги. Причём в условиях, когда они могут вытягивать лучшие интеллектуальные и материальные ресурсы из всего мира [29].

Существующая в США система часто воспринимается как передовая. Вместе с тем, вокруг её эффективности ведутся большие споры. Интересно, что одни и те же особенности системы преподносятся сторонниками и критиками как, соответственно, достоинства и недостатки.

Государство в научной сфере присутствует преимущественно в качестве государственных фондов и подразделений министерств и ведомств, распределяющих финансирование на интересующие их работы. Причём часто вновь создаваемые по требованию Конгресса курирующие, контролирующие и консультирующие структуры дублируют функции уже существующих. Конгрессмены зарабатывают политические очки, демонстрируя избирателю заботу о национальных интересах, и финансирование, отрабатывая заказы своих спонсоров. В результате, чтобы не перегружать и так переусложнённую систему, в большинстве случаев вместо создания новых структур их обязанности возлагаются на уже существующие.

Проблемы соответствующие: интерес государства к тем или иным направлениям зачастую зависит не от реальных успехов и перспектив конкретной отрасли, а от политической конъюнктуры, уровня лоббистов и возможности получить быстрый практический результат. Частный бизнес, чья основная цель, согласно учебнику экономики, состоит в максимизации прибыли, не любит рисковать своими деньгами и стоимостью своих акций на бирже.

Всё это осложняет системную работу по долговременным фундаментальным исследованиям, о чём свидетельствует опыт сферы информационно-коммуникационных технологий, включая работы в области создания искусственного интеллекта. Для реализации действительно прорывных направлений по-прежнему необходимо активное участие государства. Главным образом, в качестве руководяще-направляющей силы, которая сможет определить стратегические цели, поставить задачи, выделить финансирование, проконтролировать выполнение работ, а также обеспечить разработчиков государственным заказом на системы, если речь идёт о прикладных НИОКР.

Интересно, что в случае ИИ об этом на самом высоком уровне говорят как раз представители бизнеса – члены Комиссии по национальной безопасности в области ИИ, многие из которых одновременно являются ведущими специалистами в этой сфере, работающими в ведущих ИКТ-компаниях.

Вместе с тем, опыт показывает, что успех этих работ будет зависеть от приоритетов тех, кто будет контролировать Белый дом и Конгресс и их спонсоров, а не от того, что на самом деле необходимо для успешного проведения исследований.

ИСТОЧНИКИ

1. Office of Science and Technology Policy (OSTP): History and Overview (R43935) // Congressional Research Service. 2020. 3 March. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43935> (accessed 20.12.2021).

2. A New Chapter for the White House Office of Science and Technology Policy // The White House. 2022. 17 February. Available at: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/02/17/a-new-chapter-for-the-white-house-office-of-science-and-technology-policy/> (accessed 03.05.2022).

3. Artificial Intelligence: Background, Selected Issues, and Policy Considerations (R46795) // Congressional Research Service. 2021. 19 May. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46795> (accessed 13.12.2021).

4. The National Science Foundation: An Overview (R46753) // Congressional Research Service. 2021. 9 April. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46753> (accessed 13.12.2021).

5. Federal Research and Development (R&D) Funding: FY2021 (R46341) // Congressional Research Service. 2020. 17 December. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46341> (accessed 20.12.2021).

6. About the Networking and Information Technology Research and Development (NITRD) Program // NITRD. Available at: <https://www.nitrd.gov/about/> (accessed 07.09.2021).

7. About the NAIIO // The National Artificial Intelligence Initiative Office (NAIIO). Available at: <https://www.ai.gov/naiio/> (accessed 10.05.2022).

8. OSTP's Continuing Work on AI Technology and Uses that Can Benefit Us All // The White House. 2022. 03 February. Available at: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/02/03/ostps-continuing-work-on-ai-technology-and-uses-that-can-benefit-us-all/> (accessed 20.04.2022).

9. Director's Corner: Updating the National AI Research & Development Strategic Plan // The National Artificial Intelligence Initiative Office (NAIIO). 2022. 2 February. Available at: <https://www.ai.gov/directors-corner-02-02-2022/> (accessed 10.05.2022).

10. U.S. Department of Commerce Appoints 27 Members to National AI Advisory Committee // U.S. Department of Commerce. 2022. 14 April. Available at: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2022/04/us-department-commerce-appoints-27-members-national-ai-advisory> (accessed 25.04.2022).

11. The National AI Advisory Committee (NAIAC) // The National Artificial Intelligence Initiative Office (NAIIO). Available at: <https://www.ai.gov/naiac/> (accessed 10.05.2022).

12. National AI Research Institutes // The National Artificial Intelligence Initiative Office (NAIIO). Available at: https://www.ai.gov/strategic-pillars/innovation/#National_AI_Research_Institutes (accessed 10.05.2022).

13. The National Artificial Intelligence Research Resource Task Force (NAIRRTF) // The National Artificial Intelligence Initiative Office (NAIIO). Available at: <https://www.ai.gov/nairrtf/> (accessed 10.05.2022).

14. About DARPA // DARPA. URL: <https://www.darpa.mil/about-us/about-darpa> (accessed 25.04.2022).

15. Creating Technology Breakthroughs and New Capabilities for National Security. 2019 Strategic Framework // DARPA. 2019. August. Available at: <https://www.darpa.mil/attachments/DARPA-2019-framework.pdf> (accessed 04.04.2022).

16. Defense Advanced Research Projects Agency 1958-2018 // DARPA. 2018. September. URL: https://www.darpa.mil/attachments/DARAPA60_publication-no-ads.pdf (accessed 04.04.2022).

17. Defense Innovation Unit (DIU) // Defense Innovation Unit. Available at: <https://www.diu.mil/about> (accessed 25.04.2022).

18. Atherton K. Targeting the future of the DoD's controversial Project Maven initiative // C4ISRNET. 2018. 27 July. Available at: <https://www.c4isrnet.com/it-networks/2018/07/27/targeting-the-future-of-the-dods-controversial-project-maven-initiative/> (accessed 25.04.2022).

19. Fiscal Year 2021 Department of Defense Budget: RDT&E Programs (R-1) // Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller)/CFO. 2020. February. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2021/fy2021_r1.pdf (accessed 01.04.2020).

20. About the JAIC // Joint Artificial Intelligence Center. Available at: <https://www.ai.mil/about.html> (accessed 25.04.2022).

21. H.R.5515 - John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. SEC. 234 // The official website for U.S. federal legislative information Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5515/text> (accessed 11.02.2019).

22. New DOD Chief Digital-Artificial Intelligence Office Launches // Department of Defense. 2022. 4 February. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2923986/new-dod-chief-digital-artificial-intelligence-office-launches/> (accessed 29.04.2022).

23. Memorandum on Initial Operating Capability of the Chief Digital and Artificial Intelligence Officer // Department of Defense. 2022. 1 February. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Feb/02/2002931807/-1/-1/1/MEMORANDUM-ON-THE-INITIAL-OPERATING-CAPABILITY-OF-THE-CHIEF-DIGITAL-AND-ARTIFICIAL-INTELLIGENCE-OFFICER.PDF> (accessed 29.04.2022).

24. About IARPA // Office of the Director of National Intelligence. Available at: <https://www.iarpa.gov/who-we-are/about-us> (accessed 29.04.2022).

25. IARPA10 Decade of High-risk High-reward Research // Office of the Director of National Intelligence channel on Youtube. 2020. 3 March. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=rqS0I1paWww&list=PLfaSGHp0IgDDKoxPpzKw9JvVrozJXxwWt&index=8> (accessed 30.04.2022).

26. A Day in the Life of a PM // Office of the Director of National Intelligence. Available at: <https://www.iarpa.gov/who-we-are/a-day-in-the-life-of-a-pm> (accessed 29.04.2022).

27. Seedlings // Office of the Director of National Intelligence. Available at: <https://www.iarpa.gov/engage-with-us/seedlings> (accessed 29.04.2022).

28. Federally Funded Research and Development Centers (FFRDCs): Background and Issues for Congress (R44629) // Congressional Research Service. 2021. 27 August. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44629> (accessed 20.12.2021).

29. Final Report // National Security Commission on Artificial Intelligence. 2021. March. Available at: <https://reports.nscai.gov/final-report/table-of-contents/> (accessed 22.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилин И.В. 2011. Современная научно-техническая политика США: инструменты и основные направления. М.: ИМЭМО РАН. 140 с.

Американский капитализм в 80-е годы: закономерности и тенденции развития экономики. Арбатов Г.А., Скоров Г.Е., Пороховский А.А.; отв. ред. Скоров Г.Е.; АН СССР, Ин-т США и Канады. М.: Наука, 1986. 525 с.

REFERENCES

Danilin Ivan. 2011. Modern scientific and technical policy of the USA: the tools and the basic directions. M.: IMEMO, 2011. 140 p.

American capitalism in the 80s: patterns and trends in the development of the economy. Arbatov G.A., Skorov G.E., Porokhovskiy A.A.; resp. ed. Skorov G.E.; Academy of Sciences of the USSR, Institute of the USA and Canada. M.: "Nauka", 1986. 525 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕЛЯНИН Ярослав Владиславович, научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН. Российская Федерация, Москва, 117997, Профсоюзная ул., 23.

Yaroslav V. SELYANIN, Research Fellow, Center for North American Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya St., 117997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 22.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 15.06.2022.

Принята к публикации / Accepted 17.06.2022.

УДК 94

DOI: 10.31857/S2686673022090073

EDN: GVUQPH

Отражение эволюции расовых отношений в США в Голливудском кинематографе 1930–1950-х годов

А.С. Гаврилов

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

ORCID: 0000-0003-2102-3976

e-mail: antongavrilov96@yandex.ru

Резюме. Между кинематографом и обществом существует сложная взаимосвязь. Кинопроизведения впитывают характерные черты эпохи с присущими ей экономическими, политическими, социальными и культурными установками. Изменения в общественной жизни накладывают отпечаток и на киноискусство. Кино отражает эволюцию господствующих у аудитории взглядов и ценностей, её отношение к различным общественным явлениям и процессам. В статье рассматривается, как в 1930–1950-е годы обогнавшие перемены в восприятии американцами расовой проблемы влияли на трансформацию образа темнокожего героя в голливудских кинофильмах.

Ключевые слова: кинематограф, история, фильм, расовая проблема, афроамериканцы, культура, образ

Для цитирования: Гаврилов А.С. Отражение эволюции расовых отношений в США в Голливудском кинематографе 1930-1950-х годах // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (9): 114-126. DOI: 10.31857/S2686673022090073

EDN: GVUQPH

Reflection of Evolution of Race Relations in the USA in Hollywood Cinema of the 1930s-1950s

Anton S. Gavrilov

Peoples' Friendship University of Russia.

117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklaya str.6.

ORCID: 0000-0003-2102-3976

e-mail: antongavrilov96@yandex.ru

Abstract. Cinema is one of the most important channels for reproducing, creating and broadcasting ideas about life. The cinematic picture of the World captures constantly changing reality, absorbs ideological attitudes that prevail in society, processes them and reflects on the screen. Cinematography, like a sensitive measuring device, can express things that worry people at a given historical moment. The article studies how racial problems experienced by the American society in 1930-1950s influenced the transformation of black character depiction in Hollywood movies.

Keywords: Cinema, history, film, race problem, Afro-Americans, culture, image

For citation: Gavrilov A.S. Reflection of Evolution of Race Relations in the USA in Hollywood Cinema of the 1930s-1950s // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. – 2022; 52 (9): 114-126. DOI: 10.31857/S2686673022090073 EDN: GVUQPH

ВВЕДЕНИЕ

По мнению киноведа и историка кино в голливудских фильмах начала XX века, когда расизм в США достигал огромных масштабов, существовало несколько основных стереотипов для изображения темнокожих на экране. Американский исследователь Дональд Богл сформулировал пять таких стереотипов: преданный и послушный «Том»; полная и сварливая служанка «Мамми»; ленивый простака «Енот»; «трагический мулат» - персонаж смешанной расы, узнающий о своем африканском происхождении и страдающий от этого; а также большой, сильный, склонный к жестокости «Бак» [Bogle D., 1989: 4-9]. С 1930-х годов по мере того, как менялась окружающая американцев действительность, эти клишированные образы постепенно изживали себя, переставая быть созвучными умонастроению аудитории.

«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ» И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА КИНЕМАТОГРАФ 1930-х годов

В 1930-е годы на расовые отношения в США оказала влияние «Великая депрессия». Она ударила практически по всем слоям и группам американского общества, но особенно по афроамериканцам. Поиск средств к существованию и массовая безработица вызвали волну миграции темнокожего населения из южных штатов на Север, изменив, таким образом, расовый ландшафт страны. В условиях кризиса и нехватки рабочих мест возросла активность афроамериканцев в борьбе за экономические, социальные и политические права. На выборах 1928 г. и 1932 г. цветное население, перестав считать «своей» Республиканскую партию, активно поддержало демократа Ф.Д. Рузвельта, что позволило афроамериканцам получить некоторую помощь от государства в период «Нового курса» и достичь скромных успехов в борьбе с дискриминацией. И хотя расовые отношения в США в целом остались в неприкосновенности, сложившиеся в 1930-е годы новые экономические, социальные и политические условия подталкивали к медленным сдвигам в общественном сознании, что отразилось и на кинематографе.

Массовый зритель рассматривал кинофильм, прежде всего, как развлечение, а производители, как предприятие, приносящее доход. Кинокомпании снимали то, за что зритель платил, и не стремились использовать фильмы как средство для разрушения прежних и утверждения новых идеалов. Зритель же предпочитал видеть на экране привычные шаблонные образы. Это видно на примере десяти самых кассовых фильмов 1930-х годов [1]. Во всех них авторитетными фигурами на экране по-прежнему были англоамериканцы, а афроамериканцы, если присутствовали, чаще всего изображались в рамках устоявшихся за сотню лет стереотипов.

В эти же годы с успехом в прокате выступали картины о старом Юге, который в условиях депрессии стал восприниматься романтически. Зритель утешался его богатством и благополучием, поддерживаемым надёжной расовой иерархией. В подобных кинофильмах темнокожие были либо просто фоном для создания атмосферы, либо представляли в образах «Томов», «Енотов», «Мамочек» и «Баков». Ярким примером подобных фильмов является «Так красна роза» («So Red the Rose») 1935 г., воспевающая «последние дни аристократии плантаторов с теплотой, мастерством и романтическим рвением» [2]. На плантации, где живут главные героини картины, время течёт неспешно и спокойно: фильм открывается кадрами бодро собирающих на полях хлопок рабов, а домашний темнокожий слуга Уильям, улыбаясь, приносит хозяину, отдыхающему в кресле-качалке, виски. Образ Уильяма на экране – типичный «Том», встречающийся в более ранних фильмах. Афроамериканские актёры здесь призваны создавать приятный фон: они появляются в кадре, чтобы с довольными лицами одеть героев, принести почту или накрыть на стол. Когда мужчины отправляются на войну с «янки», благодарные рабы, распевая заунывные песни, с грустью провожают их и так не желают расставаться, что даже бегут вслед за уезжающим хозяином. Рабство здесь показано односторонне, как благо для темнокожих, которого сами они не осознают. Когда армия северян приближается к имению, чтобы его захватить, рабы из послушных «Томов» превращаются в диких и безумных «Баков». Они перестают подчиняться хозяевам и в конце концов поднимают бунт в предвкушении будущего освобождения. Здесь начинается ужасная сцена, в которой разъярённые рабы носятся за курами и свиньями и грабят хозяйство. Лидер рабов произносит вдохновляющую речь: «Янки дадут нам землю и дома! Больше никакой уборки хлопка! Будем сами здесь управлять! Будем сидеть и ничего не делать!». И только дочь хозяина имения смогла подобрать слова, чтобы уговорить их прекратить бунт. «Это же твой дом! Почему ты хочешь его разрушить?» – обращается она к лидеру восставших. «Вам всё равно придётся работать, только на себя или за зарплату. Зачем вам такая свобода?». Уговоры подействовали, и рабы даже расстроились, когда северяне сожгли имение, а они обрели свободу.

Но несмотря на то что в 1930-е годы афроамериканцы и в жизни, и на экране, всё ещё были низведены до низших ступеней американского социального и экономического порядка, в большом кино у них появились новые возможности и новые роли. Их персонажи стали более респектабельными и домашними: кухарка, камердинер, оператор лифта и т.д. В подобных амшлуа многократно появлялся на экране известный актер Кларенс Мьюз: швейцар в «Ночном мире» (*Night World*) 1932 г., чистильщик обуви в «Поцелуе смерти» (*The Death Kiss*) 1932 г., уборщик в «Плавучем театре» (*Show Boat*) 1936 г. и т.д. Старые же образы были уже не такие карикатурные, как их рисовали зрителю в 1920-х годах. Если тогда они были обезличены и сводились к стереотипу, а актеры лишь

отыгрывали «картинку» и часто не указывались в титрах, то теперь артисты стали пытаться индивидуализировать их. В 1930-х годах сложилась своеобразная «звездная система», в которой у каждого темнокожего исполнителя была своя специальность. Так, в роли «Мамочки» зарекомендовала себя актриса Луиза Биверс, сыгравшая добродушных служанок в фильмах «Имитация жизни» (*Imitation of Life*) 1934 г., «Радуга на реке» (*Rainbow on the River*) 1936 г., «Крылья над Гонолулу» (*Wings Over Honolulu*) 1937 г. и др. В таком же амплу выступала Хэтти Макдэниэл в «Судья Прист» (*Judge Priest*) 1934 г., «Хармони Лейн» (*Harmony Lane*) 1935 г. и «Унесённые ветром» (*Gone with the Wind*) 1939 г., за роль в которых она первой из темнокожих актрис получила премию «Оскар».

Уже на этапе производства фильма «Унесённых ветром» проявилось обострившееся болезненное отношение американцев к расовой проблеме. Режиссер, прислушиваясь к советам цветных активистов, в том числе из Национальной ассоциации по улучшению положения цветных людей, не включил в фильм некоторые сюжеты, содержащиеся в книге, например, сцены с Ку-клукс-кланом и линчеванием. В плане экранного образа «Мамочки» картина оказалась отчасти революционной. Персонаж Х. Макдэниел, хотя и мотивирован почти исключительно заботой о хозяевах, но чувствует себя достаточно уверенно, чтобы возражать и комментировать их действия. Мамми почти на равных общается с главной героиней, добродушно бранит её и поучает. Этот образ был сразу же раскритикован за то, что романтизирует отношения господина и раба на старом Юге, тем самым оправдывая такой порядок. Остальные темнокожие в фильме, в основном, как и прежде, призваны создавать приятный фон. Они работают на плантации, прислуживают по дому, играют музыку на благотворительном базаре. Картину критиковали за то, что рабы, в основном, изображены послушными, довольными, и явно неспособными к независимому существованию, а плантации – прекрасной идиллией, где не бывало потогонной работы [Hark Ina R., 2007: 249]. Однако именно на их плечи ложится забота о плантации, когда белые хозяева погибают или деморализованы невзгодами.

Наряду с развлекательными и романтическими фильмами в 1930-е годы появились и картины, прямо или косвенно затрагивающие социальные проблемы американского общества, посвящённые теме самоидентификации личности и инаковости, в частности расовой. Таким фильмом стала комедия «Судья Прист» 1934 г. Образы темнокожих героев здесь довольно стереотипны. Актёр Степин Фетчит играет ленивого и глупого «Енота», а Х. Макдэниел типичную добродушную «Мамми». Интерес здесь представляет белый главный герой, который нарушает расовые и социальные границы, часто ассоциируя себя больше с темнокожими и изгоями общества, чем с людьми своего положения и расы. Этим, как отмечает американский профессор киноведения Ина Рей Харк, фильм отражает атмосферу эпохи 1930-х годов, когда в условиях миграции темнокожие и

белые пересекали реальные и воображаемые расовые границы [Hark Ina R., 2007: 131]. В остальном же по отношению к темнокожим фильм не отличается от картин того времени, разве что в финальной сцене С. Фетчит немного «хулиганит», маршируя в нелепом наряде под знаменитый гимн южан – Дикси.

Наиболее известной картиной, затрагивающей тему инаковости, стала «Имитация жизни» 1934 г. В центре сюжета – дружба белой женщины-вдовы и её темнокожей служанки. Фильм рассказывает их историю успеха: служанка умеет готовить потрясающие блинчики, а хозяйке в наследство от мужа достался бизнес по продаже кленового сиропа. Вместе они богатеют, открыв блинный ресторанчик. Режиссёр показывает общность их судеб, поскольку обе в начале истории находятся в тяжёлом финансовом положении, обе воспитывают дочерей, и у обеих с этим возникают драматичные проблемы. У служанки растёт светлокожая дочь, которая со временем начинает так стыдиться матери и своего происхождения, что готова публично отречься от неё и бежать в белый мир. Режиссёр таким образом развивает образ «архетипического трагического мулата», исследуя, каково это – быть аутсайдером, оказавшимся между афроамериканской и англоамериканской культурами. Тем не менее «Имитация жизни» не смогла избежать расовых клише: служанка всё равно остаётся стереотипной «Мамми», массирующей хозяйке ноги и не представляющей без неё своего существования. Стремление к успеху в прокате и ограничения кодекса Хейса требовали отказа от слишком серьёзного рассмотрения расовых проблем. «Нью-Йорк таймс» назвала фильм «захватывающей и мощной, хотя и слегка размытой драмой, в которой <...> расовый вопрос обещал быть самым интересным» [3]. «Литерари дайджест» отмечал, что «Имитация жизни» «тщательно избегает своей самой драматической темы, очевидно, потому, что боится её социальных последствий» [Cripps T., 1977: 303]. Но всё же картина вошла в историю кино как первая коммерчески успешная антирасистская мелодрама. Во время выхода картины газета «Вэрайети» заметила: «Представляется весьма вероятным, что эта картина может внести некоторый незначительный вклад в дело большей терпимости и гуманности в расовом вопросе» [4].

В числе нетипичных для 1930-х годов кинолент, содержащих в себе комментарии к социальным и расовым проблемам, можно отметить фильм «Они не забудут» (*They Won't Forget*) 1937 г., в котором темнокожий уборщик обнаруживает тело убитой белой девушки и подвергается жестокому допросу расистской полицией маленького городка. В финале картины «Золотой мальчик» (*Golden Boy*) 1939 г. англоамериканский боксер случайно убивает на ринге афроамериканского боксера и очень переживает из-за этого. Родственникам погибшего, он говорит, что отдал бы жизнь, чтобы вернуть его, а своему алчному белому менеджеру, что лучше бы убил гнилую крысу, вроде него, вместо несчастного парня.

Однако таких нестандартных фильмов было недостаточно, чтобы сформировать тенденцию. В 1930-е годы выпуск кинокартин, агитирующих против гос-

подствующих в обществе взглядов, был значительным риском со стороны продюсеров и студийных боссов. За исключением «Имитации жизни», такие фильмы обычно не были популярны. Но они сыграли важную роль, предвосхитив появление множества подобных поучительных кинолент в последующие десятилетия и приучив американскую аудиторию к более сложным и многомерным экранным образам. Как отмечает в своей работе Д. Богл, «"Новый курс", растущий либерализм и изменившийся социальный порядок привнесли в американские фильмы новое мировоззрение, в соответствии с которым многие старые расовые установки стали отбрасываться» [Bogle, D., 1989: 316].

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ДАЛЬНЕЙШАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИНООБРАЗА АФРОАМЕРИКАНЦА

В 1940-е годы новым стимулом к этому стало участие американцев во Второй мировой войне. Американское общество оказалось в затруднительном положении, на весь мир осуждая идеологию нацистской Германии, при этом живя по законам расовой нетерпимости. Это заставило американцев пересмотреть своё отношение к расовой проблеме в своей стране. Афроамериканцы усилили давление на правительство, чтобы положить конец дискриминации в промышленности и сегрегации в армии и добились значительных успехов. Военная мобилизация ещё больше размывала расовые границы, снова активизировав миграционные движения.

Следует отметить, что процесс интеграции для американского общества шёл болезненно: в 1943 г. страну сотрясли массовые волнения на расовой почве. Было необходимо сплотить население. Для решения этой задачи Управление военной информации США (*The Office of War Information*) надеялось использовать кино. В 1940-е годы кинематограф был одной из крупнейших отраслей промышленности Америки и какое-то время занимал 3-е место по величине [Nestey James R., 1981: 218]. Управление поддержало кампанию Национальной ассоциации по улучшению изображения афроамериканцев на экране, заключила соглашение с некоторыми киностудиями и начала давать скромные рекомендации [Dixon W.W., 2005: 96-97]. Успех был минимальным: голливудские руководители часто отказывались от соглашения с ассоциацией и продолжали снимать фильмы, используя стереотипные изображения темнокожих в довоенном духе. В ином случае дистрибьюторы, владельцы и менеджеры южных кинотеатров не хотели их прокатывать. В 1944 г. афроамериканский историк Лоуренс Данбар Реддик сформулировал список наиболее распространённых стереотипов в СМИ по состоянию на текущий год. Там перечислены всё те же «дикий африканец», «счастливый раб», «преданный слуга», «злостный преступник», «несчастный небелый» и т.д. [Nestey James R., 1981: 218].

Но некоторые либерально настроенные голливудские боссы все же согласились улучшить качество и количество ролей для афроамериканцев. Так, в 1942 г., когда Управление военной информации выступило против выпуска на экраны фильма «Теннесси Джонсон» (*Tennessee Johnson*), указывая что он «нанесет ущерб национальному военному духу и особенно духу негритянского населения страны», студия «Метро Голдвин Майер» (*MGM*) согласилась на пересъемки отдельных эпизодов картины [5]. «Нью-Йорк Таймс» в феврале 1943 г. писала: «Две крупные студии, «Метро Голдвин Майер» и «Двадцатый век Фокс» (*20th Century Fox*), производя картины с участием исключительно афроамериканцев, в настоящее время следуют пожеланиям Вашингтона о создании таких фильмов... Администрация сочла, что ее программе по расширению занятости негритянских граждан в определенных, ранее ограниченных областях промышленности, будет способствовать общее распространение важных картин, в которых темнокожие играли бы главную роль» [Bogle D., 1989: 136]. В 1943 г. обе студии действительно выпустили такие картины - «Хижина на небесах» (*Cabin in the Sky*) 1943 г. и «Дождливая погода» (*Stormy Weather*) 1943 г. соответственно. Похвалив игру темнокожих актеров в «Хижине» рецензент «Филм дэйли» (*Film Daily*) отметил, что: «Несмотря на все свои достоинства «Хижина в небесах» вряд ли чего-то добьется в прокате. Фильмы, где все актеры цветные, всегда было трудно продать белому зрителю. Главная проблема прокатчика – преодоление неравных возможностей» [6].

Новые реалии пошли на пользу темнокожим артистам, теперь они чаще стали получать достойные роли. Вместо «преданных слуг» они становились «правой рукой» главного героя. Их персонажи призваны убеждать с экранов, что Америка – страна, за которую стоит сражаться. Лучшее применение им находили в учебных, документальных и художественных фильмах о войне, в которых заметно проявились изменения изображения афроамериканцев в кино.

Наиболее знаменитым стал документальный пропагандистский фильм «Темнокожий солдат» (*The Negro Solider*) 1944 г., созданный по заказу армии США [22]. Во время его производства продюсер консультировался со специалистами, каким образом можно показать в фильме афроамериканцев, дабы избежать стереотипов [7]. Первоначально фильм предназначался только для того, чтобы поднять боевой дух солдат-афроамериканцев, однако восторженная реакция первых темнокожих и белых зрителей подтолкнула создателей распространить картину на более широкую военную и гражданскую аудиторию. «Темнокожий солдат» продвигал идею равноправия и сплочения нации. Центральное место в повествовании занимал молодой умный темнокожий новобранец. В фильме были представлены сцены участия афроамериканцев во Второй мировой войне, приводились примеры героизма темнокожих на протяжении всей истории США. Картина показывала, что афроамериканцы могут выступать не только в качестве прислуги, а добиваться успехов в различных достойных профессиях

(юристы, врачи, артисты, ученые, спортсмены и т.д.), подтолкнув к изменению типов будущих ролей для темнокожих актеров. Хотя фильм и не окупил свой скромный бюджет, многие критики и зрители оценили его очень высоко, заявляя, что «Темнокожий солдат» был «одним из лучших событий, которые когда-либо происходили с Америкой» [Cripps T., Culbert D., 1979: 616-640]. В обзоре «Нью-Йорк таймс» писала: «В качестве вдохновляющего документа «Темнокожий солдат», вероятно, хорошо послужил в тех областях, где требуется такая стимуляция военного сознания. Он также может донести до гражданской аудитории более глубокое уважение к роли негра на фронте» [8]. Однако автор отмечал и то, что фильм приукрашивает реальность, осторожно избегая насущных расовых проблем, более обширных, чем участие темнокожих в войне.

В художественных фильмах о Второй мировой войне подчёркивалась выдающаяся роль афроамериканцев в борьбе с врагом. Такие картины получали, как правило, положительные отзывы зрителей и критиков, которые стали чаще на страницах газет выделять роли, исполненные темнокожими артистами. Несмотря на коммерческие и развлекательные цели создания, картины «Миссия в Москву» (*Mission to Moscow*) 1943 г., «Батаан» (*Bataan*) 1943 г., «Спасательная шлюпка» (*Lifeboat*) 1944 г., «Опасное погружение» (*Crash Dive*) 1943 г. и «Сахара» (*Sahara*) 1943 г. можно было бы отнести к пропагандистским фильмам: их откровенные антифашистские заявления были созвучны «Темнокожему солдату». В «Батаане» солдат-афроамериканец – один из тринадцати человек, которые погибают один за другим, сражаясь против превосходящих сил японцев. Он спасает белого сослуживца от попадания под вражеский огонь, и, наконец, погибает вместе с другими. Рецензент «Вэрайети» отметил, что этот темнокожий солдат держится в бою так же стойко, как и англо-американцы [9]. В «Сахаре» афроамериканец – сильный и умный суданский унтер-офицер, жертвующий, как и герой «Батаана», своей жизнью ради «свободного мира». «Спасательную шлюпку», несмотря на жесткую критику в прессе и провал в прокате, некоторые историки кино упоминают в своих работах в числе фильмов, позитивно повлиявших на изменение образа темнокожего на экране [Dixon W.W., 2005, P. 124]. Они видят в картине критику современных реалий расизма и сегрегации, а темнокожего персонажа «сострада- тельным, надежным и героическим» [Bogle D., 1989: 139]. В фильме «Никто не уйдет живым» (*None Shall Escape*) 1944 г. темнокожий был одним из судей на процессе по военным преступлениям. Таким образом, условия Второй мировой войны благоприятно повлияли на процесс интеграции афроамериканцев в белое общество, что отразилось и в кинематографе. Хотя успехи были скромными (в самых кассовых фильмах военных лет темнокожие по-прежнему исполняли роли третьего плана), спектр ролей расширился, что дало импульс к дальнейшему продвижению в данном направлении в послевоенные годы [1].

ВЫЗОВЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ И КРИТИКА РАСИЗМА В ГОЛЛИВУДСКОМ КИНО

Афроамериканцы были готовы дальше бороться за гражданские права и положить конец расизму. Эта борьба в послевоенное десятилетие сопровождалась десятками крупных демонстраций, стычками с белым населением, громкими судебными процессами. Кроме того, во второй половине 1940-х годов стало ощущаться возросшее значение цветного электората в политических гонках. Г. Трумэн победил на президентских выборах 1948 г., в том числе при поддержке Национальной ассоциации по улучшению изображения афроамериканцев на экране большинства афроамериканцев, имеющих возможность голосовать. К изменениям подталкивала и начавшаяся холодная война, в условиях которой американцы не могли продолжать дискриминацию дома, если хотели влиять на народы Азии и Африки. По мере того, как распадалась колониальная система, вопрос о свободе афроамериканцев в Америке звучал всё громче. Киноиндустрия, как и вся остальная страна, должна была претерпеть изменения. На её развитие в послевоенное десятилетие оказало влияние несколько факторов. *Во-первых*, значительное развитие телевидения, в условиях конкуренции с которым киностудии принялись снимать фильмы на сенсационные темы для привлечения аудитории в кинозалы. Картины, затрагивающие расовый вопрос, подходили для этой цели и показывали хорошие кассовые сборы. *Во-вторых*, этого требовала послевоенная аудитория, жаждущая реализма и желавшая видеть на экране узнаваемые проблемы, в том числе и расовые. *В-третьих*, стремясь также завоевать и зарубежные рынки, Голливуд столкнулся с необходимостью изменить представления афроамериканского образа в кинокультуре. Если мы вновь обратимся к списку самых кассовых фильмов конца 1940–1950-х годов, то снова увидим, что темнокожие здесь на переднем плане почти не встречаются [1]. Но новые послевоенные условия подталкивали к дальнейшей эволюции их изображения на экране, расширению диапазона ролей и увеличению экранного времени для их персонажей.

Фильм «До конца времён» (*Till the End of Time*) 1946 г. касался проблемы дискриминации, с которой столкнулся вернувшийся с войны афроамериканский солдат. Затем тему развили картины, клеймившие Ку-клукс-клан и антисемитизм, подготовив почву для будущих кинематографических атак на предрассудки в отношении афроамериканцев. Поскольку зрители и критики положительно отнеслись к этим фильмам, Голливуд решил продолжить удовлетворять интерес послевоенной аудитории к «самобичеванию» и пойти дальше. В 1949 г. на экраны вышел цикл кинофильмов, в которых исследовалась расовая проблема в США.

Начало этому циклу положила картина «Дом храбрости» (*Home of the Brave*) 1949 г., в которой были откровенно представлены реалии расизма как в армии, так и в гражданской жизни. Фильм через серию флэшбеков описывает эмоциональный срыв молодого темнокожего рядового Мосса. Проходя обследование у капи-

тана-медика, Мосс рассказывает свою историю, описывая ряд расовых инцидентов, которые он пережил во время специальной миссии на удерживаемом японцами острове. Даже когда герой рисковал своей жизнью ради блага страны, сослуживцы его высмеивали и прогоняли. Под этим психологическим давлением и произошёл эмоциональный слом Мосса. Его болезнь и возможное выздоровление связываются с комплексом, сложившимся на почве расовой дискриминации. Не менее сильна посылу концовка. Когда после выздоровления Мосс собирается покинуть военный госпиталь, к нему подходит добродушный белый солдат и, предложив открыть совместное дело, символически протягивает для рукопожатия несуществующую руку. Такой финал был призван выразить надежду на то, что изображение темнокожего и белого, работающих вместе, станет явью. Картина с таким громким высказываем не могла выйти в предыдущие десятилетия. Фильм имел ошеломляющий успех у публики и понравился даже зрителям-южанам. В восторге пребывали и критики: журнал «Тайм» писал: «[В фильме] есть новизна, эмоциональный накал и волнение, которые возникают от борьбы с реальной проблемой, а не от фехтования с помощью придуманного сюжета» [Vogle D., 1989: 145]. «Вэрайети» хвалила продюсеров фильма за храбрость [10]. Репортер «Нью-Йорк таймс» отмечал остроту и деликатность темы расовых предрассудков: «Часто поднимаемая в голливудских фильмах, но никогда полностью не обсуждаемая ни в одном из них, наконец, эта тема со всей откровенностью выдвигается в качестве главной темы развлекательного фильма». «Картина прямо и честно борется со злом расовой диффамации <...> Она точно показывает сокрушительный ущерб, который расовые предрассудки могут нанести человеку» [11].

Другой фильм - «Потерянные границы» (*Lost Boundaries*) 1949 г. - развивал тему «Имитации жизни» 1934 г. о преодолении расовых границ и вызвал очень бурную реакцию. В то время как критики были в восторге от картины, местные власти запретили её к показу в Атланте и Мемфисе. В прокате фильм, при всех ограничениях, собрал немалую кассу. «Вэрайети» писала: «Фильм показывает, что киноиндустрия США, решившая заняться этой самой взрывоопасной проблемой, способна на необычайное мужество, интеллект и сочувствие» [12]. Директор Национальной ассоциации так отреагировал на фильм: «одно можно сказать точно - после «Дома храбрости» и «Потерянных границ» Голливуд никогда не сможет вернуться к своим старым изображениям цветного населения, вроде глупого холопа или идиота-скомороха» [Doherty Thomas P., 2007: 243].

Следующими фильмами из цикла стали «Осквернитель праха» (*Intruder in the Dust*) 1949 г. и «Выхода нет» (*No Way Out*) 1950 г., исследующие проблемы несправедливости, неравенства и насилия по отношению к темнокожим. Главный герой «Осквернителя» - темнокожий фермер, ошибочно обвинённый в убийстве. В прокате картина выступила скромно, но, тем не менее, «Нью-Йорк таймс» выпустила о ней хвалебную статью [13]. О втором фильме критики высказались более

сдержанно: оставшись недовольными художественной составляющей фильма, они поддержали выбранную автором животрепещущую тему для освещения [14]. Главный герой «Выхода нет» - темнокожий врач-новичок. В тюремном изоляторе он сталкивается с парой пациентов-расистов – двумя братьями-ворами, подстреленными во время задержания. Врач, невзирая на насмешливые комментарии, помогает им. У одного из братьев он диагностирует опухоль мозга и проводит сложную операцию, после которой пациент умирает. Зрителю понятно, что причина смерти – уже перенесенная потеря крови, и доктор здесь ни при чём. Однако второй брат обвиняет темнокожего врача в убийстве и отказывается дать разрешение на проведение вскрытия, которое могло бы доказать его невиновность. Случай попадает в газеты, и в городе начинаются столкновения на расовой почве. Однако дико здесь, в отличие от «Так красна роза» 1935 г., выглядят обе стороны конфликта. Сложно представить, чтобы крупные киностудии выпустили бы фильмы с подобными сюжетами в 1930-е годы.

Другие картины бросали вызов расовым предрассудкам и призывали темнокожих и белых к сотрудничеству. В картине «Блестящая победа» (*Bright Victory*) 1951 г. слепой белый солдат в госпитале подружился с таким же слепым ветераном. Герой произносит расовое оскорбление, не подозревая, что его новый друг – темнокожий, а затем, узнав об этом, испытывает чувство стыда. В фильме «Колодец» (*The Well*) 1951 г., старый стереотип темнокожего мужчины, представляющего угрозу для белых женщин, оказался вывернут наизнанку: по сюжету афроамериканскую девушку в последний раз видели с белым мужчиной, и подозрение относительно того, что с ней случилось, приводит к усилению расовой напряжённости в маленьком городке. Наконец, темнокожие и белые объединяются в поисках и находят девушку в колодце живой. Фильм «Скованные одной цепью» (*The Defiant Ones*) 1958 г. рассказывает о том, как подружились два сбежавших заключённых – темнокожий и расист, прикованные друг к другу. Такой чёрно-белый тандем стал одним из любимых Голливудом способов ввести афроамериканцев в большое кино. В это же время послевоенное поколение молодых голливудских режиссёров начало оспаривать кодекс Хейса, с 1930-х годов определявший моральный облик голливудского кино. Фильм «Пинки» (*Pinky*) 1949 г. касался запретной темы межрасовых любовных отношений – романа темнокожей южанки и белого доктора-северянина, а «Поцелуй убийцы» (*Killer's Kiss*) 1954 г. пошёл ещё дальше, показав на экране первый поцелуй между белой американкой и цветным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, начавшееся движение за гражданские права темнокожих, вызванное экономическими, политическими и социальными сдвигами в США 1930–1950-х годов, сильно повлияло на Голливуд, который на протяжении всего существования внимательно следил за политическими трансформациями в стране и

тут же ловил изменяющийся тренд. Вместе с американским обществом кинематограф проходил путь от эксплуатации карикатурных образов темнокожих до качественно новых персонажей-афроамериканцев с продуманной историей и характером – от второстепенных ролей прислуги и счастливых рабов до медиков, солдат, учителей, директоров, радикально отличавшихся от традиционных стереотипов. «Великая депрессия», «Новый курс» и борьба темнокожих за гражданские права дали первый импульс к таким переменам. И хотя киностудии предпочитали творить, используя проверенные временем клише, некоторые из них все же адаптировали афроамериканские образы применительно к изменившейся действительности, проявляя при этом, порой, некоторую смелость. Вторая мировая война, поставив американское общество перед необходимостью сплотить население и дистанцироваться от расовой доктрины нацизма, заставила американское общество по-другому посмотреть на проблему дискриминации в своей стране. Кинематограф военных лет стал следующим этапом в эволюции образов темнокожих на экране, преподнес им новые роли и возможности, показал их с новой стороны. Этот процесс продолжился и в послевоенные годы на фоне усилившейся борьбы афроамериканцев за гражданские права. К началу 1950-х годов темнокожие на экране стали появляться в образах врачей, учителей, солдат и надёжных напарников. Сюжеты некоторых кинофильмов этого десятилетия трудно себе представить на экранах кинотеатров в 1920–1930-е годы. И, несмотря на то, что самые успешные картины 1930–1950-х обходились, в основном, без темнокожих на первом плане, кассовый успех «нестандартных» фильмов, в которых темнокожие артисты предстают в новых образах, может указывать на изменившееся мировоззрение, по крайней мере, части американской аудитории.

ИСТОЧНИКИ

1. Filmsite.org. All-time box-office hits (Domestic gross) by decade and year. Available at: <https://www.filmsite.org/boxoffice2.html> (accessed 12.03.2022).
2. Sennwald, A. King Vidor's Screen Version of the Stark Young Novel «So Red the Rose» at the Paramount // *The New York Times*, Nov. 28, 1935. – p.39
3. Sennwald, A. The Screen Version of Fannie Hurst's «Imitation of Life», at the Roxy – «College Rhythm» // *The New York Times*, Nov. 24, 1934. p.19.
4. Land. Imitation of Life / Film Reviews // *Variety*, Nov. 27, 1934. p. 15.
5. AFI Каталог художественных фильмов. «Теннесси Джонсон» (1942 г.) Available at: <https://catalog.afi.com/Film/709-TENNESSEE-JOHNSON?sid=babf30bf-c8af-469d-853b-8ac3db8509e2&sr=11.978701&cp=1&pos=0> (accessed 16.03.2022).
6. Cabin in the Sky / Reviews of the new films // *The Film Daily*, Feb. 15, 1943. p. 5.
7. AFI Каталог художественных фильмов. «Темнокожий солдат» (1944 г.) Available at: <https://catalog.afi.com/Film/27691-THE-NEGROSOLDIER?sid=6f3b8f16-ac47-4838-adaf-38c763bfd4e6&sr=0.08359542&cp=1&pos=1> (accessed 16.03.2022).
8. B.C. 4 Theaters show negro war film // *The New York Times*, Apr. 22, 1944. p.8.
9. Walt. Bataan / Film Reviews // *Variety*, May. 26, 1943. p. 8.
10. Kahn. Home of the Brave / Film Reviews // *Variety*, May. 4, 1949. p. 11.

11. Crowther B. «Home of the Brave», at Victoria, and «The Stratton Story», at Music Hall, Well Rated // *The New York Times*, May. 13, 1949. p.29
12. Herm. Lost Boundaries / Film Reviews // *Variety*, Jun. 29, 1949. p. 14.
13. Crowther B. «Intruder in the Dust», M-G-M's Drama of Lynching in the South, at the Mayfair / The Screen in Review // *The New York Times*, Nov. 23, 1949. p.19.
14. AFI Каталог художественных фильмов. «Выхода нет» (1950 г.) Available at: <https://catalog.afi.com/Film/25556-NO-WAYOUT?sid=82766991-42be-4a70-8cd6-0ebbc13853ce&sr=10.314096&cp=1&pos=0> (accessed 16.03.2022).

REFERENCES

- Bogle, D. Toms, Coons, Mulattoes, Mammies, & Bucks: An Interpretive History of Blacks in American Films. // Continuum Publishing Co., New York, NY - 1989. - P. 322
- Cripps, T., Culbert D. The Negro Soldier (1944): Film Propaganda in Black and White // *American Quarterly*, Vol. 31, - No. 5, Special Issue: Film and American Studies, - The Johns Hopkins University Press, - 1979. - pp. 616-640.
- Cripps, T. Slow fade to black: the Negro in American film, 1900-1942 // Oxford University Press, New York, NY - 1977. - P. 468.
- Dixon, W. W. American Cinema of the 1940s: Themes and Variations. // Rutgers University Press, New Brunswick, N.J. - 2005. - P. 304.
- Doherty, Thomas P. Hollywood's Censor: Joseph I. Breen & the Production Code Administration // Columbia University Press, New York, NY - 2007. - P. 243.
- Hark, Ina Rae. American Cinema of the 1930s: Themes and Variations. // Rutgers University Press, New Brunswick, N.J. - 2007. - P. 279.
- Nestey, James R. Black Images American Film // University Press of America, Washington, D.C. - 1981. - P. 281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГАВРИЛОВ Антон Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории. Российский университет дружбы народов. Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

GAVRILOV Anton Sergeevich. Post-graduate student, the department of General History. Peoples' Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 2.06.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 18.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 19.06.2022.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.